

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
Спасибо, что выбрали форум Бакши buckshee-Спорт, авто, финансы, недвижимость.
Здоровый образ жизни. Приятного чтения! <http://buckshee.petimer.ru/>

Марли и я: жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн

Предисловие

Идеальная собака

Летом 1967 года, когда мне исполнилось десять лет, папа наконец согласился купить собаку. Мы сели в наш универсал и отправились на ферму, расположенную на окраине Мичигана, которая принадлежала одной грубоватой женщине и ее престарелой матери. Здесь можно было купить только один товар – собак: любого возраста, размера и темперамента. Всех питомцев объединяли две черты: во-первых, это были полукровки с неизвестной или сомнительной родословной, и, во-вторых, любую собаку запросто отдавали в хорошие руки. Мы приехали к хозяевам этих дворняжек.

– Главное, сынок, не спеши с выбором, – сказал отец. – Пройдут годы, и ты будешь вспоминать свое сегодняшнее решение.

Я сразу решил, что стареющих собак по доброте душевной возьмет кто-нибудь другой, и без всяких колебаний устремился к клетке со щенками.

– Если хочешь взять храбрую собаку, – советовал папа, – попробуй пошуметь и посмотри, кто из щенков не испугается.

Я вцепился в решетку, прикованную цепью к клетке, и дернул ее. Раздался громкий лязг, и примерно дюжина щенков попятилась, наступая друг другу на голову, превратившись в один большой клубок пушистого меха. Только один из них, золотистый, с белым пятном на груди, не испугался: он подпрыгнул и начал радостно лизать мои пальцы через прутья клетки. Это была любовь с первого взгляда.

Я привез его домой в картонной коробке и назвал Шоном. Это была одна из тех собак, кто отстаивает доброе имя четвероногих. Он быстро выучил все команды и отличался хорошим поведением. Я мог уронить на пол хлебную корку, и он не притронулся бы к ней без моего разрешения. Он подбегал, когда его звали, и оставался на месте, если давали такую команду. По вечерам мы спокойно выпускали гулять его одного, зная, что он сделает свои дела и сразу вернется. Мы могли оставить его дома без присмотра, не волнуясь, что он поранится и что-то разобьет, хотя редко так поступали. Он бегал за машинами, но при этом не лаял, и гулял рядом со мной без поводка. Шон мог нырять в нашем озере и доставать со дна камни, иногда такие крупные, что они застревали у него в пасти. Больше всего ему нравились семейные путешествия на машине, когда я сажал его на заднее сиденье рядом с собой. Тогда он мог часами любоваться видами из окошка. Думаю, особенно эффектно смотрелся такой трюк: он тянул мой велосипед, словно санки, вызывая всеобщую зависть у моих друзей. И при этом пес никогда не подвергал меня опасности.

Он всегда был рядом – и когда я в первый (и последний) раз закурил, и когда поцеловал свою первую девушку. Он сидел на переднем сиденье Corvaір – эту машину я тайком позаимствовал у старшего брата, чтобы впервые в жизни оказаться за рулем.

Шон был энергичным, но дисциплинированным псом, нежным и спокойным одновременно. Он был настолько хорошо воспитан, что перед тем, как присесть и сделать свои дела, он скромно забегал за куст, и оттуда торчала только его макушка. Благодаря его чистоплотности по нашей лужайке можно было ходить босиком.

Если на выходные к нам приезжали родственники, то они покидали нас полные решимости обзавестись собакой – до такой степени им нравился Шон, или Святой Шон, как я начал называть его. Пес стал нашей домашней достопримечательностью, подарком судьбы. Мы не могли поверить, что нам досталось такое сокровище. Он не обладал завидной родословной и был одной из множества никому не нужных собак. Но по какой-то счастливой, невероятной случайности он стал желанным другом. Я вошел в его жизнь, а он – в мою, подарив мне детство, о котором мечтает любой ребенок.

Эта любовь длилась почти четырнадцать лет. Когда Шон умер, я уже не был тем маленьким мальчиком, что в один из летних дней принес его домой. Я вырос. Окончил колледж и начал работать, разъезжая по делам по всему штату. Когда я

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru стал жить отдельно, Святой Шон остался в доме родителей; его место было там. Однажды мне позвонили родители и сообщили трагическую новость. К тому времени они уже вышли на пенсию. Позднее мама призналась: «За пятьдесят лет совместной жизни я всего дважды видела твоего отца в слезах. В первый раз это случилось, когда твоя сестра Мэри Энн родилась мертвой, а во второй раз – когда умер Шон».

Святой Шон моего детства. Мой идеальный пес. Во всяком случае, таким он остался в моей памяти навсегда. Именно Шон установил высокую планку, по которой я оценивал всех следующих своих собак.

Глава 1

Третий член семьи

Мы были молодыми и влюбленными. В те первые безоблачные дни семейной жизни мы веселились от души, и каждый день был радостным и счастливым. Мы не могли жить друг без друга.

Итак, со дня нашей свадьбы прошло пятнадцать месяцев, и однажды, январским вечером 1991 года мы с женой после ужина отправились на почту, чтобы ответить на рекламное объявление в газете Palm Beach Post. Я не вполне отдавал себе отчет зачем. За несколько недель до этого, проснувшись с первыми лучами солнца, я обнаружил, что лежу один. Я встал и увидел Дженни, которая сидела в халате на веранде нашего домика за стеклянным столом. Она внимательно просматривала газету с ручкой в руке.

В этом занятии не было ничего необычного. Palm Beach Post – не просто местная газета, это источник половины нашего семейного бюджета. Дженни и я работали в газетах: она писала статьи для рубрики «Акцент» в Palm Beach Post, а я был корреспондентом Sun-Sentinel, конкурирующего издания Южной Флориды, редакция которой находилась в часе езды в Форт-Лодердейле. Каждое утро мы изучали прессу и просматривали свои статьи, обсуждая личный вклад каждого в конкурентную борьбу. Мы старательно обводили и подчеркивали целые абзацы, а потом подшивали номера.

Но в то утро Дженни интересовали не новости, а специальные колонки. Я заметил, что она торопливо отмечает объявления в рубрике «Домашние животные. Собаки».

– О, – сказал я нежным голосом молодого мужа, – ты ничего не хочешь мне сказать?

Она не ответила.

– Джен-Джен?

– Все дело в растении, – ответила она наконец, и в ее голосе прозвучало отчаяние.

– В растении? – переспросил я.

– Немое растение, которое завяло из-за нас.

Из-за нас? Я не стал уточнять, но замечу: речь шла о растении, которое я купил, а она погубила. Однажды вечером я принес домой прекрасную большую диффенбахию с изумрудными листьями и кремовыми прожилками, чем сильно удивил Дженни. «По какому поводу?» – спросила она, а поскольку повода не было, я воскликнул: «Черт возьми, ну разве не прекрасна жизнь женатого человека?!»

На Дженни произвели впечатление и мой жест, и цветок. В знак благодарности она обняла меня и поцеловала в губы. А затем сознательно и хладнокровно, как маньяк, начала уничтожать мой подарок. Нет, она не стремилась погубить его, но своим уходом довела бедное растение до гибели. Дженни понятия не имела, как обращаться с растениями: она полагала, что все живое нуждается в воде. Поэтому начала ежедневно заливать диффенбахию, совершенно забыв о том, что растению требуется еще и кислород.

– Ты не перестарайся? – предостерег я ее.

– Конечно, нет, – ответила она, выливая в горшок очередную бутылку воды.

Чем больше растение чахло, тем обильнее она его поливала, пока оно печально не

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru склонилось к земле. Как-то раз я заметил увядающий стебель и подумал:

«Да, тому, кто верит в плохие приметы, сегодня было бы чем поживиться».

Сейчас Дженни вспомнила этот случай, мысленно проделав невероятный скачок от погибшего растения к домашним животным. Погубить растение, завести щенка. Да, в этом определенно кроется некий смысл.

Я внимательно посмотрел на разложенную перед ней газету и заметил одно объявление, по-видимому, особенно заинтересовавшее ее, потому что возле него она нарисовала три крупные красные звездочки: «Щенки лабрадора желтого окраса. Чистокровные, имеют клубный сертификат. Различные оттенки. Родители живут в доме».

– Итак, – начал я, – не могла бы ты еще раз объяснить мне, какая связь между растениями и домашними животными?

– Знаешь, – сказала она, оторвавшись от газеты, – я очень старалась, и что из этого вышло? Я не способна позаботиться даже о дурацком комнатном растении. Это ужасно сложно! А ведь единственное, что от меня требовалось, – просто поливать эту чертову диффенбахию.

Затем последовал логический вывод:

– Если я не могу обращаться даже с растением, как можно доверить мне ребенка? – У нее было такое лицо, будто она вот-вот расплачется.

Озабоченность будущим ребенком, так я назвал это состояние, стала навязчивой идеей Дженни, и с каждым днем проблема принимала все более крупные размеры. Дженни окончила университет за несколько месяцев до нашей встречи в редакции маленькой газеты в западном Мичигане, и взрослая жизнь маячила где-то за горизонтом. И для меня, и для нее это была первая серьезная работа после получения диплома. Мы питались пиццей, пили много пива, и сам факт того, что однажды откажемся от фастфуда, представлялся нам абсурдом.

Время летело быстро. Мы едва начали встречаться, как оказались в противоположных концах Восточного побережья – я поступил на курсы повышения квалификации и был вынужден переехать. Сначала мы жили в часе езды друг от друга. Затем – в трех. Потом – в восьми, наконец – в двадцати четырех. К тому времени, когда мы закрепились в Южной Флориде и поженились, Дженни стояла на пороге своего тридцатилетия. У всех ее подруг уже были дети, вдобавок ее организм начал посылать странные сигналы. Они свидетельствовали о том, что возможность иметь детей, казавшаяся нам такой очевидной, начинает исчезать.

Я подошел к ней сзади, обнял за плечи и поцеловал в макушку.

– Не волнуйся, – сказал я. Должен признать, она правильно поставила вопрос. Никому из нас раньше не приходилось всерьез ухаживать за живым существом. Конечно, в наших семьях жили домашние животные, но это не в счет: мы-то знали, что родители всегда о них позаботятся. Мы оба мечтали когда-нибудь завести детей, но был ли хотя бы один из нас готов к этому шагу? Дети казались чем-то... страшным. Они выглядели такими беспомощными и хрупкими, словно стеклянные елочные игрушки.

Дженни попыталась улыбнуться.

– Я подумала, что завести собаку – это отличный способ потренироваться, – ответила она.

* * *

Пока мы в темноте ехали на северо-запад, туда, где окраины Вест-Палм-Бич сменяются длинными рядами загородных домов, я обдумывал решение завести щенка. Несомненно, это была огромная ответственность, если учесть, что мы оба целый день проводили на работе. Тем не менее оба осознавали, что нас ожидает, поскольку выросли в семьях, где жили собаки, которых просто обожали. У меня был Святой Шон, а у Дженни – сеттер Святой Винни, домашний любимец. Все самые светлые воспоминания о детстве у нас обоих неразрывно связаны с этими собаками. Мы вместе гуляли, плавали, играли, попадали в разные передряги. Если бы Дженни

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru требовалась собака исключительно ради получения материнских навыков, я бы попытался сменить тему разговора и, возможно, что-нибудь подарил ей, чтобы она не переживала. Но поскольку мы хотели в будущем завести ребенка, то были убеждены, что семья наша не будет полной без собаки, лежащей на коврик у двери. Когда мы начали встречаться (то есть задолго до того, как мысль родить ребенка пришла нам в голову), мы часами могли рассказывать про своих питомцев. Мы говорили, как скучаем по ним и ждем не дождемся, когда у нас появятся уверенность в завтрашнем дне и свой дом, в котором можно завести собаку.

Теперь у нас было и то и другое. Мы жили в городе и в ближайшее время не собирались никуда переезжать. У нас была крыша над головой – дом, который мы считали своим.

Это был прекрасный домик на чудесном маленьком огороженном участке площадью в тысячу квадратных метров, что идеально подошло бы для собаки. Его местоположение тоже полностью отвечало нашему желанию: симпатичный маленький городок, всего лишь в полутора кварталах от Берегового канала, который отделяет Вест-Палм-Бич от особняков Палм-Бич. Наша улица Черчилль-роуд заканчивалась зеленым парком, протянувшимся вдоль побережья на несколько километров. Асфальтированная дорожка, проложенная у береговой линии, отлично подходила для бега по утрам и катания на велосипеде и роликовых коньках. Но прежде всего – для прогулки с собакой.

Наш дом построили в 1950 году, и он в полной мере отражал очарование Флориды: камин, оштукатуренные стены, огромные окна, пропускающие много света, и балконные двери, ведущие в наше самое любимое место – застекленную веранду на задней стороне дома. Наш двор напоминал уютную бухту, затерявшуюся где-то в тропических широтах, где по берегам растут пальмы, авокадо и яркие цветы. Над нашим зеленым участком, словно башня, возвышалось раскидистое манговое дерево, и каждое лето с него падали зрелые плоды с таким звуком, будто кто-то спрыгнул с крыши. Часто, лежа в кровати, мы слышали этот глухой стук о землю: бум! бум! бум!

Мы приобрели этот домик с двумя спальнями и ванной комнатой сразу же после медового месяца и тотчас приступили к ремонту.

Прежние его владельцы, почтовый служащий-пенсионер и его жена, несомненно, отдавали предпочтение зеленой гамме. Так были выкрашены фасад здания, и внутренние стены, и ставни, и входная дверь, а на окнах висели зеленые шторы. Ковровое покрытие, которое бывшие хозяева заказали перед продажей дома, чтобы придать ему товарный вид, тоже было зеленого цвета. Однако этот оттенок не был ни жизнерадостным зеленым с желтоватым отливом, ни холодноватым изумрудным, ни даже лаймовым. Нет, он напоминал цвет рвоты после несварения, только с примесью хаки. В общем, сильно смахивало на военную казарму.

В первый же вечер, проведенный в новом доме, мы отодрали новый зеленый ковролин и выбросили его на улицу. Под ним оказался пол из дубовых досок в отличном состоянии. Складывалось впечатление, что по нему вообще не ступала нога человека. Мы тщательно отциклевали его и покрыли лаком для придания блеска. После этого мы решили потратить большую часть двухнедельной зарплаты на покупку персидского ковра ручной работы и расстелили его в гостиной перед камином. Со временем мы перекрасили все зеленые поверхности и заменили все зеленые вещи – барак почтового служащего постепенно превращался в наш дом.

Казалось, мы наводили порядок с единственной целью: чтобы здесь поселился огромный четвероногий жилец с острыми когтями и большими клыками, с довольно скромным знанием английского, который готов перевернуть здесь все вверх дном.

* * *

– Притормози, дружок, иначе мы пропустим нужный дом, – ворчала Дженни. – Он где-то здесь.

Мы ехали в непроглядной тьме по дну бывшего болота. После окончания Второй мировой войны его осушили, а затем этот участок заселили жители пригородов, которые ценили пасторальную идиллию.

Дженни оказалась права: вскоре фары осветили почтовый ящик с номером дома, который мы искали. Я свернул на гравийную дорожку, которая вела к большому деревянному дому с прудиком и стоящему позади небольшому сараю. У входа нас

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru встретили женщина средних лет по имени Лори и невозмутимого вида крупный палевый лабрадор.

– Это Лили, наша счастливая мама, – сказала Лори после того, как мы представились. Мы заметили, что спустя пять недель после родов живот Лили по-прежнему был раздут, а соски набухли. В знак уважения мы с Дженни присели на корточки, и Лили радостно завилала хвостом. Она выглядела именно так, как нам представлялась самка лабрадора: добрая, преданная, спокойная и необыкновенно красивая.

– А где же папа? – спросил я.

– О! – воскликнула Лори, замаявшись на долю секунды. – Вы о малыше Сэмми? Он где-то здесь, – и быстро добавила: – Думаю, вам не терпится посмотреть щенков.

Она провела нас через кухню в подсобное помещение, переоборудованное под собачью детскую. На полу были расстелены газеты, а в углу стояла коробка с низкими бортиками, обернутая старыми полотенцами. Но мы почти не обратили на это внимания. Да и как можно смотреть на что-то иное, кроме девяти крошечных палевых щенков? Они то и дело натыкались друг на друга, громко возмущаясь приходом гостей. Дженни затаила дыхание.

– О боже, – наконец выдохнула она, – кажется, никогда не видела ничего очаровательнее.

Мы уселись на пол и позволили щенкам полазить по нам, пока счастливая Лили суежилась вокруг них, виляя хвостом и обнюхивая по очереди каждого своего отпрыска, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке. Когда я согласился приехать сюда, мы с Дженни договорились: ограничимся просмотром щенков, но не будем спешить с покупкой. «Это же первое объявление, по которому мы позвонили, – убеждал я. – Давай не будем торопиться с решением». Однако уже через минуту стало ясно, что битва мной проиграна. Не осталось и тени сомнения, что, прежде чем наступит рассвет, один из малышей станет нашим.

С одной стороны, Лори была, что называется, нелегальным заводчиком. К выбору чистокровной собаки мы отнеслись как полные чайники, хотя и прочитали на эту тему пособия и знали, что нужно избегать так называемых конвейерных щенков, на разведении которых обычно наживаются заводчики. В отличие от машин у породистых щенков могут проявиться серьезные наследственные заболевания – от дисплазии тазобедренного сустава до слепоты в раннем возрасте из-за близкородственного скрещивания.

С другой стороны, Лори казалась человеком увлеченным. В ней скорее чувствовалась любовь к породистым собакам, нежели стремление к наживе. Она владела всего одной парой лабрадоров, причем сука и кобель в родстве не состояли, что Лори подтвердила документально. Выводок Лили, который мы видели, был вторым и последним, и теперь ей было суждено провести остаток жизни, наслаждаясь простыми радостями деревенской жизни. Поскольку оба родителя вроде бы имелись, покупатель мог лично убедиться в происхождении щенков, хотя кобеля нам так и не показали.

Выводок состоял из пяти девочек (на четырех из них уже поступили заказы) и четырех мальчиков. Лори просила 400 долларов за последнюю девочку и 375 долларов за мальчика. Одного щенка, казалось, особенно взволновало наше с Дженни появление. Он был самым бестолковым в помете и затеял кувыркаться у нас на коленях, карабкался вверх по одежде, лизал нам лица. Он грыз нам ногти удивительно острыми для такого малыша зубами и топтался вокруг на желтовато-коричневых лапах, непропорционально широких для щенка.

– Этого я отдам за три с половиной сотни, – предложила хозяйка.

Дженни хлебом не корми, только предложи скидку. Она приносила домой уйму бесполезных вещей только потому, что ее привлекала цена и появлялась возможность сэкономить. «Знаю, ты не играешь в гольф, – однажды заявила она, достав из машины набор подержанных клюшек, – но ты не поверишь, как дешево они мне обошлись». Вот и теперь я заметил блеск в ее глазах.

– Ах, дорогой, – сладко проговорила она, – давай возьмем этого щеночка!

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru что ж, вынужден признать, щенок действительно был очаровательный и игривый. Пока я оценивал ситуацию, шалун едва не перегрыз ремешок на моих часах.

– Надо проверить его реакцию, – сказал я. Прежде не раз рассказывал Дженни, как мы выбрали Святого Шона. Я был совсем маленьким, и отец подсказал мне, что нужно сделать какое-нибудь резкое движение или пошуметь, чтобы отличить робкого щенка от храброго. В ответ Дженни, окруженная пушистыми комочками, закатила глаза, тем самым давая понять: поведение членов семьи Грогэн, мягко говоря, казалось ей странным.

– Seriously, – настаивал я. – Этот способ работает.

Я повернулся спиной к щенкам, а затем внезапно сделал резкий выпад в их сторону, топнул ногой и крикнул: «Эй!» Комочки не прореагировали на странное движение незнакомца, и лишь один из них выпрыгнул вперед, чтобы грудью встретить опасность. Это был тот самый Щенок-со-Скидкой. Он с энтузиазмом набросился на меня, запутался между щиколотками и яростно атаковал мои шнурки, решив, что перед ним опасные враги, с которыми нужно расправиться.

– Похоже, это знак судьбы, – сказала Дженни.

– Думаешь? – спросил я, подняв щенка с пола и удерживая его одной рукой возле лица.

Я внимательно осмотрел его мордочку. Он в ответ уставился на меня трогательными карими глазками и слегка тяпнул за нос. Я передал щенка Дженни, и он повторил свое приветствие.

– Похоже, мы ему понравились, – заметил я.

Мы сделали свой выбор и выписали Лори чек на 350 долларов. Она сказала, что через три недели Щенок-со-Скидкой подрастет, и тогда его можно будет отлучить от матери и забрать.

Мы поблагодарили хозяйку, напоследок погладили Лили и попрощались.

По дороге к машине я обнял Дженни за плечи и притянул к себе.

– Ты готова в это поверить?! – воскликнул я. – Мы почти завели собаку!

– Вот бы поскорее привезти щенка домой, – ответила она.

Едва мы приблизились к машине, как услышали шум со стороны леса. Кто-то пробирался сквозь кусты, и это существо тяжело дышало. Такие звуки хороши для фильма ужасов. Мы замерли, всматриваясь в темноту. Звук становился все громче, его источник явно приближался. Мгновение спустя в полосе света возник желтый силуэт, который двинулся в нашу сторону. Очень крупное желтое животное. Когда оно пробежало мимо, казалось, даже не обратив на нас никакого внимания, мы поняли, что это гигантский лабрадор. И он ничем не напоминал милую Лили, с которой мы ласкались в доме. Этот пес насквозь промок, лапы и живот были покрыты грязью, язык свешивался из пасти, а с губ капала пена. Взглянув в его глаза на долю секунды, я увидел в них странный, почти безумный, но в то же время радостный блеск, словно пес только что столкнулся с привидением, и эта встреча его позабавила.

В следующий миг зверь с грохотом исчез, скрывшись за домом. Дженни облегченно вздохнула.

– Внутренний голос подсказывает мне, – произнес я, ощутив приступ подступившей тошноты, – только что мы видели папу.

Глава 2

Пес голубых кровей

У нас, новоявленных собаководов, сразу разгорелся спор. Он начался еще в дороге, пока мы ехали от Лори, и растянулся на целую неделю. Мы никак не могли решить, как назвать нашего Щенка-со-Скидкой. Дженни не нравились мои варианты и наоборот. Борьба мнений закончилась однажды утром до ухода на работу.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru – Челси? – переспросил я. – Это такое цыплячье имя! Да ни одному нормальному псу не подойдет имя Челси.

– Можно подумать, что он поймет, как мы его назвали! – парировала Дженни.

– Другое дело – Охотник, – предложил я. – Охотник – чем не кличка?

– Охотник?! Издеваешься? Ты что, собираешься ездить с ним на охоту в компании мужиков? Это слишком brutальное имя. К тому же ты никогда в жизни не охотился.

– Он же кобель, – отрезал я, начиная закипать от злости. – У него должно быть мужское имя. И не подстраивай кличку под свои женские стереотипы.

Меня все это не устраивало. Я решил взять быка за рога. Пока Дженни готовилась к ответному удару, я постарался направить спор в нужное русло.

– Чем тебе не нравится имя Луи?

– Оно уместно, если ты работаешь на заправке, – раздраженно ответила Дженни.

– Хорошо, прекрасно! Между прочим, так звали моего деда. Ты, верно, хочешь назвать пса в честь твоего дедушки? Билл, славный песик!

Тут Дженни, демонстрируя свое равнодушие к обсуждению, подошла к магнитофону и включила музыку. Это был один из ее приемов в супружеских ссорах: когда упираешься в тупик, заставь партнера умолкнуть. Из колонок полились ритмичные звуки регги в исполнении Боба Марли, [1] которые мгновенно успокоили нас обоих.

Мы открыли для себя этого ямайского певца, когда переехали из Мичигана в Южную Флориду. На болотистых берегах в верховье Среднего Запада, где обитали в основном белые американцы, мы подсели на Боба Седжера [2] и Джона Кугара Мелленкампа. [3] Здесь же, в Южной Флориде, этом пульсирующем этническом потоке, музыка Боба Марли слышалась повсюду, даже спустя многие годы после его смерти. Мы слышали ее по радио, проезжая по бульвару Бискейн. Она играла, когда мы потягивали кофе по-кубински в районе Маленькой Гаваны или ели курицу по-ямайски в забегаловках в унылых иммигрантских кварталах, лежащих к западу от Форт-Лодердейла. Мы наслаждались ею, когда впервые отведали оладыи из моллюсков на фестивале музыки Багамских островов «Гумбей» в престижном районе Майами Коконат-Грув и во время поездки за гаитянскими сувенирами в Ки-Уэст. [4]

По мере исследования местности мы все сильнее влюблялись и в Южную Флориду, и друг в друга. И, казалось, повсюду незримо витал дух Боба Марли. Он был с нами, когда мы жарились на пляже под палящим солнцем, когда перекрашивали грязно-зеленые стены нашего дома, когда, проснувшись на рассвете от криков попугаев, занимались любовью в лучах утреннего солнца, пробивавшихся сквозь ветви бразильского перечного дерева, которое росло под нашими окнами. Мы влюбились в эту музыку за ее непосредственность и красоту; она напоминала нам о тех сладких моментах, когда мы сливались в едином порыве. Боб Марли стал музыкальным фоном нашей новой совместной жизни в этом странном, экзотическом, суетном месте, совершенно не похожем на наши прежние условия обитания.

Вот и сейчас из динамиков лилась наша любимая песня, близкая нам обоим. Голос Марли наполнил комнату, вновь и вновь звучал припев: «Неужели любовь в моем сердце?» И мы, не сговариваясь, в один голос воскликнули: «Марли!»

– Вот! – радовался я. – Вот оно, нужное имя! – Дженни улыбнулась. Это было хорошим знаком. Я решил повторить имя еще раз.

– Марли, ко мне, – скомандовал я. – Марли, сидеть! Хороший пес, Марли!

Дженни подхватила:

– Марли, ты просто милашка!

– Думаю, это отличное имя, – заключил я. Дженни кивнула в знак согласия. Наши споры закончились, а у щенка наконец появилось имя.

* * *

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
На следующий вечер после ужина я зашел в спальню, где читала Дженни, и сказал:

– Думаю, надо добавить его имени шарма.

– Ты о чем? – Дженни удивленно взглянула на меня. – Оно же нам обоим нравится.

Я просмотрел бланки регистрации Американского клуба собаководов. Как чистокровный лабрадор, чьи родители имели родословные, Марли тоже имел право на клубную регистрацию. По правде говоря, эти бумаги нужны только тем хозяевам, которые собираются выставлять свою собаку или хотят отдавать ее на вязку – в таких случаях наличие сертификата обязательно. Обычному четвероногому любимцу это не требуется. Но я уже строил грандиозные планы в отношении нашего Марли. Впервые мне пришлось иметь дело с более или менее чистокровной собакой, даже с учетом опыта нашей семьи. Как и у Святого Шона, пса из моего детства, в моей собственной родословной не было ничего достойного внимания. Кажется, во мне намешано кровей больше, чем есть стран в Европе. А Марли – пес голубых кровей, и я не собирался упускать возможность, связанную с его породистым происхождением. Признаюсь, я благоговею перед знаменитостями.

– Представь, мы повезем его на выставку, – размышлял я. – Вот скажи, ты видела когда-нибудь чемпиона с одним именем? Нет, у них всегда длиннющие титулы, типа сэра Дартуорт из Челтенхэма.

– А его хозяин – сэр Доркшир из Вест-Палм-Бич, – приснула от смеха Дженни.

– Нет, серьезно. Мы можем прилично заработать, выставляя Марли. Знаешь, сколько люди готовы заплатить за удовольствие посмотреть на чистокровную собаку? И у всех этих псов причудливые имена.

– Все, что пожелаешь, дорогой, – ответила Дженни и снова погрузилась в чтение.

Остаток вечера я обдумывал новое имя и следующим утром буквально поймал жену в ванной:

– Я нашел идеальное имя.

Она посмотрела на меня скептически.

– Ну, какое?

– Хорошо. Готова? Вот оно! – и, смакуя каждое слово, я произнес: – Великолепный... Марли... Черчилльский... Собственность Грогэнов. (Вот черт, подумал я, звучит прямо по-королевски!)

– Слушай, мне кажется, это звучит по-дурацки, – отрезала Дженни.

Но меня это не волновало. Мне выпала честь провести всю подготовительную работу, и я уже вписал имя в бумаги. Чернилами. Дженни может ухмыляться сколько ей заблагорассудится, но пройдет несколько лет, и Великолепный Марли Черчилльский, собственность Грогэнов, станет чемпионом на выставке Вестминстерского клуба собаководов. И я с важностью совершу с ним круг почета перед зачарованными телезрителями всего мира. Вот тогда и посмотрим, кто посмеется.

– Ладно, мой самонадеянный герцог, пойдем завтракать, – предложила Дженни.

Глава 3

Связь с домом

Пока мы жили в ожидании момента, когда сможем привезти Марли домой, я запоздало принялся штудировать литературу, посвященную лабрадорам. «Запоздало», потому что практически во всех прочитанных мною источниках содержалась настойчивая рекомендация: «Прежде чем покупать собаку, убедитесь, что достаточно знаете породу и представляете себе последствия». Вот так!

Например, в городской квартире вряд ли хозяин уживется с сенбернаром, а семье с маленькими детьми не следует заводить непредсказуемого чау-чау. Домоседка, которая ищет для себя декоративную собачку, способную часами сидеть на коленях, пока хозяйка смотрит сериалы, сошла бы с ума от колли – для полного счастья собаке необходимо резвиться и много двигаться.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Я со стыдом признавал: прежде чем остановиться на лабрадоре, мы с Дженни не навели справок о породе и выбрали собаку только по одному критерию: зову сердца. Порой мы любовались этими собаками, бегущими за хозяйскими велосипедами по дорожке вдоль Берегового канала: крупные и подвижные, в них ключом была жизнь, что нечасто встретишь в нашем мире. Особенно нас смущало то обстоятельство, что мы предварительно не изучили «Полный справочник по собакам» – библию пород, изданную Американским клубом собаководов, не говоря уже о менее авторитетном издании. Нет, решающую роль сыграл другой литературный тяжеловес, Гари Ларсон [5] и его комиксы «По ту сторону». Мы оба были его поклонниками. Среди персонажей своей смекалкой выделялись городские лабрадоры, которые никогда не лезли за словом в карман. Да-да, они говорили! Что здесь могло не понравиться? Лабрадоры выглядели чрезвычайно забавными, по крайней мере в комиксах Ларсона. Кому не хочется добавить разнообразия в свою жизнь? Вот мы и купились.

Теперь же, размышляя над более серьезными исследованиями, посвященными лабрадорам, я почувствовал облегчение, словно у меня свалилась гора с плеч. Какими бы неподготовленными мы ни оказались, результат нашего выбора вполне устроил нас. В литературе нашлось немало ярких примеров характера лабрадоров: они очень преданны, нежны с детьми, не агрессивны, и им нравится угождать своим хозяевам. Сообразительные и хорошо обучаемые, собаки этой породы использовались на поисково-спасательных работах и в качестве собак-поводырей. Все эти качества укладывались в образ ласкового животного, созданного для жизни в доме, в котором рано или поздно появятся дети.

В одном из справочников о лабрадорах говорилось в превосходной степени: «Лабрадоры славятся своим умом, нежной привязанностью к человеку, недюжинными способностями и горячим желанием выполнить любую команду». Другого автора приводила в восхищение их верность хозяину. Все эти свойства позволили охотничьей собаке, которую птицеловы ценили за непревзойденную способность доставать подстреленных уток и фазанов из холодных водоемов, подняться до уровня самой популярной породы собак в Америке. В 1990 году лабрадор потеснил кокер-спаниеля с первого места в рейтинге самых распространенных в стране домашних собак, подготовленном Американским клубом собаководов. С тех пор ни одна порода не могла состязаться с лабрадорами в популярности. В 2004 году они уже в пятнадцатый раз подряд возглавили этот список: в Штатах насчитывалось 146 692 особи. Второе место с огромным отрывом заняли золотистые ретриверы численностью 52 550 особей, за ними шли немецкие овчарки – 46 046 собак.

Совершенно случайно мы купили щенка той породы, которая восхищала всю Америку. Сотни тысяч счастливых собаководов не могли ошибиться, верно? Мы выбрали признанного фаворита. И все же некоторые факты в энциклопедиях нас настораживали.

Традиционно лабрадоров разводили как рабочих собак – этим объясняется их безудержная энергия. Они необыкновенно общительны и плохо переносят длительное одиночество. Среди них могут встречаться тугодумы. Чтобы лабрадоры не превратились в разрушителей семейного очага, им необходимы ежедневные упорные тренировки. Некоторые собаки бывают настолько возбуждаемыми, что контролировать их состояние порой сложно даже опытным инструкторам. Иногда взросление щенков затягивается на три и более года, и тогда от хозяев требуется повышенное внимание и терпение.

Веками люди выводили лабрадоров сильными и выносливыми, чтобы те умели терпеть боль. Эти качества особенно пригодились собакам, когда им приходилось бросаться в ледяные воды Северной Атлантики, чтобы помогать рыбакам. Однако в домашней обстановке такая собака может стать слоном в посудной лавке: это крупные, сильные и коренастые животные, которые не осознают собственной мощи. Одна хозяйка лабрадора рассказывала мне, как однажды привязала своего мальчику к опоре гаражных ворот, чтобы он находился рядом, пока она мыла машину на подъездной дорожке. И что же? Стоило псу увидеть белку, как он изо всех сил бросился за ней, выдернув стальную раму.

А затем мне попала на глаза фраза, которая заронила страх в мое сердце. «Лучшим показателем будущего характера щенка служат его родители. В подавляющем большинстве случаев черты характера передаются по наследству». В голове промелькнуло покрытое грязью привидение с пеной у рта, которое вылетело к нам в ту ночь, когда мы приезжали выбирать щенка. О боже, подумал я. Автор книги

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru настоятельно рекомендовал потребовать от заводчиков, чтобы они на месте показали обоим родителям щенка. Мысленно снова погрузился в события того вечера. На этот раз меня встревожила легкая неуверенность, промелькнувшая на лице Лори, когда я спросил про отца щенят. «О... он где-то здесь». А потом она поспешила сменить тему. Да, такая тактика определенно сработала. Покупатели, знающие о возможности подобных махинаций, непременно потребовали бы предъявить пса. И что бы они увидели? Жуткую тварь, непонятно где и зачем блуждающую по ночам, будто за ней черти гонятся? Я молился, чтобы Марли унаследовал характер своей матери.

Но отвлечемся на время от вопросов генетики, в конце концов, все чистокровные лабрадоры обладают общими предсказуемыми чертами характера. Американский клуб собаководов описал стандарт породы. Внешне лабрадоры – крепкие и мускулистые собаки, с короткой густой шерстью, способные адаптироваться к любой погоде. Их окрас может быть черным, шоколадно-коричневым или палевого оттенка – от светло-кремового до насыщенного оранжево-рыжего. К отличительным особенностям лабрадоров относится толстый мощный хвост, чем-то напоминающий хвост выдры, который одним махом может сбросить посуду с журнального столика. У лабрадора мощные челюсти и высоко посаженные вислые уши. Большинство взрослых лабрадоров достигают 60 сантиметров в холке и весят в среднем 30–36 килограммов, хотя отдельные особи значительно превышают этот показатель.

Однако, по данным того же клуба, не только внешний вид собаки делает его лабрадором. В клубном стандарте этой породы отмечается: «Темперамент подлинного лабрадора является неотъемлемым признаком породы, как и выдровый хвост. Обычно лабрадоры добры, общительны, покладисты, любят угождать хозяину и не проявляют агрессивного поведения по отношению к людям и домашним животным. Многие черты, свойственные лабрадорам, импонируют их хозяевам. Тактичность, сообразительность и адаптивность делают их идеальными собаками».

Идеальная собака! Ни о какой другой породе авторы справочников не писали так проникновенно! Чем больше я узнавал о лабрадорах, тем сильнее радовался нашему решению. Даже предостережения больше меня не пугали. Мы с Дженни целиком посвятим себя новой собаке, окружим ее вниманием и заботой и будем обучать ее навыкам поведения в обществе и командам столько времени, сколько ей потребуется. Вдобавок мы чуть ли не каждый вечер после работы, да и по утрам тоже охотно прогуливаемся вдоль побережья. Естественно, будем брать нашего пса с собой. И заставим потрудиться маленького негодника! Офис Дженни находился в полутора километрах от дома, но ведь она всегда обедала дома. И в это время она, без особого напряжения, могла бы бросать ему мячи, чтобы дать выход бурной энергии, о которой нас предупреждали справочники.

* * *

За неделю до появления собаки в доме нам позвонила из Бостона Сьюзан, сестра Дженни. На следующей неделе с мужем и двумя детьми они собирались съездить в Диснейленд, и Сьюзан спрашивала, не хочет ли Дженни к ним присоединиться, чтобы провести вместе несколько дней. Конечно, как любящей тетушке, которая обожала племянников и использовала любую возможность, чтобы повидаться с ними, ей ужасно хотелось поехать. Однако на этот раз решение далось не просто.

– Понимаешь, тогда меня не будет дома, когда приедет маленький Марли, – делилась она своими сомнениями.

– Поезжай, – уговаривал я жену. – Я привезу щенка и сам для него все обустрою. Вернешься, когда все будет готово.

Я старался придать своему голосу беззаботность, но в глубине души несказанно радовался возможности побыть несколько дней наедине со щенком и по-мужски освоиться с ним. Конечно, предполагалось, что он станет нашим общим любимцем и на равных будет принадлежать каждому из нас. Тем не менее мне почему-то не верилось, что собака может слушаться сразу двух хозяев. В доме необходимо выстроить четкую иерархию, должен быть лидер, и я хотел стать им. Три дня, проведенные наедине с Марли, несомненно, дали бы мне преимущество.

Через неделю Дженни уехала в Орlando, расположенный в трех с половиной часах езды от нас. В тот вечер после работы я поехал на ферму к Лори, чтобы забрать нового члена нашей семьи. Но, как только она вывела Марли из сарая позади дома, я ахнул от неожиданности. Крошечный пушистый комочек, который мы тискали три недели назад, увеличился вдвое. Он быстро подбежал ко мне, уткнулся головой в

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru мои ноги, упал на спину и задрыгал лапами, думаю, в качестве знака повиновения. Лори, должно быть, заметила мое состояние, а оно было близко к шоку.

– Быстро ваш мальчик растет, верно? – весело заметила она. – Вы бы только видели, с каким аппетитом он уплетает щенячий корм!

Я наклонился и почесал мягкий животик:

– Ну что, Марли? Готов ехать домой? – Я в первый раз назвал щенка по имени, и, как мне показалось, кличка звучала хорошо.

Из полотенец я соорудил на пассажирском сиденье уютное гнездышко и положил туда щенка. Стоило мне тронуться, как он начал возиться и выбираться наружу. Он потянулся ко мне, поскуливая, и на полпути попал в первую из бесчисленных затруднительных ситуаций в своей жизни. Его задние лапы свисали с консоли со стороны пассажирского сиденья, а передние оказались со стороны водителя. Животом малыш был плотно прижат к ручнику. Маленькие лапки повисли в воздухе. Щенок барахтался, но не мог сдвинуться с места, словно севшее на мель судно.

Я погладил Марли по спинке, и воодушевленный щенок совершил еще одну попытку воздушной эквилибристики, отчаянно ища задними лапами точку опоры на покрытом ковриком выступе между сиденьями. Тут задние лапы начали медленно подниматься, за ними вся задняя часть туловища потянулась вверх, выше и выше, хвост неистово завертелся. Все это продолжалось до тех пор, пока не сработал закон земного притяжения. Щенок съехал головой вперед, перекувырнулся, скатился на пол и распластался на спине прямо у меня под ногами. Как выяснилось, из этого положения было удобнее всего прыгнуть мне на колени.

О боже, щенок был счастлив, безмерно счастлив. Дрожа от возбуждения, он уткнулся мордочкой в мой живот и принялся грызть пуговицы на рубашке. Своим хвостом пес барабанил по рулю, размахивая им, словно стрелка метронома.

Я обратил внимание, что могу регулировать движение хвоста простым прикосновением к Марли. Когда обе руки лежали на руле, скорость виляния не превышала трех ударов в секунду. Тук-тук-тук. Но как только я касался пальцем его головы, темп вальса переходил в ритм зажигательной босановы. Тук-тук-тук-тук-тук-тук! Я дотрагивался двумя пальцами – и босанова сменялась мамбой. Тук-тук-тук-тук-тук-тук! Ну а когда я положил ему на голову всю ладонь и взъерошил шерстку, ритм превратился в пулеметную очередь: «ТукТукТукТукТукТукТукТукТук!»

– Вот это да! У тебя отличное чувство ритма! – похвалил я Марли. – Настоящий мастер регги.

* * *

Дома я опустил щенка на пол, предварительно отстегнув поводок. Он начал обнюхивать дом и не успокоился до тех пор, пока не обследовал каждый уголок нового жилища. Затем он сел, подняв мордочку, и уставился на меня, словно спрашивал: «Это все, конечно, замечательно, но где мои братья и сестры?»

Он так и не осознал новых реалий до наступления темноты. Перед тем как отправиться спать, я соорудил ему уютную постельку в гараже возле дома. Мы никогда не ставили туда машину и использовали это помещение как подсобку.

Кроме гладильной доски, здесь стояли стиральная машина и сушилка. Помещение было сухим и удобным; оно выходило в огороженный внутренний дворик. При виде бетонных стен и пола на ум приходило сравнение бывшего гаража с бомбоубежищем.

– Марли, – бодро объявил я, когда щенок оказался внутри, – вот твоя комната.

На полу я разбросал резиновые игрушки и расстелил газеты, налил в миску воды и смастерил ему место из картонной коробки и старого покрывала. «А тут ты будешь спать», – показал я Марли, усаживая его в коробку. Хотя он привык к подобным удобствам, раньше ему составляли компанию его братья и сестры. Марли обошел коробку и посмотрел на меня несчастным взглядом. Я закрыл дверь, сделал несколько шагов к дому и замер, прислушиваясь.

Сначала стояла тишина. Потом послышался неясный приглушенный скулеж. А затем мой

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
пес завыл в полную силу своих легких, словно его терзали.

Я открыл дверь, и он, как только заметил меня, тотчас замолк. Подошел к щенку, пару минут погладил его и снова удалился. Стоя за дверью, я начал отсчет: раз, два, три... Прошло семь секунд, и Марли принялся завывать и скулить с прежним усердием.

Мы повторили эксперимент несколько раз – результат тот же. Я уже устал и надеялся, что щенок скоро выдохнется и заснет. Оставив в гараже свет, я запер дверь, вошел в дом и еле добрался до постели. Но даже бетонные стены не могли заглушить его жалостный вой.

Долгое время я лежал без сна, стараясь не реагировать на протяжные надрывные звуки, надеясь, что Марли быстро утомится и смолкнет, но он не сдавался. Я слышал его голос, даже прикрыв голову подушкой. И подумал: а ведь Марли впервые попал в такую странную обстановку, где поблизости не было ничего знакомого, что хоть немного могло напоминать запах другой собаки. Его родители, а также братья и сестры остались далеко. Бедняга. А мне бы понравилось такое, окажись я на его месте?

Я продержался еще около получаса, прежде чем сдаться и забрать его в дом. Едва Марли завидел меня, он очень обрадовался, а хвост снова пустился в бешеном ритме барабанить по стенкам коробки. Он словно приглашал: «Ну же, хозяин, прыгай сюда, здесь слишком много места для меня одного». Но мне пришла в голову идея получше: осторожно взяв коробку, я перенес ее к себе в спальню и поставил у кровати. Улегшись на краешке матраца, я опустил руку в коробку и чувствовал, как при каждом вдохе двигаются его ребрышки. В таком положении мы погрузились в мир сновидений.

Глава 4 Мистер Виляй

Следующие три дня я посвятил общению со щенком. Я валялся на полу, позволяя ему прыгать по мне. Мы боролись. Я нашел старое полотенце и поиграл с Марли в перетягивание «каната», поражаясь тому, как окрепла собака. Пес следовал за мной по пятам, грызя на ходу все, до чего мог дотянуться. Ему хватило одного дня, чтобы найти себе любимую игрушку – туалетную бумагу. Он исчезал в ванной комнате и через пять секунд выскакивал оттуда с рулоном в зубах, и, пока он носился по всему дому, мягкая лента разматывалась. Благодаря Марли наше жилище теперь выглядело так, будто его украсили к Хеллоуину.

Каждые полчаса, если не чаще, мне приходилось выпускать его на задний дворик, чтобы щенок справил малую нужду. Когда он делал свои дела на улице, я прижимал его к себе и хвалил, но, если подобное случалось в доме, строго отчитывал его. А когда он опорожнял кишечник в садике, я восхищался Марли так, словно он выиграл выигрышный лотерейный билет.

Вернувшись из Диснейленда, Дженни с такой же энергией принялась ухаживать за Марли. Это было замечательное зрелище. Дни шли чередой, и я все чаще стал замечать в своей молодой жене новые проявления нежности, заботы и спокойной строгости. Она все время возилась с ним: обнимала, гладила, играла, волновалась за него.

Она тщательно расчесывала шерстку, выискивая клещей и блох. По ночам она вставала каждые два часа, чтобы вывести пса во двор, благодаря чему всего за несколько недель щенок приучился делать свои дела на улице, а не в доме.

Как правило, жена его и кормила.

Следуя инструкциям на упаковке, мы давали Марли по три большие миски корма в день, которые он жадно, по-волчьи, проглатывал в считанные секунды. Естественно, потом съеденное выходило наружу, и вскоре наш задний двор уже напоминал минное поле. Мы выходили туда, внимательно глядя под ноги.

На аппетит Марли жаловаться не приходилось, но объем испражнений значительно превышал количество пищи, причем внешне кучки почти не отличались от того корма, который поглощала его пасть. Интересно, он хоть переваривал эту гадость?

Очевидно, да. Марли стремительно рос. Подобно лианам, которые могут разрастись

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru по потолку комнаты за несколько часов, он расширялся во все стороны, с каждым днем становясь чуть длиннее, шире, выше и немного тяжелее. Когда я привез его домой, он весил меньше 10 килограммов, а через пару недель веса показывали почти 23 килограмма! Его милая щенячья головка, которую раньше я с легкостью охватывал одной ладонью, превратилась в подобие кузнечной наковальни. Лапы стали огромными, на боках уже просматривался рельеф мышц, а широкая грудь напоминала ковш экскаватора. Как и писали авторы книг, поначалу крохотный хвостик тоже рос, превращаясь в толстый и мощный, как у выдры, хвост.

Что это был за хвост! Ни один предмет в нашем доме, располагавшийся ниже колен, не мог избежать неистово бьющего из стороны в сторону орудия Марли. Он опустошал журнальные столики, сбрасывая на пол периодику, сбивал с полок рамки с фотографиями, запускал в воздух пивные бутылки и бокалы. Он даже умудрился разбить дверное стекло. Со временем все предметы, до которых он не успел дотянуться хвостом, переключались на безопасную высоту, подальше от маятника-колотушки. Наши друзья, у которых были малыши, приходя к нам, восхищались: «Ваш дом просто создан для маленьких детей!»

На самом деле Марли вилял даже не хвостом. Скорее, он вибрировал всем телом, начиная от передней части туловища в направлении задней. Своеобразная собачья версия детской игрушки – пружинки слинки: мы готовы поклясться, что в нем нет скелета – только одна крупная эластичная мышца. Дженни стала называть его мистером Виляем.

Особенно энергично он извивался, когда держал что-нибудь в зубах. В любой ситуации реакция была одинаковой: схватить лежащие поблизости туфлю, подушку, карандаш – все что угодно – и пуститься наутек. Слово его внутренний голос приказывал: «Вперед! Возьми это! Обслуживать! Беги!»

Некоторые небольшие вещи, которые он хватал, целиком помещались в его пасти. Это доставляло ему несказанное удовольствие: он думал, что таким образом может скрыть свое преступление. Но Марли не умел блефовать, как покерный шулер. Припрятывая очередную добычу, он не умел скрывать своей радости. Конечно, он всегда был непоседливым псом, но в подобной ситуации у него начинались маниакальные приступы гиперактивности, будто невидимый шутник заводил его. Его тело начинало вибрировать, голова болталась из стороны в сторону, а вся задняя часть туловища конвульсивно содрогалась. Мы называли это состояние «мамба Марли».

– Ладно, что там у тебя на этот раз? – спрашивал я. Стоило мне приблизиться, он тотчас пытался сбежать от меня, наматывая круги по комнате. Сияя нескрываемой радостью, Марли вилял задом и мотал головой, словно лошадь. Если в конце концов я загонял пса в угол и с трудом разжимал его челюсти, то никогда не оставался без добычи. В пасти всегда находилось нечто такое, что он вытаскивал из мусорного ведра, или подбирал с пола, или хватал прямо с обеденного стола, тем более его рост уже вполне позволял ему подобные проделки. Бумажные полотенца и салфетки, кулинарные рецепты, пробки и крышки от бутылок, скрепки, шахматные фигурки – в общем, целый склад запасов. Однажды, когда в очередной раз заставил Марли раскрыть челюсти, я обнаружил прилипший к его небу мой зарплатный чек.

* * *

Прошло всего несколько недель, а мы уже забыли, какой была жизнь до встречи с новым соседом. Наше совместное существование превратилось в рутину. Каждый день я начинал с того, что выгуливал Марли на свежем воздухе до побережья и обратно, и только после прогулки выпивал первую чашку кофе. Позавтракав, прежде чем пойти в душ, я обходил внутренний садик с совком в руках, закапывая найденные на земле мины в песок на краю участка. Дженни обычно уходила на работу к девяти, а я – часом позже. Уходя, я запираю Марли в бетонном «бункере», оставив миску с водой и кучу игрушек, и просил его «быть хорошим мальчиком». В половине первого Дженни возвращалась домой, чтобы пообедать, а заодно покормить Марли и вымотать его игрой в мячик на заднем дворе. Первое время она прибежала домой потом еще раз, часа в три – вывести Марли на улицу. После ужина все вместе мы отправлялись на прогулку в парк и шли вдоль канала, где лениво покачивались в лучах заходящего солнца яхты из Палм-Бич.

Прогулка – возможно, это слово не совсем здесь уместно. Марли носился, как набравший скорость локомотив. Он рвался на полную мощь, натягивая поводок до предела и едва не задыхаясь. Мы тянули его назад – он увлек нас вперед. Мы подтаскивали его к себе, а он сопротивлялся и при этом отчаянно кашлял, как

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru заядлый курильщик, которого душит тесный ворот рубашки. Он сворачивал то вправо, то влево, кидаясь на каждый почтовый ящик и куст; принимался, пытал и беспрерывно помечал территорию; в итоге большая часть выделений попадала на пса, а не на нужный объект. Он кружил позади нас, опутывая нам щиколотки поводком перед очередным броском, и едва не сбивал нас с ног. Когда к нам приближались другие прохожие с собаками, Марли радостно бежал навстречу и вставал на задние лапы, если ему не хватало длины поводка: настолько ему не терпелось обзавестись другом. «Сразу видно, какой он жизнелюб», – как-то сказал нам один владелец собаки, и, пожалуй, эта оценка лучше всего отражает суть нашего пса.

Пока Марли был относительно небольшим, мы легко побеждали в состязаниях по перетягиванию поводка, но с каждой неделей расстановка сил менялась. Пес становился крупнее и сильнее. Было ясно, что спустя какое-то время его мощь превзойдет силу нас обоих. Надо было обуздать его и поскорее обучить правильному поведению на улице – до того как по его шалости мы окажемся под колесами проезжающей машины. Наши друзья, опытные собаководы, советовали не спешить с обучением. «Сейчас не время, – сказал один из них. – Наслаждайтесь щенком, пока он мал. Скоро он повзрослеет, и тогда вы основательно займетесь его воспитанием».

Так мы и поступили, однако не позволяли ему стоять на ушах. Мы последовательно приучали его к своим правилам. Не позволяли портить кровати и остальную мебель. Ругали его, когда он пил из унитаза, обнюхивал собачьи зады и грыз ножки стульев. Нашим любимым словом стало «фу». С переменным успехом мы отработывали с ним основные команды – «ко мне», «рядом», «сидеть», «лежать». Марли был молод и постоянно возбужден, словно принял тройной эспрессо. Подобно простейшим организмам, он был не способен сосредоточиться более чем на одном предмете, но мог мгновенно переключаться на другой объект. Любой контакт с людьми заставлял Марли буквально лезть на стены от радости. Лишь спустя годы мы узнали: у нашего щенка наблюдался типичный синдром рассеянного внимания и гиперактивности (СРВГ) – название этого заболевания впоследствии будет применяться для поведенческого диагноза тысяч гиперактивных детей, у которых, как говорится, шило в одном месте.

И все же, несмотря на свои щенячьи выходки, Марли отводилась важная роль в доме и наших взаимоотношениях. Благодаря его беспомощности Дженни поняла, что может справиться и с материнскими обязанностями. Марли прожил несколько недель под ее присмотром, и она его до сих пор не загубила. Напротив, щенок чувствовал себя превосходно. Мы даже шутили: может, посадим его на диету, чтобы замедлить рост и снизить активность?

Превращение Дженни из хладнокровной убийцы растений в нежную мамочку щенка не переставало удивлять меня. Думаю, она и сама поражалась переменам. Главное, у нее все получалось очень естественно. Однажды у Марли началась сильная рвота. Прежде чем я успел среагировать, Дженни уже вскочила на ноги. Она подбежала к нему, одной рукой раздвинув его челюсти, вторую руку просунула глубоко в глотку и достала большой, весь в слюне, комок целлофана. Марли напоследок кашлянул, стукнул хвостом по стене и взглянул на нее, словно спрашивая: а можно повторить?

* * *

Через некоторое время, привыкнув к собаке, мы могли перейти к обсуждению проблемы пополнения нашего семейства. Не то чтобы мы решились завести ребенка – это было бы слишком смелым шагом для пары, которая вообще стремилась избегать жизненно важных решений. На самом деле мы просто договорились больше не использовать противозачаточные средства. Логика, конечно, витиеватая, но нам обоим стало легче. Никакого давления. Совершенно никакого. Мы не пытались зачать ребенка – просто доверились судьбе. Пусть все идет своим чередом. Как говорят французы, *que sera, sera* – будь что будет.

Впрочем, честно говоря, чувство тревоги оставалось. Мы знали несколько пар, которые месяцами, даже годами пытались зачать ребенка. После напрасных попыток они отчаивались и начинали открыто обсуждать свое безнадежное положение. На званых обедах они, словно одержимые, рассуждали о консультациях у врача, количестве сперматозоидов, менструальных циклах. Присутствующие, естественно, чувствовали себя неловко, не зная, как на это реагировать. Сказать нечто вроде: «Мне кажется, у тебя нормальное количество сперматозоидов»? Все это было просто ужасно, и мы смертельно боялись со временем стать такими же.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
До нашей свадьбы у Дженни были сильные боли, связанные с эндометриозом.[6] Ей сделали лапароскопию и удалили рубцовую ткань из маточных труб, что, разумеется, не пошло на пользу ее репродуктивной функции. Еще больше нас беспокоил один секрет из прошлого. В те первые дни слепой страсти, когда желание овладевало нами, мы отбрасывали предосторожности вместе с одеждой и с утроенной энергией занимались сексом без всякого предохранения. Такое происходило не раз. После столь невероятной глупости, совершенной несколько лет назад, мы должны были целовать землю в благодарность за чудесное отсутствие нежелательной беременности, но вместо этого каждый из нас думал только об одном: «Что с нами не так? Ни одна нормальная пара не смогла бы без известных последствий, не предохраняясь, так неистово заниматься сексом». Мы оба были уверены: зачать легко нам не удастся.

Когда наши знакомые пары одна за другой объявляли о своем намерении зачать ребенка, мы только помалкивали. Дженни решила просто спрятать свои противозачаточные таблетки в аптечку и забыть про них. Если она забеременеет, чудесно. Если нет, то... мы ведь еще не старались как следует, верно?

* * *

Зима в Вест-Палм-Бич – великолепное время года, с прохладными ночами и теплыми солнечными деньками. После невыносимо долгого, навевающего апатию лета, которое обычно или проводишь в кондиционированном помещении, или передвигаешься короткими перебежками от одной тени до другой, пытаясь укрыться от раскаленного солнца, зима была настоящим праздником для жителей субтропиков. Трапеза проходила исключительно на веранде. Каждое утро мы пили свежавыжатый сок из апельсинов, которые росли в нашем саду. Мы ухаживали за своим мини-огородом с несколькими кустами томатов, посаженными возле дома. Срывали цветки гибискуса размером с блюдце и клали их в мисочку с водой на обеденном столе. А по ночам спали с открытыми окнами, вдыхая ароматы сада.

В один из таких славных деньков в конце марта Дженни пригласила в гости своего коллегу, хозяина бассета по кличке Бадди, чтобы собаки могли пообщаться и поиграть. Бадди взяли из приюта, и у него была самая печальная морда, какую мне доводилось видеть. Мы выпустили собак во двор. Сначала старик Бадди не знал, что делать с суперактивным желтым щенком, который прыгал, носился и наматывал круги вокруг него, но затем и сам включился в игру. Собаки весело возились и играли больше часа, а потом в изнеможении укрылись в тени мангового дерева.

Через несколько дней Марли начал безостановочно чесаться. Он так неистово скреб кожу под шерстью, что мы боялись, как бы он не расцарапал себя в кровь. Дженни опустила на колени и начала свой обычный осмотр, перебирая шерсть, чтобы проверить состояние кожи. Через несколько секунд она позвала меня. «Черт! Ты только взгляни на это!» Я наклонился, посмотрел через ее плечо и заметил черную точку, которая тотчас исчезла. Мы положили Марли на пол и прочесали буквально каждый миллиметр его шерсти. Пес трепетал от таких знаков внимания и радостно сопел, постукивая хвостом по полу. Блохи! Полчище блох! Они были повсюду: между подушечками лап, под ошейником, даже в вислых ушах нашего пса. Будь блохи помедленнее и их было бы легко поймать, то и тогда самостоятельно мы бы не справились с ними: блох оказалось слишком много.

Мы были наслышаны о проблеме блох и клещей во Флориде. Поскольку здесь не бывает сильных морозов, даже заморозки не случаются, у насекомых нет периода покоя, и они постоянно размножаются в условиях теплой влажной среды. В Палм-Бич даже в домах миллионеров на побережье водились тараканы. Дженни встревожилась: шерсть ее щенка кишела паразитами. Конечно, мы во всем винули Бадди, но неопровержимых доказательств у нас не было. Дженни вообразила, будто насекомые завелись не только у собаки, но и у нас дома. Она схватила ключи от машины и выскочила на улицу.

Через полчаса она вернулась с полной сумкой химикатов – с таким запасом можно открывать собственный фонд борьбы с загрязнением окружающей среды. Чего там только не было: средства для ванны от блох, порошки и спреи, гели и растворы от паразитов! Продавец сказал, что, если мы хотим избавиться от паразитов, необходимо обработать специальным спреем газон, и Дженни купила этот пестицид, а также специальную расческу для вычесывания блошиных яиц.

Я заглянул в сумку и вынул чек.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
– Дорогая, за такие деньги мы могли бы нанять самолет для распыления пестицидов.

Но мою жену это не волновало. Она снова вошла в роль убийцы, на сей раз желая защитить своих любимых, и ее намерения были серьезными. Она жаждала возмездия. Дженни искупала Марли в тазике для стирки, используя специальное мыло, затем развела раствор, по моим наблюдениям, там содержался тот же химикат, что входил в состав инсектицида для газона, и полила им Марли, обработав каждый миллиметр его туловища. Пока пес сох в гараже и благоухал, как небольшой химический завод, Дженни ожесточенно пылесосила полы, стены, ковры, занавески, обивку мебели. Затем она опрыскала специальным спреем всю мебель и дом изнутри, а я – снаружи.

– Думаешь, мы их изничтожили? – спросил я, закончив работу.

– Думаю, да, – решительно ответила Дженни.

* * *

Наша совместная атака на блошинные орды, расквартированные по адресу: Черчилль-роуд, дом 345, завершилась победой. Каждый день мы проверяли Марли, перебирая шерсть у него между подушечками лап, под хвостом, на ушах, животе и вообще везде, куда могли дотянуться, и не заметили ни одной блохи. Мы проверили ковры, кушетки, шторы, траву – чисто. Мы полностью уничтожили врага.

Глава 5

Тест на беременность

Несколько недель спустя мы лежали в кровати и читали. Вдруг Дженни захлопнула книгу и сказала:

– Возможно, это ничего не значит.

– Что «ничего не значит»? – рассеянно переспросил я, не отрываясь от книги.

– У меня задержка.

Она знала, чем привлечь мое внимание.

– Задержка? Seriously? – я повернулся к ней.

– Да, такое происходит время от времени. Но у меня уже неделю нет месячных. К тому же чувствую себя как-то странно.

– Странно?

– Похоже на расстройство желудка или что-то в этом роде. На днях за ужином я выпила всего глоток вина, но мне показалось, что меня вывернет наружу.

– Это на тебя не похоже.

– Сама мысль об алкоголе вызывает во мне тошноту.

Я не собирался говорить об этом, но в последнее время она действительно стала какая-то капризная.

– Ты думаешь, что... – начал я.

– Ничего я не думаю, – сердито ответила она. – А ты?

– А мне-то откуда знать?

– Я ничего не говорила, – прервала разговор Дженни. – Обмолвилась на всякий случай, чтобы ты был в курсе. Не хочу сглазить.

В этот момент я понял, насколько для нее, да и для меня тоже, это было важно. Родительские чувства незаметно подкралась к нам, и теперь мы были готовы к появлению ребенка. Еще долго мы лежали рядом и молча разглядывали потолок.

– Так мы не заснем, – наконец произнес я.

– Неопределенность меня убивает, – призналась она.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

– Одевайся. Съездим в аптеку и купим тест на беременность.

Мы быстро натянули шорты, надели футболки и вышли из дома. Марли прыгал перед нами, радуясь возможности совершить ночную прогулку на машине. Он резвился вокруг нашей маленькой «Тойоты», подпрыгивая, отряхиваясь, пуская слюни и пыхтя, в предвкушении радостного момента, когда я распахну заднюю дверь автомобиля.

– Ну и ну, можно подумать, что это ты счастливый отец, – засмеялся я.

Когда я наконец открыл дверь, он прыгнул на заднее сиденье так стремительно, что пролетел до самого окна, не коснувшись обивки сиденья, и ударился головой о стекло, но, похоже, не ушибся.

Аптека работала до полуночи, и мы с Марли сидели в машине, ожидая Дженни. Есть целый список вещей, которые мужчины просто не вправе покупать, и тесты на беременность, несомненно, входят в него. Пес возился на заднем сиденье, поскуливая и неотрывно глядя на дверь аптеки. Как всегда в состоянии волнения (Марли практически всегда тревожился, когда не спал), он начинал пыхтеть и исходить слюной.

– Ну, успокойся, ради бога! – сказал я. – Что, по-твоему, она сделает? Сбежит через черный ход?

Вместо ответа пес встряхнулся, окатив меня капельками слюны и осыпав шерстью. Мы привыкли к автомобильным манерам Марли, поэтому постоянно держали на переднем сиденье полотенце, чтобы в экстренном случае я мог вытереться сам и протереть стекла и обивку сидений.

– Держись, приятель, – сочувственно посоветовал я псу. – Она вот-вот вернется.

Через пять минут Дженни действительно вернулась с маленьким пакетом в руках. Как только мы тронулись с автостоянки, Марли вклинил свои плечи между ковшеобразными сиденьями нашего маленького хэтчбэка, балансируя передними лапами на консоли и утыкаясь носом в зеркало заднего вида. На поворотах он терял равновесие и ударялся грудью о ручной тормоз, но после каждого падения, беспечный и счастливый, снова занимал свою позицию.

Через несколько минут мы уже находились в ванной комнате у себя дома и раскладывали оборудование стоимостью 8,99 доллара на краю раковины. Я прочел инструкцию вслух.

– Отлично, – сказал я. – Здесь сказано, что тест определяет беременность с точностью до 99 процентов. Сначала тебе нужно пописать в этот стаканчик.

Далее следовало опустить в него тонкую пластиковую тест-полоску, а затем – в маленький пузырек с раствором, входивший в комплект.

– Пять минут в стаканчике с мочой, – продолжал я руководить процессом, – и пятнадцать минут в растворе. Если полоска посинеет, ты на самом деле залетела, малышка!

Мы подождали первые пять минут. Потом Дженни опустила полоску в раствор и сказала:

– Нет, не могу на это смотреть.

Мы направились в гостиную и немного поболтали, делая вид, что ожидаем чего-то столь же малозначительного, как, например, закипание воды в чайнике.

– Ну, как там наши дельфины? – Я попытался пошутить, хотя у меня засосало под ложечкой, а сердце бешено стучало, словно собиралось выскочить из груди. Если тест будет положительным, наша жизнь изменится навсегда! Если же он будет отрицательным, это отразится на Дженни и – до меня только начало доходить – пожалуй, на мне тоже. В общем, сигнала таймера мы ждали целую вечность.

– Ну вот, наконец-то, – сказал я. – Что бы там ни было, ты знаешь, я люблю тебя.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
Я зашел в ванную и вынул полоску из пузырька. Она была синей, в этом не было никаких сомнений. Такая же синяя, как океанские глубины и форма британских моряков. Именно синяя – никак иначе.

– Поздравляю, дорогая! – сказал я.

– О боже, – произнесла она, бросаясь мне в объятия. Мы стояли около раковины и, закрыв глаза, обнимались.

Вдруг я почувствовал, что кто-то трется о наши ноги. Посмотрел вниз и увидел Марли, который нетерпеливо ерзал, тряс головой и яростно стучал хвостом по дверце бельевого шкафчика – удивительно, каким чудом не оставалось вмятин. Я наклонился к нему, чтобы погладить, но он отскочил. Это была «мамба Марли», означавшая лишь одно.

– Ну, что на сей раз? – начал я свою охоту. Он вприпрыжку помчался в комнату. Когда я загнал его в угол и раздвинул челюсти, то сначала ничего не заметил. А потом у основания языка, у самого горла, заметил предмет, готовый соскользнуть вниз. Нечто тонкое, длинное, плоское. Синее, как океанские глубины. Я просунул руку в пасть Марли и достал наш положительный тест на беременность.

– Вынужден тебя огорчить, приятель, – твердо сказал я, – но эта полоска нужна для семейного альбома.

Затем Дженни взяла Марли за передние лапы; пес поднялся на задних лапах, и они закружились по комнате в танце. «Ты станешь дядей», – радостно напевала она, и Марли ответил ей своим фирменным трюком: раскрыв пасть, лизнул ее большим влажным языком прямо в губы.

На следующий день Дженни позвонила мне на работу, и ее голос звенел от радости. Она только что вернулась от врача, который подтвердил результаты нашего домашнего теста.

– Он сказал, все в порядке, – прощепетала она. Накануне ночью мы изучали календарь, пытаясь вычислить дату зачатия. Дженни опасалась, что несколько недель назад, когда мы истерично уничтожали блох, она уже была беременна. А в таком положении контакт с пестицидами мог сказаться на ее здоровье, не так ли? Она задала этот вопрос доктору, но он успокоил ее, заверив, что повода для волнения нет. Просто не надо больше использовать химикаты. Врач выписал витамины для беременных и назначил через три недели УЗИ, которое позволит нам впервые увидеть крошечного зародыша, растущего в животе Дженни.

– Он предлагает нам обязательно снять это на камеру, – сообщила она, – чтобы осталось на память.

Я сделал соответствующую пометку в ежедневнике.

Глава 6

Дела сердечные

Жители Южной Флориды будут убеждать вас, что в этом регионе тоже есть четыре времени года. Правда, они довольно похожи, согласятся они, но все же разные. Не верьте им. На самом деле здесь только два сезона: один – теплый и сухой, другой – жаркий и влажный. Причем переходный период практически отсутствует. Так вот, когда в очередной раз неожиданно наступила тропическая жара, в один прекрасный день мы поняли: наш щенок вырос. Так же стремительно, как зима ворвалась в лето, Марли из щенка превратился в неуклюжего молодого пса. В возрасте пяти месяцев он заметно подрос, и все складочки на его казавшейся великоватой шкуре разгладились. Его несоразмерно крупные лапы перестали выглядеть комично непропорциональными. Его острые, как иголки, молочные зубы превратились в грозные клыки. Несколько движений челюстями – и Марли мог запросто уничтожить пластиковый диск фрисби или новую кожаную туфлю. Тембр его лая стал глубже и напоминал устрашающий рокот. Когда он вставал на задние лапы, переступая, словно танцующий медведь в русском цирке, что случалось часто, он мог запросто положить передние лапы мне на плечи и заглянуть прямо в глаза.

Ветеринар, впервые увидев Марли, присвистнул и сказал: «Вы взяли отличного пса!»

Так оно и было. Марли вырос и стал красавцем, поэтому я просто обязан напомнить

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru сомневающейся миссис Дженни, что наш пес достоин своего официального имени, придуманного мною. Имя Великолепный Марли Черчилльский, собственность Грогэнов, проживающий на Черчилль-роуд, прекрасно передавало все великолепие оригинала, по крайней мере когда пес прекращал забавляться собственным хвостом. Временами, когда у Марли совсем не оставалось сил, он ложился на персидский ковер в гостиной, нежась в лучах солнца, проникавших сквозь жалюзи. В этот момент пес напоминал египетского сфинкса: поднятая голова, блестящий нос, скрещенные лапы.

Мы были далеко не единственными, кто заметил преобразование Марли. Видя, как незнакомцы уступают ему дорогу или отскакивают в сторону, когда он пробежал мимо, мы поняли: люди не воспринимают его как безобидного щенка. Марли стал грозой чужаков.

В нашей парадной двери было маленькое вытянутое оконце размером 10 на 20 сантиметров, которое располагалось на уровне глаз. Марли обожал общаться. Услышав звонок в дверь, он, как ураган, мчался через весь дом в прихожую. Его заносило на деревянном полу, он сбивал ковер и скользил по инерции, пока с глухим стуком не врезался в дверь. Затем он вставал на задние лапы, начинал громко лаять и заполнял своей огромной головой проем оконца, чтобы взглянуть, кто пожаловал. Марли, видимо, считал себя членом организации *Welcome wagon*, [7] представители которой обычно приветствуют прибывших и дарят им сувениры, и для него встречи с незнакомцами, несомненно, были радостным событием. Но коммивояжерам, почтальонам, да и всем гостям, незнакомым с Марли, казалось, будто это сам Куджо, сенбернар из одноименного романа Стивена Кинга, и лишь входная деревянная дверь отделяла визитера от беспощадной твари. Уже не один посетитель, позвонив в нашу дверь и неожиданно увидев перед собой огромную голову лаявшего Марли, в ужасе пятился на середину подъездной дорожки, где и ожидал появления хозяев.

Что ж, как говорится, нет худа без добра.

Как сказали бы градостроители, социальный состав нашего района постоянно менялся. Район застраивался в 1940–1950-е годы. Здесь в основном оседали пенсионеры, а многие дома были куплены жителями северных штатов, которые приезжали сюда на лето. По мере того как старые владельцы умирали, им на смену приходили социально неоднородные арендаторы и семьи рабочих. Наш переезд в этот район совпал с очередной волной внутренней миграции. На этот раз сюда начали стекаться геи, художники, молодые специалисты. Их привлекали близость к побережью и красивая местная архитектура в стиле ар-деко. [8]

Наш район располагался между прямой, как стрела, автострадой Саут-Дикси и шикарными поместьями вдоль побережья. На самом деле автострада Дикси – это часть самого длинного на востоке США шоссе US1. Дикси-хайвей (пятиполосный автобан с блестящим на солнце асфальтом) тянется вдоль восточного побережья Флориды. До строительства федеральной трассы № 95 она была главной магистралью, ведущей к Майами. Вдоль трассы располагались заправки, прилавки с фруктами, сомнительного вида магазины оптовой торговли и просто убогие дешевые магазинчики, а также закусочные и старые семейные мотели.

На четырех перекрестках шоссе Саут-Дикси и Черчилль-роуд находились: винный магазин, удобный круглосуточный супермаркет, магазин импортных товаров (с тяжелыми решетками на окнах), прачечная-автомат под открытым небом, где всю ночь тусовались местные пьяницы, оставлявшие после себя пустые бутылки в пакетах для завтрака. Наш дом располагался в середине квартала, в восьми домах от центра.

Соседи казались нам порядочными людьми, но среди них, видимо, были и откровенные негодяи. Оставленные в саду инструменты порой исчезали. Во время одного из редких в этих местах похолоданий кто-то стащил все дрова, которые я аккуратно сложил возле дома. А однажды в воскресенье мы завтракали в нашем любимом ресторанчике, сидя на своем обычном месте, возле окна, выходящего на улицу, и вдруг Дженни, указав на пулевое отверстие в стекле прямо у нас над головами, сухо сказала:

– Когда мы здесь были последний раз, этого точно не было.

Как-то утром, выезжая из квартала на работу, я вдруг заметил в придорожной канаве лежащего человека с окровавленными руками и лицом. Я остановил автомобиль и бросился к нему: мне показалось, что его сбила машина. Однако, когда присел

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru рядом, в ноздри мне ударил сильный запах перегара и мочи, и стоило человеку заговорить, как стало ясно: это обычный пьяница. Я вызвал «Скорую», дождался ее приезда, но «пострадавший» от помощи отказался. Нам с санитарями оставалось только наблюдать, как он, пошатываясь, направляется к винному магазину.

Вот еще один случай. Однажды ночью в дверь позвонил человек с выражением отчаяния на лице и сказал, что он был в гостях в соседнем квартале и у него кончился бензин. Могу ли я одолжить ему пять долларов? Он непременно вернет их завтра утром. Конечно, ты вернешь их, дружище, подумал я и предложил вызвать полицию. Человек что-то промямлил и исчез.

Но больше всего нас тревожила история, связанная с маленьким домиком, стоящим наискосок от нашего: за несколько месяцев до нашего переезда там произошло убийство, причем не на бытовой почве, а жестокое преступление, о котором сообщалось во всех выпусках новостей. До переезда мы были наслышаны об этом, но не знали, где именно оно произошло. Оказалось, мы поселились прямо напротив места преступления.

Жертвой стала вышедшая на пенсию школьная учительница Рут Энн Недермайер; она в числе первых обосновалась в квартале и жила одна. После перенесенной операции на шейке бедра она наняла сиделку, чтобы та ухаживала за ней, и это стало роковым шагом. Сиделка, как позже установила полиция, воровала чеки у миссис Недермайер из чековой книжки и подделывала ее подпись.

Старая женщина была ослаблена физически, но сохранила ясный ум, поэтому быстро спохватилась и заинтересовалась у сиделки ее пропавшими чеками и непонятными списаниями с ее банковского счета. Запаниковавшая преступница забила бедную женщину дубиной до смерти, а потом позвонила приятелю, который привез бензопилу и помог расчленить тело жертвы в ванной. Они упаковали останки в большой чемодан, смыли кровь и исчезли.

Позднее соседи рассказывали нам, что несколько дней исчезновение миссис Недермайер никто не замечал. Однако все вскрылось, когда некий мужчина сообщил полиции об ужасном зловонии в его гараже. Домовладелец признался, что его дочь попросила оставить там чемодан с ужасным содержимым.

Жестокое убийство миссис Недермайер было самым обсуждаемым событием в истории нашего квартала, тем не менее никто даже слова не сказал, когда мы намеревались купить этот дом – ни риелтор, ни домовладельцы, ни инспектор, ни оценщик. А в первую же неделю после переезда к нам в гости пришли соседи с печеньем и все рассказали. Ночью, лежа в кровати, мы представляли себе, как всего в трехстах метрах от окна нашей спальни беззащитная вдова была разрезана на куски. Мы убеждали себя: это всего лишь внутрисемейный конфликт, и подобное никогда не случится с нами, однако не могли отделаться от мысли о трагедии, когда проходили мимо того дома или видели его из нашего окна.

Как бы то ни было, у нас имелся Марли, и мы замечали, с какой опаской незнакомцы смотрели на него, поэтому к нам вернулось душевное равновесие, какое в ином случае мы могли бы не обрести. Он был большим, любящим, туповатым псом, у которого срабатывала очевидная защитная реакция – зализывание незваных гостей до смерти. Но бродяги и грабители об этом не знали. Для них Марли был огромным, сильным, непредсказуемым, неуправляемым. И нас это вполне устраивало.

* * *

Беременность благотворно повлияла на Дженни. Она начала рано вставать, чтобы сделать зарядку и выгулять Марли. Она готовила полезную, здоровую еду из свежих фруктов и овощей. И поклялась не употреблять кофеин и диетическую содовую, а также, само собой разумеется, алкоголь в любом виде и даже не разрешала мне добавить столовую ложку шерри в кофейник.

Мы пообещали друг другу не распространяться о беременности до тех пор, пока не убедимся, что зародыш жизнеспособен и нет угрозы выкидыша, но ни одному из нас не удалось хранить молчание. Мы были так взволнованы, что делились новостью с доверенными лицами, заклиная каждого держать это в тайне, пока наш секрет не перестал быть секретом. Сначала мы сообщили родителям, потом – братьям и сестрам, затем – самым близким друзьям, потом – коллегам, наконец – соседям. На одиннадцатой неделе животик Дженни стал понемногу округляться. Мечта стала принимать реальные очертания. Почему бы не поделиться нашей радостью с миром? К

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru тому времени, когда подошел срок для обследования и УЗИ, если бы представилась такая возможность, мы были готовы вывесить объявление: Джон и Дженни ждут ребенка.

В то утро, когда нам нужно было ехать на прием к врачу, я отпросился с работы и, действуя по инструкции доктора, прихватил чистую кассету, чтобы мы могли запечатлеть для истории первые, пусть и нечеткие снимки нашего ребенка. Прием предполагал не только осмотр, но и консультацию. Акушерка должна была ответить на все вопросы, измерить окружность живота Дженни, послушать сердечный ритм плода и, конечно, показать нам крошечное существо, живущее внутри моей жены.

Мы приехали к девяти часам утра. Акушерка, спокойная женщина средних лет с британским акцентом, провела нас в маленькую смотровую и спросила:

– Хотите послушать, как бьется сердце вашего ребенка?

Ну конечно, ответили мы. И напряженно вслушивались, пока она водила по животу Дженни чем-то вроде микрофона, подключенного к динамикам. Мы сидели с застывшими на лицах улыбками, пытаюсь услышать сердцебиение малыша, но в динамиках раздавался лишь невнятный шум.

Акушерка сказала, что в этом нет ничего необычного.

– Все зависит от положения плода. Иногда вообще ничего нельзя услышать. А возможно, просто слишком рано. – Она предложила сразу перейти к аппарату УЗИ. – Давайте посмотрим на вашего малыша, – бодро предложила она.

– Наш первый взгляд на младенца Гроги, – подхватила сияющая Дженни, поворачиваясь ко мне.

Акушерка провела нас в кабинет УЗИ и велела Дженни лечь на кушетку, рядом с которой стоял монитор.

– Я принес пленку, – сказал я, помахав кассетой.

– Пусть пока она побудет у вас, – ответила акушерка, подняла блузку Дженни и начала исследовать ее живот инструментом, внешне похожим на хоккейную шайбу. Мы уставились на экран компьютера с непонятным бесцветным изображением.

– Хмм, этот, по-видимому, ничего не улавливает, – произнесла акушерка бесстрастным голосом. – Попробуем вагинальное УЗИ, так вы узнаете гораздо больше подробностей.

Она вышла из кабинета и спустя несколько минут вернулась с другой медсестрой, высокой крашеной блондинкой с монограммами на ногтях. Медсестру звали Эсси. Она попросила Дженни снять трусики и ввела датчик с надетым на него презервативом в ее влагалище. Акушерка оказалась права: изображение стало более четким. Она навела фокус на плод, напоминавший крошечный темный мешочек на бесцветном фоне, и одним щелчком мыши увеличила изображение, а потом еще дважды. Однако, несмотря на все манипуляции, мешочек казался размытым и бесформенным. Где маленькие ручки и ножки, которые должны сформироваться к десятой неделе, по утверждениям авторов пособий для беременных? Где крошечная головка? Где бьющееся сердце? Дженни изо всех сил тянула шею, чтобы увидеть изображение на экране. Она все еще надеялась и спрашивала, изнывая от нетерпения и изредка издавая нервный смешок:

– Ну, что там?

Мне хватило одного взгляда на лицо Эсси, чтобы понять: ответ будет совсем не тем, какой мы хотим услышать. Внезапно я понял, почему она ничего не говорила, пока увеличивала изображение. Она ответила на вопрос Дженни ровным голосом:

– Не совсем то, что вы ожидали увидеть к десяти неделям.

Я положил руку на колено Дженни. Мы оба продолжали всматриваться в комочек на экране, словно могли вдохнуть в него жизнь.

– Дженни, думаю, есть проблема, – продолжала Эсси. – Сейчас я позову доктора Шермана.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Пока мы сидели в тишине, я понял, что имеют в виду люди, когда рассказывают, как у них перед обмороком в глазах начинают мелькать черные точки. Я почувствовал отток крови от лица и звон в ушах. Если я не сяду, пронеслось в сознании, то упаду. Насколько ужасно это будет выглядеть? Моя мужественная жена, стоически воспринимавшая неприятное известие, и ее муж, лежащий на полу без сознания в окружении медсестер, которые пытаются вернуть его к жизни с помощью нашатыря. Я присел на край кушетки, одной рукой взяв Дженни за руку, а другой – поглаживая ее шею. Глаза жены наполнились слезами, но она не плакала.

Доктор Шерман, высокий мужчина с колоритной внешностью, немного резковатый, но приветливый, подтвердил, что зародыш мертв.

– Сомневаться не приходится, мы обязательно услышали бы сердцебиение. – Он тактично пересказал нам то, что мы уже знали из прочитанных книг. Одна из шести беременностей оканчивается выкидышем. Таким образом природа отсеивает слабых, отстающих в развитии, имеющих серьезные нарушения. Видимо, вспомнив о беспокойстве Дженни по поводу спреев от блох, он добавил, что мы ни в чем не виноваты. Он дотронулся рукой до щеки Дженни, наклонился, будто хотел поцеловать ее, и сказал:

– Мне очень жаль. Вы сможете повторить попытку через пару месяцев.

Мы с Дженни молчали. Чистая кассета неожиданно оказалась совершенно ненужной. Было очень больно смотреть на нее и думать о нашем слепом наивном оптимизме. Я спросил у врача:

– Что нам теперь делать?

– Нужно удалить плаценту, – сказал он. – Сто лет назад вы бы даже не узнали, что у вас выкидыш, пока не началось бы кровотечение.

Он предложил нам переждать выходные и вернуться в понедельник на операцию, во многом напоминающую аборт, при которой зародыш и плацента удаляются из матки. Но Дженни хотелось поскорее забыть обо всем этом, как о кошмарном сне, да и мне тоже.

– Чем скорее, тем лучше, – ответила она.

– Хорошо, – согласился доктор Шерман, ввел Дженни специальный препарат и удалился. Мы слышали, как он, пройдя по коридору, зашел в соседнюю смотровую и принялся шумно поздравлять будущую маму, добродушно подшучивая над ней.

Оставшись вдвоем, мы с Дженни крепко обнялись и сидели так, пока не раздался легкий стук в дверь. Вошла пожилая женщина с кипой бумаг.

– Мне очень жаль, дорогая, – посочувствовала она Дженни. – Мне так жаль. – Она показала документ, который нужно было подписать: расписка в том, что клиент ознакомлен с возможными рисками, сопряженными с операцией.

* * *

Когда доктор Шерман вернулся, он развил бурную деятельность. Врач ввел Дженни сначала валиум, потом промедол; операция прошла быстро, хотя, может, и не совсем безболезненно. По крайней мере у меня возникло впечатление, что лекарства начали действовать уже после окончания операции. Все было позади, а Дженни лежала в полубморочном состоянии.

– Следите, чтобы она не переставала дышать, – сказал врач, выходя из кабинета. Я не поверил собственным ушам. Разве контролировать ее дыхание – это не его работа?

В документе не говорилось: «У пациента в любой момент может остановиться дыхание из-за передозировки барбитуратов». Но я делал то, что мне велели. Громко разговаривал, растирал жене руки, слегка похлопывал ее по щекам, твердил что-то вроде: «Эй, Дженни! Как меня зовут?» Но она отключилась от внешнего мира.

Через несколько минут к нам заглянула Эсси. Бросив мимолетный взгляд на бледное лицо Дженни, она исчезла, но буквально через несколько секунд вбежала с мокрым

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru полотенцем и нашатырем, который сунула Дженни под нос и держала там, казалось, целую вечность, прежде чем появилось слабое шевеление. Я продолжал громко разговаривать с женой, заставляя ее дышать глубоко, чтобы выход воздуха долетал до моей ладони. Ее кожа была мертвенно-бледной. Я пощупал пульс: 60 ударов в минуту. Стал лихорадочно прикладывать мокрое полотенце к ее лбу, щекам, шее. Наконец Дженни пришла в себя, но было видно, что она очень слаба.

– Ты заставила меня поволноваться, – выдохнул я. Она безучастно посмотрела на меня, словно пытаюсь понять, почему это я из-за нее волновался, и снова отключилась.

Через полчаса медсестра помогла ей одеться, и мы поехали домой, получив следующие рекомендации: в течение двух недель Дженни нельзя принимать ванну, плавать, пользоваться тампонами, заниматься сексом.

Сев в машину, Дженни прислонилась к стеклу и безучастно уставилась в окно. Глаза у нее были красные, но она не плакала. Я напрасно искал слова утешения. В самом деле, что я мог сказать? Мы потеряли нашего ребенка. Да, мог убедить ее: мы попытаемся еще раз. Мог напомнить, что многие пары проходят через подобное испытание. Но она не желала ничего слышать, а мне не хотелось ничего говорить. Когда-нибудь мы сможем спокойно обсуждать события этого дня. Но не сегодня.

Я ехал домой по Флэглер-драйв, живописной дороге вдоль побережья Вест-Палм-Бич на северной окраине города, где мы только что были у врача, в южную часть, где находился наш дом. Вода переливалась на солнце, легкий ветерок покачивал листья пальм, синее небо было безоблачным. Прекрасный день, но не для нас. Мы оба молчали.

Когда подъехали к дому, я помог Дженни выйти и уложил ее на диван. Затем направился в гараж, где Марли, как обычно, затаив дыхание, ждал нашего возвращения. Увидев меня, он тотчас схватил свою игрушечную замшевую кость и гордо пронес ее через помещение, отстукивая хвостом ритм по стиральной машине, словно палочкой по ксилофону. Он с мольбой во взоре просил меня попробовать отнять ее.

– Не сегодня, приятель, – сказал я, выпустив его через заднюю дверь во двор. Он долго мочился под мушмулой, потом вбежал обратно, глотнул воды из своей миски, разбрызгал воду и буквально полетел по коридору в поисках Дженни. Я закрыл заднюю дверь, вытер шваброй воду, разлитую Марли, и последовал за ним в гостиную.

Войдя в комнату, замер в изумлении. Я бы мог поспорить на свой недельный заработок, что представшая передо мной сцена абсолютно невозможна. Наш необузданный, вечно возбужденный пес стоял у ног Дженни, положив свою огромную голову ей на колени. Хвост Марли неподвижно висел – это было впервые на моей памяти, когда он не вилял, если кто-то из нас его гладил. Собака смотрела на Дженни и тихонько скулила. Жена погладила Марли по голове несколько раз, а затем спрятала лицо в собачьей шерсти и горько, безудержно зарыдала.

Это единение продолжалось долго: Марли застыл как вкопанный, и Дженни прижимала его к себе, словно огромную игрушку. Я ощущал себя наблюдателем, который подглядывал в замочную скважину интимный момент чужой жизни, и не знал, как мне быть. И тут Дженни, не поднимая лица, протянула мне руку. Я сел рядом с женой на диван и обнял ее. Общее горе объединило нас троих.

Глава 7

Хозяин и животное

На следующий день, в субботу, я проснулся на рассвете и увидел Дженни. Она лежала на боку, повернувшись ко мне спиной, и тихо плакала. Марли уткнулся мордой в матрац – он не спал и пытался выразить свое сочувствие хозяйке. Я встал, сварил кофе, выжал сок из апельсина, сходил за газетой, сделал тосты. Через несколько минут появилась Дженни в халате. Ее глаза уже просохли; она улыбнулась мне, словно говоря своей улыбкой: теперь все в порядке.

Позавтракав, мы решили прогуляться и сводить Марли искупаться. Если идти к океану напрямую от нашего дома, то не удастся выйти к воде из-за наваленных на берегу валунов и длинного бетонного волнореза. Но стоило пройти полдюжины домов на юг, и волнорез уходил в океан, а за ним открывался небольшой пляж с белым

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru песком и прибитой к берегу щепой – прекрасное место для активной собаки. Оказавшись на пляже, я спустил Марли с поводка и помаhal перед его носом палкой. Он смотрел на палку голодным взором и не сводил с нее глаз.

– Взять! – крикнул я и швырнул палку как можно дальше. Марли в один прыжок пересек бетонное ограждение, пронесся по пляжу и бросился на мелководье, поднимая фонтаны брызг. Вот настоящая стихия лабрадоров. Это умение заложено в их генах, ведь именно к этому их издавна приучали люди.

Доподлинно неизвестно, где впервые появились лабрадоры, но точно не на полуострове Лабрадор. Эти сильные собаки-пловцы с короткой шерстью впервые были обнаружены в XVII веке в нескольких сотнях километров к югу от полуострова Лабрадор, на острове Ньюфаундленд. Согласно дошедшим сведениям, местные рыбаки, выходявшие в море в своих легких плоскодонках, брали с собой специально обученных собак, которые помогали им тянуть сети и лесы, а также ловить сорвавшуюся с крючка рыбу. Густая лоснящаяся шерсть этих собак защищала их от холодной воды, а умение хорошо плавать, неиссякаемая энергия и способность бережно держать рыбу в зубах делали их идеальными помощниками в суровых условиях Северной Атлантики.

Как собаки оказались на Ньюфаундленде – загадка. Остров явно не был их родиной, однако нет достоверных данных, что собаки попали сюда с эскимосами, первыми поселенцами на этой территории. Наиболее правдоподобной представляется версия, согласно которой предки лабрадоров были завезены на Ньюфаундленд рыбаками из Европы и Британии. Многие из них сходили на берег и начинали оседлую жизнь, создавая поселения. Порода, видимо, возникла в результате произвольного и вынужденного скрещивания между собой собак тех первых европейцев. Вероятно, у лабрадоров и их более крупных и косматых собратьев – ньюфаундлендов – были общие предки.

Как бы то ни было, местные охотники вскоре приучили лабрадоров приносить подстреленную дичь. В 1662 году У. Э. Кормэк, уроженец поселения Сент-Джон (Ньюфаундленд), предпринял пеший поход по острову и увидел множество собак-пловцов, которые, как он писал, были «замечательно натренированы для охоты и... полезны во всех других сферах жизни». В конечном счете на этих собак обратили внимание английские аристократы. В начале XIX века они стали ввозить их на свою родину для охоты на фазанов, куропаток и тетеревов.

Согласно данным американского клуба заводчиков лабрадоров, в США любители лабрадоров впервые объединились в 1931 году. Главной целью нового общества было сохранение чистоты породы.

Само название «лабрадор» возникло совершенно случайно. Сохранилось письмо 3-го графа Малмсбери[9] 6-му герцогу Буклокскому (1830-е годы). Очевидно, плохо знающий географию граф хвастался своими отличными охотничьими собаками. «Мы всегда называем их лабрадорами», – писал словоохотливый Малмсбери, отмечая, что ему приходилось совершать длинные путешествия, чтобы приобрести представителей этой породы. С тех пор это название закрепилось, а порода оставалась «максимально чистой». Шли годы. Остальные собаководы проявляли меньшее благоговения перед генетикой, свободно скрещивая лабрадоров с другими охотничьими собаками в надежде, что их лучшие качества дополнятся другими. Несмотря на все попытки селекции, гены лабрадоров оказались стойкими, и порода сохранила свой первозданный облик, получив 7 июля 1903 года официальное признание Лондонского клуба собаководов.

Б. У. Циссоу, энтузиаст и собаковод с большим опытом, так охарактеризовал клуб заводчиков лабрадоров США: «Американские охотники привезли этих собак из Англии и адаптировали их к условиям жизни в новой стране. И сегодня, как в далеком прошлом, лабрадор инстинктивно прыгнет в ледяную воду в Миннесоте, чтобы принести подстреленную птицу; на жарком Юго-востоке он может целыми днями охотиться на голубей, и в награду за хорошо выполненную работу довольствуется лаской хозяина».

Такова история появления лабрадоров, и Марли как породистый пес мог по праву ей гордиться. Казалось, он унаследовал по крайней мере половину древних инстинктов и прекрасно преследовал добычу, правда, к сожалению, не осознавал, что с ней нужно вернуться обратно. Вероятно, пес размышлял следующим образом: если снова хочешь получить палку, Ты и должен прыгать за ней в воду.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
Итак, Марли выбрался на песок с палкой в зубах.

– Тащи сюда! – крикнул я, хлопнув в ладоши. – Давай, малыш, принеси ее мне. – Он с важностью отряхнулся, обрызгав меня и осыпав песком, а затем, как ни странно, положил палку у моих ног. Ух ты, подумал я, вот это да. Я оглянулся на Дженни, сидевшую на скамейке под деревом, и поднял вверх оба больших пальца. Но стоило мне наклониться, чтобы поднять палку, Марли был наготове. Он быстро схватил ее и понесся по пляжу, неистово выписывая кренделя. Во время одного из пируэтов он едва не наскочил на меня, поддразнивая и приглашая броситься за ним в погоню. Я попытался поймать пса, но на его стороне было преимущество в скорости и маневренности.

– Ты же вроде лабрадор-охотник, а не лабрадор-бегун! – крикнул я ему.

Возможно, я не обладал такими мышцами, как у Марли, однако мой умственный потенциал значительно превосходил его способности. Схватил вторую палку и разыграл с ней целый спектакль. Поднимал ее над головой, перекидывал из одной ладони в другую, размахивал ею, стараясь (и замечу, безуспешно) привлечь внимание Марли. Неожиданно палка, которую он держал в пасти – секунду назад самая желанная вещь на свете, – потеряла для него всякий интерес. Теперь его манила только моя палка. Он стал подкрадываться, приблизившись ко мне на расстояние полуметра.

– Да, Марли, простофили рождаются каждый день, согласен? – издевался я, потирая палкой его морду и наблюдая за движением собачьих глаз, преследующих «добычу».

Очевидно, извилины в его мозгу зашевелились, и он размышлял, как схватить новую палку, но при этом сохранить старую. Он обдумывал мгновенный прыжок за новой палкой, при этом его верхняя губа дрожала. Свободной рукой я ухватился за конец палки, торчащей из пасти пса. Каждый из нас тянул ее к себе. Марли зарычал. Я приложил вторую палку к его ноздрям.

– Ты же знаешь, что хочешь получить ее, – прошептал я. И это была правда, потому что искушение помutilo его разум. Я чувствовал, как его хватка слабеет. Вот он разжал челюсти и попытался схватить вторую палку, по-прежнему не выпуская первую. Еще один миг, и обе палки оказались над моей головой. Марли с лаем подпрыгнул, явно не понимая, почему такая блестящая боевая тактика привела к поражению.

– Вот поэтому я – хозяин, а ты – животное, – объяснил ему я. Пес еще раз отряхнулся, снова обдав меня брызгами и песком с ног до головы.

Я закинул одну из палок в воду, и он с громким лаем рванул за ней. На берег Марли вышел уже другим, более опытным противником. Теперь он проявлял осторожность и опасался приближаться ко мне. Пес остановился примерно в десяти метрах от меня. Он держал палку в зубах и не отрывал глаз от нового объекта своих желаний, то есть своей первой палки, которую я держал высоко над головой. Похоже, его извилины снова зашевелились. Он, вероятно, думал: «На этот раз просто постою здесь и подожду, пока он ее бросит, и тогда у меня будут обе палки, а у него – ни одной».

– Ты меня совсем за дурака держишь, да, песик? – иронизировал я. Сильно размахнувшись, я с нарочито громким криком сделал замах рукой, делая вид, будто бросаю палку. Думаете, Марли это понял? Поддавшись на мою уловку, пес шумно плюхнулся в воду, не выпуская своей добычи, и проплыл едва ли не полпути до Палм-Бич, прежде чем сообразил, что палка опять у меня в руках.

– Хватит издеваться над бедным животным! – крикнула Дженни со скамейки, и, обернувшись, я увидел, как она смеется.

Когда Марли наконец-то снова выбрался на сушу, от усталости он рухнул на песок, но не желал расставаться с добычей, которую по-прежнему держал в пасти. Я поманил его палкой, словно напоминая, насколько она ценнее, чем его.

– Фу, брось! – скомандовал я и поднял палку, изображая, будто собираюсь опять запустить ее в воздух. Мой доверчивый пес-недоумок снова вскочил и ринулся к воде.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

– Фу, брось! – повторил я команду, когда он вернулся.

Так повторялось несколько раз; в итоге он выполнил команду. И в то мгновение, когда его палка оказалась на песке, я бросил ему свою. Мы повторяли упражнение снова и снова, и с каждым разом Марли, казалось, все лучше улавливал суть. Урок постепенно начал откладываться в его огромной голове. Если он отдавал мне свою палку, я бросал ему другую.

– Это как обмен подарками в офисе, – учил я его. – Чтобы получить, надо научиться отдавать.

Он подпрыгнул и коснулся моего лица своей перемазанной в песке пастью. Я принял этот жест как знак того, что урок им усвоен.

По дороге домой уставший Марли ни разу не натянул поводок. Я просто светился от гордости за полученный результат. Мы с Дженни неделями пытались обучить пса основным правилам поведения и хорошим манерам, но почти не преуспели в этом. Как если бы мы пытались обучить дикого жеребца чаепитию из фарфорового сервиза. Бывали дни, когда я ощущал себя родителем ребенка-инвалида. И часто вспоминал Святого Шона и себя, десятилетнего мальчишку, который успешно обучил его всему необходимому, что требуется для воспитанной собаки. Мне становилось любопытно: неужели сейчас делаю что-то не так.

Но наше небольшое упражнение с палкой зародило лучик надежды.

– Знаешь, – сказал я Дженни, – похоже, до него начинает доходить.

Она посмотрела на пса, устало бредущего рядом. Он был мокрый и весь в песке. Из пасти капала слюна, а палку, добытую тяжким трудом, крепко сжимали челюсти.

– Что-то не верится, – отозвалась она.

* * *

На следующее утро, еще до рассвета, я снова проснулся от всхлипываний Дженни.

– Эй, – сказал я, обнимая ее. Она уткнулась лицом в мою грудь, и я почувствовал, как моя футболка намокает от ее слез.

– Я в порядке, – выдавила она. – Правда. Только... В общем, ты знаешь.

Конечно, знал. И старался бодриться, но испытывал то же гнетущее ощущение потери и неудачи. Странно: меньше 48 часов назад нас переполняли радость и ожидание ребенка, а теперь все обернулось так, будто беременности и вовсе не было. словно все это время мы жили как во сне, а теперь с трудом пробуждаемся.

В тот же день немного позже я вместе с Марли поехал за продуктами и лекарствами для Дженни. На обратном пути остановился у цветочного магазина и купил огромный красивый букет весенних цветов, надеясь, что это поднимет Дженни настроение. Чтобы букет не растрепался по дороге, я закрепил его ремнем безопасности на заднем сиденье возле Марли. А когда мы проезжали мимо зоомагазина, подумал, что пес тоже заслужил награды. В конце концов, он лучше меня сумел успокоить безутешную женщину.

– Будь хорошим мальчиком, я сейчас вернусь.

И побежал в магазин, чтобы купить ему большую игрушечную косточку из замши.

Через несколько минут мы вернулись домой. Дженни вышла навстречу, и Марли выскочил из машины, чтобы поприветствовать хозяйку.

– У нас для тебя есть маленький сюрприз, – сказал я, но на заднем сиденье, где лежали цветы, сюрприз ожидал скорее меня.

Я купил букет, состоявший из белых маргариток, желтых хризантем, отборных лилий и ярко-красных гвоздик. Однако теперь гвоздики куда-то пропали. Приглядевшись, я заметил обезглавленные стебли, на которых несколько мгновений назад красовались цветки. В остальном букет не пострадал. Я пристально посмотрел на Марли: он

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru кружился так, будто танцевал под зажигательную мелодию.

– А ну, иди сюда! – заорал я, и началась погоня.

Когда я наконец изловил пса и разжал его челюсти, то обнаружил там неопровержимое доказательство его вины. Глубоко скрытая в огромной пасти и застрявшая в зубах, словно кусочек жевательного табака, виднелась одинокая красная гвоздика. Остальные, похоже, уже отправились в горло. Я был готов прибить Марли на месте.

Я взглянул на Дженни и увидел струйки слез на щеках от смеха. Даже если бы я привел уличного музыканта и спел бы под его аккомпанемент серенаду для жены, то это не вызвало бы такого веселья. Мне оставалось лишь расхохотаться.

– Ох уж этот пес! – пробормотал я.

– Да мне все равно гвоздики никогда не нравились, – призналась Дженни.

А Марли так обрадовался всеобщему счастью и смеху, что подпрыгнул на задних лапах и исполнил для нас настоящий брейк.

* * *

На следующее утро меня разбудило яркое солнце, лучи которого проникали в спальню сквозь ветви бразильского перечноного дерева. Я посмотрел на часы: было около восьми. Моя жена спокойно спала. Красивая грудь вздымалась и опускалась в такт ее размеренному дыханию. Я поцеловал волосы Дженни, обнял ее за талию и снова задремал.

Глава 8 Борьба мнений

Марли не исполнилось и полгода, когда мы записали его на курсы дрессировки. Видит бог, как они были ему необходимы. Если не считать некоторого прогресса в упражнении с палками в тот день на пляже, в целом он показывал себя глупым и неприлежным учеником. Неукротимая энергия вынуждала его постоянно отвлекаться. Мы начали понимать, что наш пес не похож на других собак. Как-то раз Марли попытался затеять брачную игру с коленом моего отца, который высказался вполне определенно: «Эта собака совершенно ненормальная». Нужна помощь профессионалов.

Наш ветеринар рассказал нам о местной частной школе дрессировки собак. Занятия проходили по вторникам вечером на автостоянке позади учебного манежа. Общий курс дрессировки проводили опытные члены клуба, которые, вероятно, заложили эталон цивилизованного поведения в своих собаках. Курс был рассчитан на восемь занятий и стоил 50 долларов. Мы сочли это предложение очень выгодным с учетом того, что Марли мог отгрызть от новых туфель кусок аналогичной стоимости за тридцать секунд. К тому же клуб гарантировал, что после окончания обучения мы получим практически новую лесси. [10] Во время записи на занятия мы познакомились с женщиной, которая набирала группу. Суровый, серьезный инструктор, она придерживалась убеждения, что не существует безнадежных собак, но есть безвольные и неспособные хозяева.

Первый урок, казалось, подтвердил ее правоту. Пока мы вылезали из машины, Марли заметил на площадке других собак и их хозяев. Вечеринка! Он перемахнул в прыжке через меня, и поводок устремился следом за ним, стелясь по земле. Он кидался от одной собаки к другой, обнюхивал их, метил территорию, обильно брызгая слюной. Для Марли это был праздник запахов – так много хвостов и так мало времени, поэтому он пользовался моментом и при этом держал меня в поле зрения на безопасном расстоянии. Стоило мне почти догнать его, как он удирал на несколько метров вперед. Наконец я сумел приблизиться и, проделав длинный прыжок, приземлился обеими подошвами на конец поводка. Это заставило пса резко остановиться; на мгновение мне даже показалось, что я сломал псу шею. Он отпрянул, упал на спину, подрыгал лапами и блаженно посмотрел на меня. Я увидел взгляд наркомана, только что получившего свою дозу.

Тем временем инструктор наблюдала за нами. Она выразительно посмотрела на меня. Похоже, если бы я решился сбросить одежду и станцевать голым прямо здесь, это не произвело бы на нее такого же сильного впечатления.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru – Займите свое место, пожалуйста, – резко скомандовала она, но, увидев, что мы с Дженни вместе оттаскиваем Марли на место, добавила: – Вам нужно определиться, кто будет тренером.

Я попытался объяснить, что мы оба хотели бы участвовать в процессе, чтобы каждый из нас мог тренировать Марли дома, но инструктор прервала меня.

– Собака, – сказала она решительно, – может подчиняться только одному хозяину.

Я намеревался возразить, но мне хватило одного ее взгляда, чтобы умолкнуть. Похоже, таким приемом она запугивала собак, чтобы заставить их подчиняться. Потерпев фиаско, я понуро побрел в сторону, оставив Дженни за хозяйку.

В этом, вероятно, и заключалась ошибка. К тому времени Марли стал значительно сильнее Дженни, и пес знал это. Инструктор мисс Строгий Взгляд приготовилась произнести речь о важности полного контроля над поведением наших питомцев, но успела сказать лишь несколько фраз, как Марли решил, что самка пуделя, которую он приметил на противоположной стороне площадки, заслуживает более пристального изучения. Он ринулся вперед, взяв Дженни на буксир.

Остальные собаки спокойно сидели возле своих хозяев на расстоянии около трех метров одна от другой в ожидании дальнейших указаний. А Дженни отважно боролась с Марли, пытаясь упереться ногами и остановить его. Тем временем пес почувствовал отсутствие сопротивления и побежал по автостоянке, волоча за собой мою жену. Им управляло неистовое желание понюхать зад самки пуделя. Дженни своим видом напоминала водную лыжницу, которую тянет за собой катер. Все взгляды устремились на нее. Некоторые наблюдатели просто давились от смеха. Я закрыл глаза.

Марли никогда не считался с формальностями. Он буквально врезался в самку пуделя и сразу же втиснул нос между ее лапами. Как я понял, это был обычный для кобеля способ поинтересоваться: «И что, часто вы здесь бываете?»

Дженни удалось вернуть Марли на место только после того, как он завершил гинекологическое обследование самочки. Мисс Строгий Взгляд невозмутимо произнесла:

– Группа, вот вам пример поведения, когда псу позволили думать, будто он вожак стаи. Сейчас он при исполнении обязанностей.

И словно в подтверждение этих слов Марли атаковал собственный хвост, бешено завертелся, лязгая челюстями, а заодно наматывая поводок вокруг лодыжек Дженни, пока не зафиксировал ее в неподвижном положении. Мне оставалось только переживать и благодарить небо, что на ее месте нахожусь не я.

Инструктор начала урок с команд «сидеть» и «лежать». Дженни твердо произносила: «Сидеть!» – а Марли прыгал на нее и клал лапы на плечи. Она прижимала его зад к земле, но он развалился на спине, решив, что ему почешут живот. Дженни пыталась оттащить его на место, а он хватал поводок зубами и мотал головой из стороны в сторону, словно сражался со змеей. На это было больно смотреть. В какой-то момент я с удивлением заметил, что Дженни упала лицом вниз, а Марли стоит над ней, сияя от счастья. Позже жена объяснила мне, что таким образом она пыталась продемонстрировать псу команду «лежать».

Когда урок закончился и Марли с Дженни присоединились ко мне, мисс Строгий Взгляд поймала нас у выхода.

– Вам надо научиться управлять этим животным, – сказала она насмешливым тоном.

Что ж, спасибо за ваш бесценный совет. Вы, наверное, подумали, что мы пришли просто поразвлечь остальных.

Однако никто из нас не проронил ни слова. Мы почувствовали себя униженными и поспешили сесть в машину. Домой ехали в полной тишине, если не считать пыхтения Марли: он все пытался спуститься с небес на землю после своего первого урока. Наконец я проговорил:

– Одно можно сказать уверенно: ему точно понравилась школа.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

* * *

На следующей неделе мы с Марли вернулись на площадку, но уже без Дженни. В нашем доме я, вероятно, в большей степени соответствую представлению о жожаке, поэтому жена с удовольствием сложила с себя полномочия наставника и торжественно объявила, что больше не претендует на эту роль. Прежде чем выйти из дома, я перевернул пса на спину, наклонился к нему и свирепо, насколько мог, прорычал: «Я хозяин! Не ты! Хозяин я! Тебе ясно, жожек?» Он постучал хвостом по полу и попытался схватить меня за запястье.

На втором занятии отрабатывались навыки ходьбы на поводке рядом с хозяином. Этому мне особенно хотелось научить Марли. Я устал от постоянного сопротивления во время прогулок. Однажды, погнавшись за кошкой, он уже сбил Дженни с ног, и она разбила колени. Пришло время научить пса спокойно трусить рядом с нами.

Я помучился с ним, возвращаясь на наше место на площадке и оттаскивая его подальше от других собак, которые оказывались на нашем пути. Мисс Строгий Взгляд вручила каждому из нас короткую цепочку со стальными кольцами, прикрепленными к обоим ее концам. По ее словам, это были сдерживающие ошейники – наше секретное оружие, которое помогало без чрезмерных усилий научить четвероногих учеников держаться рядом. Ошейник был просто гениален в своей простоте: если собака вела себя нормально и послушно шла рядом с хозяином, ошейник не мешал движению и кольцо вокруг шеи свободно болталось. Но стоило собаке рвануть вперед или побежать в сторону, поводок затягивался подобно капкану, вынуждая животное повиноваться. Совсем скоро, уверяла наша наставница, собаки или научатся подчиняться, или погибнут от удушья. Жестоко, но впечатляет, подумал я.

Я попытался надеть цепочку на Марли, однако он схватил ее зубами. Пришлось разжать его челюсти, вынуть цепочку и повторить попытку. Цепочка снова оказалась в пасти. Остальные собаки уже сидели с надетыми ошейниками, и все ждали только нас. Тогда я одной рукой сжал его морду, а другой попытался набросить цепь-лассо ему на шею. Марли попятился назад, стараясь освободить пасть от захвата и атаковать непонятную серебряную змею. Наконец мне удалось затянуть ошейник, и он упал как подкошенный на землю, поднял лапы в воздух и, щелкая зубами, завертел головой из стороны в сторону, пока снова не овладел цепью. Я посмотрел на мисс Строгий Взгляд.

– Ему понравилась цепь, – пояснил я.

Мне было велено поднять Марли на лапы и вытащить ошейник из его пасти, что я и сделал. Потом по указанию инструктора прижал к земле зад пса, заставив его сесть, а сам занял место рядом, при этом моя левая нога касалась его правого плеча. На счет «три» я должен был дать команду: «Марли, рядом!» – и пойти вперед с левой – и ни в коем случае не с правой! – ноги. Если он начинал отклоняться от заданного курса, то небольшие коррективы в виде быстрых рывков ошейника возвращали его на нужное место.

– Группа, на счет «три», – объявила мисс Строгий Взгляд. Марли дрожал от возбуждения. Блестящий незнакомый объект на шее довел его до такого возбуждения, что у него из пасти капала пена.

– Раз... Два... Три!

– Марли, рядом, – скомандовал я. Мы не успели сделать первый шаг, как пес рванул вперед, словно истребитель, стартующий с авианосца. Я с силой дернул поводок, и пес поперхнулся, будто ему перекрыли дыхательные пути. На мгновение он отпрянул назад, но едва поводок ослаб, шок прошел и затерялся в его крохотном отделе мозга, хранившем информацию об уроках жизни. Он снова дернулся вперед, я потянул поводок на себя, и пес опять чуть не задохнулся. Так мы и бегали по территории автостоянки: Марли тянул вперед, я – назад, каждый раз с нарастающей силой. Он кашлял и пытел, я ворчал и потел.

– Ну укротите наконец своего пса! – заорала мисс Строгий Взгляд. Я старался изо всех сил, но Марли не поддавался дрессировке. Мне показалось, он скорее задушит себя, чем поймет, что от него требуется. Тем временем остальные собаки гордо вышагивали возле своих хозяев, реагируя на «небольшие коррективы», как и обещала мисс Строгий Взгляд.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
– Ради бога, Марли, – шепнул ему я. – Не посрами честь нашей семьи.

Инструктор выстроила группу и разрешила нам еще одну попытку. Марли, задыхаясь и пошатываясь, с выпученными глазами, повторил упражнение. На противоположном конце площадки мисс Строгий Взгляд объясняла группе, как не надо обращаться с собакой, приводя в пример нас с Марли.

– Вот, – нетерпеливо произнесла она, вытягивая руку. – Дайте я покажу.

Я передал ей поводок. Она демонстративно оттащила Марли на исходную позицию и приказала «сидеть», немного затянув ошейник. Ну конечно, как и следовало ожидать, он сел, преданно глядя на нее. Черт возьми.

Слегка дернув за поводок, мисс Строгий Взгляд пошла с Марли. Однако он тотчас сорвался на полную скорость, словно участвовал в заезде собачьих упряжек. Инструктор настойчиво вносила «коррективы», чтобы укротить пса. Марли останавливался с хрипом, а потом снова рвался вперед. Казалось, он намеревался вывихнуть ей руку. Мне бы следовало стыдиться, но я почувствовал удовлетворение, граничащее с мстительностью. Она не смогла добиться лучшего результата. Участники группы посмеивались, а я гордился и злорадствовал. Видите, мой пес ведет себя ужасно с кем угодно, а не только со мной!

Теперь, когда посрамлен был не только я, должен признать, что все это выглядело забавно. Пара, достигнув границы автостоянки, развернулась и тронулась в обратном направлении в том же «вперед-назад» темпе. Оба находились на пределе: мисс Строгий Взгляд кипела от гнева, а в Марли клокотала радость, требующая выхода. Тренер в бешенстве дергала поводок, но Марли с пеной у рта тянул его еще сильнее, явно наслаждаясь перетягиванием каната, словно поддерживал эту игру по просьбе своей наставницы. Увидев меня, пес вошел в раж. Запредельный выброс адреналина заставил пса метнуться ко мне, таща за собой мисс Строгий Взгляд, которой пришлось включить спринтерскую скорость, чтобы удержаться на ногах. Марли летел до тех пор, пока не врезался в меня с присущей ему joie de vivre. [11] Мисс Строгий Взгляд метнула в мою сторону взгляд, в котором ясно читалось: пес пересек некую запретную черту, и возврата назад уже не будет. Марли превратил в посмешище все ее наставления о собаках и дисциплине и прилюдно унизил ее. Она передала мне поводок и как ни в чем не бывало повернулась к группе со словами: «Итак, на счет «три»...»

После окончания урока она попросила меня задержаться на минуту. Мы с Марли молча ждали, пока она терпеливо отвечала на вопросы наших сокурсников. Когда все разошлись, мисс Строгий Взгляд повернулась ко мне и произнесла неожиданно примирительным тоном:

– Мне кажется, ваш пес еще слишком мал для системной дрессировки.

– От него одни проблемы, верно? – спросил я. В какой-то степени я даже сочувствовал ей сейчас, поскольку Марли заставил нас обоих пережить унижение.

– Он просто пока не готов, – объяснила она. – Ему нужно подрасти.

Меня неожиданно осенило, на что она намекает.

– Вы, что, хотите сказать...

– Он отвлекает других собак.

– ...что вы...

– Он слишком возбудимый.

– ...выгоняете нас с курса?

– Вы можете вернуться через шесть-восемь месяцев.

– Так вы нас выгоняете?

– Я с удовольствием верну вам деньги.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
– Вы прогоняете нас?

– Да, – наконец отчеканила она. – Я вас отчисляю.

В качестве ответной меры Марли поднял лапу и выпустил напористую струю в нескольких сантиметрах от ноги своего обожаемого инструктора.

* * *

Порой, чтобы решительно взяться за дело, нужно просто разозлиться. И мисс Строгий Взгляд по-настоящему меня разозлила. У меня был красивый чистокровный лабрадор, представитель благородной породы. Эти умнейшие собаки с давних времен служили поводьями слепых, спасали жертв катастроф, помогали охотникам, доставая рыбу из морской пучины. Как она посмела исключить его после двух уроков? Да, в нем энергия бьет ключом, но его намерения были исключительно добрыми. Я решил доказать этому напыщенному ничтожеству, что Великолепный Марли Черчилльский, собственность Грогэнов, не боится трудностей. Мы еще встретимся на выставке в Вестминстере.

Наутро первым делом я вывел Марли на задний двор.

– Никто не имеет права отчислить одного из Грогэнов из школы дрессировки, – сказал я ему.

– Пока не готов? Сейчас увидим, кто тут не готов к дрессировке! Правильно?

Он подпрыгнул в знак согласия.

– Мы ведь сделаем это, Марли? – Пес завилял хвостом.

– Не слышу, мы это сделаем? – Он тьякнул в ответ.

– Так-то лучше. А теперь давай за работу.

Мы начали с команды «сидеть». Он неплохо усвоил ее, ведь мы учили с ним с самого раннего возраста. Я наклонился к нему со строгим видом, желая показать, кто здесь главный, и уверенным, но спокойным голосом дал команду «сидеть». Пес сел. Я похвалил его. Мы повторили упражнение несколько раз. Затем перешли к команде «лежать», которую тоже разучивали долгое время. Он сосредоточенно смотрел мне в глаза, вытягивая шею в ожидании новых приказов. Я медленно поднял руку, замер на несколько секунд, пока он ждал команды, а затем опустил ее вниз, показал на землю и крикнул: «Лежать!» Марли с глухим стуком плюхнулся на землю. Если бы сзади разорвалась бомба, даже тогда он не мог бы лечь с большим удовольствием. Дженни, наблюдавшая за нашей тренировкой с веранды, тоже заметила это и крикнула: «Молодцы!»

Мы повторили команду несколько раз, и, чтобы закрепить навык, я решил поднять планку: разучить с Марли команду «ко мне», которая ему не давалась. Проблема заключалась не в том, чтобы пес подбежал: Марли не мог спокойно дожидаться, пока его позовут. Наш рассеянный пес стремился всегда находиться рядом с нами и не мог усидеть на месте, если мы удалялись.

Я посадил его мордой к себе и не сводил с него глаз. Пока мы смотрели друг на друга, я поднял ладонь, сделав запрещающий жест. «Стоять!» – скомандовал я и отошел на шаг назад. Он замер в ожидании хоть какого-то знака, разрешающего догнать хозяина, и нетерпеливо глядел на меня. Но уже на четвертом моем шаге Марли не смог с собой справиться и бросился ко мне. Я сделал ему внушение, и мы попытались повторить упражнение. Потом еще. Раз за разом расстояние, разделявшее нас, увеличивалось. Наконец нас с Марли разделяло примерно пятнадцать метров. Я протянул вперед ладонь и выжидал момент. Он сидел, не меняя позы, дрожа от нетерпения. Вот в нем закипает энергия, и он превращается в готовый взорваться вулкан. Однако он пытался удержать себя. Я сосчитал до десяти – пес не двинулся. Его взгляд застыл на мне, а мышцы ходили ходуном. Ладно, хватит с него пыток, решил я и, резко опустив руку, крикнул: «Марли, ко мне!»

Он рванулся, а я присел и похлопал в ладоши в знак одобрения. Думал, он начнет наматывать круги по всему саду, но Марли несся прямо на меня. Отлично, отметил я. «Ко мне, мой мальчик! – закричал я. – Ко мне! А теперь стоп, малыш». Он продолжал лететь вперед. «Стоять!» За секунду до удара его бессмысленный

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru обезумевший взгляд подсказал мне, что Марли потерял контроль. Капитан покинул свой корабль. Это был панический бег невменяемой собаки. У меня оставалась секунда для единственной, последней команды. «СТОЯТЬ!» – завопил я. Бух! Он врезался в меня, не успев сбросить скорость, и я рухнул на землю, сильно ударившись спиной. Спустя несколько секунд открыл глаза и увидел Марли, который взгромоздился на меня всеми четырьмя лапами, распластавшись на моей груди; он отчаянно вылизывал мне лицо. Ну, как я тебе, хозяин? С точки зрения техники исполнения он точно следовал всем указаниям. В конце концов, это моя оплошность: я не предупредил его, что нужно остановиться около меня.

– Задание выполнено, – выдавил я, стоная от боли. Дженни показалась в кухонном окне и крикнула:

– Я уйду на работу. Когда вы закончите, не забудьте закрыть окна. Сегодня вечером обещали дождь.

Я накормил пса, принял душ и тоже отправился в редакцию.

* * *

Когда вечером вернулся домой, Дженни поджидала меня у двери, и, как мне показалось, она была чем-то огорчена.

– Посмотри, что творится в гараже, – сказала она.

Я открыл дверь гаража, и первое, что бросилось в глаза, был Марли: он лежал на своей подстилке с подавленным видом. Даже мимолетного взгляда хватило, чтобы понять, что его морда и передние лапы пострадали. Они имели не привычный светло-палевый оттенок, а стали темно-коричневыми и покрылись пятнами запекшейся крови. Оглядев гараж, я ужаснулся. Наш надежный «бункер» изнутри был крепко потрепан. Подстилки порваны в клочья, краску с бетонных стен соскребли когтями, гладильная доска валялась на полу, а ее чехол превратился в бахрому. В самом плачевном состоянии оказался дверной проем: складывалось впечатление, что тут не обошлось без участия какого-то гигантского кухонного комбайна. В радиусе трех метров вокруг дверного косяка валялись щепки, изнутри он был наполовину выгрызен. А порожек дверного косяка вообще отсутствовал – его нигде не было видно. На стенах, которые Марли кусал и царапал, остались пятна крови.

– Черт! – вырвалось у меня скорее от неожиданности, чем от злости. В памяти всплыла трагедия мисс Недермайер, разыгравшаяся в доме напротив. У меня возникло ощущение, будто нахожусь на месте преступления.

Сзади послышался голос Дженни:

– Когда я заходила домой в обед, все было в порядке, правда, накрапывал дождь.

А когда Дженни вернулась на работу, разразилась сильная гроза: лило как из ведра, сверкала молния, а от раскатов грома сотрясались стены.

Несколько часов спустя она приехала домой и застала Марли посреди гаража, откуда он в панике попытался выбраться. Помещение напоминало поле боя. Пасть пса была в пене. В общем, представшая картина оказалась настолько душераздирающей, что Дженни даже не стала кричать на Марли. Кроме того, по прошествии времени Марли так бы и не понял, за что его наказывают. Однако Дженни была настолько убита варварской атакой на дом, где мы приложили немало сил на ремонт, что не смогла заставить себя остаться с Марли. «Подождем возвращения твоего папочки», – грозно сказала она псу и закрыла дверь.

За ужином Дженни и я попытались спокойно обсудить «приступ озверения», как мы назвали инцидент. События, по нашему мнению, развивались следующим образом: когда началась гроза, напуганный Марли решил, что ему угрожает смертельная опасность, и единственный шанс спастись – прокопать себе лазейку в дом. Наверное, эту мысль подсказал заложенный в нем инстинкт самосохранения, передавшийся от волка, его древнего предка. И он устремился к своей цели с яростным упорством. Даже трудно представить, что масштабы погрома, учиненного нашим псом, вообще возможны без применения спецтехники.

Закончив ужин, мы направились в гараж, где уже успокоившийся Марли схватил большую игрушку и начал прыгать вокруг нас, приглашая поиграть в «перетягивание

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru каната». Я придержал собаку, пока Дженни вытирала кровь с шерсти. Затем Марли, виляя хвостом, наблюдал, как мы убираем устроенный им разгром. Мы выбросили все подстилки, сорвали испорченный чехол с гладильной доски, подмели щепки, некогда бывшие дверной рамой, смыли кровь на стенах и составили список материалов, которые требовалось купить, чтобы привести гараж в порядок. Впервые с тех пор, как у нас появился пес, я был вынужден заниматься ремонтом по его вине. И как показали последующие события, не в последний раз. А сейчас Марли, как всегда, радовался нашему обществу и пытался, как умел, помочь нам с уборкой.

– Тебе не стоит особо радоваться по этому поводу, – хмуро сказал я, забирая его на ночь в дом.

Глава 9

Мужские проблемы

Любая собака нуждается в хорошем ветеринаре – опытном специалисте, который поможет ей сохранять здоровье и силу, а также сделает необходимые прививки. К ветеринару обращается всякий владелец, впервые купивший собаку: в основном чтобы посоветоваться с врачом, именно поэтому в ветеринарных клиниках значительная часть времени приема отводится на консультации посетителей. Нам не сразу удалось найти подходящего специалиста для нашего пса. Одного невозможно было застать на рабочем месте, и приходилось общаться с его 16-летним помощником; а второй был настолько старым, что я сомневался, сможет ли он отличить чихуа-хуа от кошки. Третий врач специализировался на обслуживании карманных собачек богатых наследниц из Палм-Бич. И вот наконец мы отыскали идеального ветеринара. Его звали Джей Батэн, для пациентов – доктор Джей. Он был молод, умен – отличный парень и невероятно добрый. Доктор Джей понимал собак на уровне интуиции, так механики от бога чувствуют машину. Он, несомненно, обожал животных, но трезво оценивал их роль в нашей жизни. Первые месяцы мы постоянно держали его телефонный номер на виду и обращались к нему по любым, даже самым глупым вопросам. Когда у Марли на суставах лап появились покрытые коростой мозоли, я испугался, решив, что это какое-то редкое и, возможно, заразное кожное заболевание. Доктор Джей объяснил: это обычные мозоли и не более того, они образовались у Марли от лежания на полу. Как-то раз Марли широко зевнул, и я заметил у основания его языка подозрительное фиолетовое пятно. «О господи, – подумал я. – Да у него же рак! Саркома Капоши[12] во рту». «Успокойтесь, – сказал доктор Джей, – это просто родимое пятно».

В тот день мы с Дженни находились в кабинете врача и обсуждали прогрессирующую у Марли фобию, связанную с грозой. Мы надеялись, что неприятный инцидент в гараже не повлечет последствий, однако он стал началом того, что со временем могло перерасти в хроническую фобию, которая может спровоцировать агрессивное поведение. Хотя за лабрадорами закрепилась репутация охотничьих собак, наш пес смертельно боялся звуков громче, чем хлопок пробки от шампанского. Треск фейерверков, тархтение мотоциклетных моторов, звук выстрела – все это приводило его в ужас. Однако наибольший страх вызывали раскаты грома. Даже небольшая гроза заставляла Марли терять контроль над собой. Если в этот момент мы оказывались дома, он прижимался к нам, его била дрожь, из пасти стекала слюна; пес нервно вращал глазами, прижимал уши и поджимал хвост. Если же нас поблизости не было, он превращался в вандала, который крушил все, что возникало на его пути к приглянувшемуся безопасному месту. Однажды, когда сгущались тучи перед грозой, Дженни пришла домой и увидела, как Марли с выпученными глазами отчаянно прыгает на стиральной машине, стуча когтями по крышке. Как он там оказался и почему решил забраться именно туда, осталось загадкой. Среди людей встречаются недееспособные психи, и, как выяснилось, среди собак такие тоже есть.

Доктор Джей передал мне пузырек с маленькими желтыми таблетками и сказал:

– Пусть принимает, это поможет.

Это было успокоительное средство, которое, по словам доктора, поможет снять приступы патологической тревожности у Марли. Доктор Джей надеялся, что благодаря лекарству Марли сможет адекватно воспринимать гром и в конце концов поймет, что это всего-навсего неопасный шум. Боязнь грома у собак, как нам объяснил доктор, довольно необычное явление, особенно во Флориде, где во время жаркого сезона почти ежедневно бывали сильнейшие грозы. Марли понюхал склянку у меня в руках, сгорая от нетерпения начать новую жизнь и попасть в наркотическую зависимость.

Доктор Джей почесал загривок Марли. Врач покусывал губы, будто хотел сообщить

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru нам что-то важное, но не знал, как подступиться.

– И, – наконец произнес он, – вам, наверное, нужно подумать о его кастрации.

– Кастрации? – с недоумением переспросил я. – Вы хотите сказать... – Я взглянул на яички пса – комичного вида огромные шары, болтавшиеся между задними ногами Марли.

Доктор Джей тоже посмотрел на них и утвердительно кивнул. Я, кажется, вздрогнул, а может, и вовсе схватился за сердце, потому что он поспешил добавить:

– Это совершенно безболезненно, да и ему так будет гораздо комфортнее.

Доктор был в курсе проблем Марли. Он был нашим духовником, и мы рассказывали ему обо всем: и об ужасном опыте дрессировки, и о нелепых выходках собаки, и о потребности все крушить, и о его гиперактивности. И вот Марли, когда ему пошел седьмой месяц, начал предпринимать попытки совокупиться со всем, что способно двигаться, включая наших гостей.

– Мы просто избавим его от фонтанирующей сексуальной энергии и сделаем счастливой, более спокойной собакой, – сказал доктор Джей, заверив, что операция не скажется на добродушном нраве Марли.

– Господи, просто не знаю... – засомневался я. – Кажется, это... приговор.

У Дженни, напротив, подобных сожалений не возникло.

– Давайтеотрежем ему эти отростки, – согласилась она.

– А как тогда быть с возможным потомством? – спросил я. – Неужели он не продолжит свою родословную? – Уплывающие возможности прибыли промелькнули перед моими глазами.

И снова доктору Джей пришлось осторожно выбирать слова.

– Думаю, вам стоит оценить проблему более трезво. Марли – славный домашний пес, но мне кажется, что у него немного шансов стать производителем. – Он был максимально дипломатичен, но выражение лица выдавало его: на самом деле он пытался достучаться до меня: «Побойся Бога, парень! Ради будущих поколений мы должны исправить эту генетическую ошибку любой ценой!»

Я пообещал подумать, и мы уехали домой с новым успокоительным средством.

* * *

Пока мы решали, как поступить с Марли, Дженни начала предъявлять запределные требования к моим собственным мужским достоинствам. Доктор Шерман разрешил ей снова попытаться забеременеть. Она приняла вызов как истинный олимпиец. Времена, когда она переставала принимать противозачаточные пилюли (будь что будет!), давно миновали. В схватке за оплодотворение Дженни перешла в наступление. И, конечно, для этого нужен был я, главный союзник, снабжавший ее амуницией. Как и большинство мужчин, с пятнадцати лет всеми силами старался доказать противоположному полу, что я достойный партнер. В конце концов я нашел ту, кто с этим согласилась. Мне следовало бы прыгать от восторга. Впервые в жизни женщина хотела меня сильнее, чем я ее. Это был рай для мужчины. Никаких уговоров, никаких унижений. Наконец-то на меня появился спрос, как на лучших породистых собак. Я должен был находиться в экстазе, но неожиданно все это превратилось в тяжелую и рутинную работу. Дженни ждала от меня не просто любовных утех – она хотела зачать ребенка. А это значило, что мне предстояло изрядно потрудиться. Начались серьезные дела. Самые радостные ночные удовольствия неожиданно превратились в клинические эксперименты, с измерением температуры, ведением менструальных календарей и таблиц овуляций. Я ощущал себя пажом всемогущей королевы.

Происходящее «вдохновляло» меня примерно так же, как визит в налоговую инспекцию. Дженни привыкла к тому, что я реагирую на ее малейший намек, и она не без оснований считала, что старые правила оставались в силе. Скажем, я чиню мусорный бак, а она подходит со своим календарем и говорит: «Мой последний цикл начался семнадцатого, это значит, – и тут она делает паузу, подсчитывая дни, –

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru что нам нужно заняться этим прямо СЕЙЧАС!»

Мужчинам из рода Грогэнов не нравилось, когда на них давили, и я не был исключением. Понадобилось совсем немного времени, чтобы я пережил главное мужское фиаско: неудачу в сексе. А раз уж это случилось, считай, игра окончена. Моя уверенность пошатнулась, а нервозность возросла. Я знал, что случившееся может повториться. Одно поражение настраивало меня на другое. И чем больше волновался по поводу своих супружеских обязанностей, тем реже мне удавалось расслабиться и сделать то, что ранее происходило само собой. Старался избегать любых намеков на секс, чтобы не дай бог не заронить в голову Дженни ненужных мыслей. Я жил в смертельном страхе, вдруг моя жена попросит раздеть ее и заняться любовью. И стал подумывать, что жизнь отшельника в глухом монастыре – не самый худший вариант.

Но Дженни не собиралась сдаваться. Она была охотницей, я стал добычей. Однажды утром я работал в офисе своей газеты всего в десяти минутах ходьбы от дома, как вдруг она позвонила и поинтересовалась, не готов ли я встретиться с ней в обеденный перерыв. «Ты имеешь в виду дома? Нам одним, без компании?»

– Можно сходить куда-нибудь в ресторан, – предложил я. В какой-нибудь очень людный ресторан. Желательно, где будут несколько наших коллег. И свекровь с тещей.

– Да ладно тебе, – игриво ответила она. – Давай повеселимся.

Затем она понизила голос и почти шепотом добавила:

– Сегодня хороший день. Мне... кажется... что у меня... овуляция. – Меня накрыла волна ужаса. О боже, нет. Только не это слово на букву «о». Напряжение нарастало. Пришло время действовать: или пан, или пропал. В буквальном смысле. Пожалуйста, не заставляй меня, хотелось попросить ее в телефонную трубку... Но вместо этого я сказал с наигранным равнодушием:

– Конечно. В половине первого, идет?

* * *

Когда открыл входную дверь, Марли, как всегда, подждал меня, но Дженни нигде не было. Я позвал ее.

– Я в ванной, – отозвалась она. – Через секунду выйду.

Я просмотрел почту, убивая время, и меня охватило чувство полной обреченности; видимо, оно знакомо людям, ожидающим результатов биопсии.

– Эй, моряк, – раздался голос позади меня. Обернувшись, я увидел Дженни в шелковом бюстгальтере и трусиках.

Ее плоский живот был почти полностью обнажен, а лифчик держался на двух тонюсеньких бретельках. Ее ноги никогда еще не казались такими длинными.

– Ну что? Как я тебе? – спросила она, уперев руки в бока. Фантастически, подумал я. На ночь вместо пижамы Дженни всегда надевала бесформенную футболку, и я был уверен, что в этом соблазнительном белье она чувствует себя глупо. Но ожидаемый эффект был достигнут.

Она пробежала вверх в спальню, я отправился за ней, и вскоре мы уже обнимались на расстеленных простынях. Я закрыл глаза, чувствуя, как мой спящий дружок зашевелился. Волшебство возвращалось. Ты можешь это сделать, Джон. Я старался вызвать самые грязные мысли, на какие был способен. Это должно сработать! И нащупал те самые тончайшие нюансы. Давай, Джон. У тебя все получится. Я чувствовал ее дыхание, горячее, влажное. И тяжелое. Горячее, влажное, тяжелое дыхание. М-мм, как это сексуально.

Но постой-ка. Что это за запах? Что-то ощущалось в ее дыхании. Что-то знакомое и в то же время чужое, не то чтобы неприятное, но и не особо соблазнительное. Я определенно знал этот запах, но не мог вспомнить его. Я засомневался. Что ты делаешь, идиот? Забудь про запах. Сосредоточься, приятель. Сосредоточься! Но этот запах... просто не мог выбросить его из головы. Ты отвлекаешься, Джон. Не

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru отвлекайся. Что же это такое? Не останавливайся. Любопытство завладело моим вниманием. Давай, парень, давай! Я стал принюхиваться. Еда, да, но что это за еда? Не печенье, не чипсы, не тунец. Я вот-вот вспомню. Это был... собачий корм?

Собачий корм! Вот что это было! В ее дыхании ощущался запах корма. Почему? Меня распирало от любопытства, и внутри меня тоненький голосок спрашивал: зачем Дженни есть собачий корм? К тому же я чувствовал ее губы у себя на шее... Как она могла целовать мою шею и дышать мне в лицо одновременно? Бессмысли...

О... боже... мой.

Я открыл глаза. В нескольких сантиметрах от моего лица, перекрыв мне весь обзор, покоилась огромная голова Марли. Его подбородок упирался в матрац, он пыхтел и пускал слюни на простыни. Он чуть прикрыл веки и тоже выглядел влюбленным.

– Плохой пес! – резко вскрикнул я, перекатившись на другую сторону кровати. – Нет! Фу! Марш к себе! – яростно командовал я. – Иди спать! Ложись!

Но было уже слишком поздно. Магия пропала, и замаячила перспектива ухода в монастырь.

Вольно, солдат.

* * *

На следующее утро я позвонил врачу и согласовал дату кастрации Марли. Я продумал все: если у меня не будет секса до конца моих дней, то и у него тоже не должно быть. Доктор Джей сказал, что мы можем привезти Марли к нему до начала рабочего дня, а забрать вечером по дороге домой. Через неделю мы так и сделали.

Пока мы с Дженни собирались, Марли весело прыгал на стены в предвкушении предстоящей поездки. Любое путешествие вселяло в него радость, и неважно, куда мы направлялись и на сколько. Вывезти мусор? Без проблем! Сходить в магазин за молоком? С готовностью! Меня начали мучить угрызения совести. Бедняга даже не представлял, что его ожидает. Он доверял нам, считая, что хозяева всегда поступают правильно, а мы втайне от него задумали лишить его мужской силы. Может ли предательство быть более вероломным?

– Иди сюда, – поманил я его, перевернул на спину и энергично почесал его живот. – Все не так уж плохо. Потом сам поймешь. Секс слишком переоценивают. – Но даже я, невзирая на собственные неудачи, преследовавшие меня последние пару недель, не верил в это. Кого я пытался обмануть? Секс – это потрясающе. Секс – это круто. Несчастный пес скоро лишится самого замечательного удовольствия на свете. Бедная псина... Я чувствовал себя ужасно.

Но мне стало еще хуже, когда на мой свист, как обычно, Марли выскочил из дома и прыгнул в машину, слепо доверяя мне и не ожидая ничего плохого. Воодушевленный, он был готов к самому невероятному путешествию. Дженни села за руль, а я устроился на пассажирском сиденье. По привычке Марли балансировал на своих передних лапах на консоли, тыкаясь носом в зеркало заднего вида. Из-за этого каждый раз, когда Дженни тормозила, он упирался мордой в лобовое стекло, однако это не доставляло ему беспокойства. Он ехал на переднем сиденье автомобиля с двумя своими лучшими друзьями. Ну разве это не самый лучший подарок?

Я опустил стекло. Марли подвинулся вправо, наклонился надо мной, пытаюсь уловить уличные запахи. Вскоре он переместился ко мне на колени, поерзал немного и начал усердно просовывать нос в узкую щелку приоткрытого стекла, фыркая при каждом вдохе. А, ну почему бы и нет, подумал я. Это была его последняя поездка в качестве полноценного самца, и глоток свежего воздуха был пустяковой услугой с моей стороны. Я опустил стекло ниже, чтобы он мог высунуть морду. Это доставило ему несказанное удовольствие, поэтому я решил открыть окно еще шире. Вскоре вся голова оказалась снаружи. Его уши хлопали на ветру, а язык свисал из пасти так, словно ему хотелось полакать городской воздух. Боже, как же он счастлив!

Пока мы ехали по Дикси-хайвей, я говорил Дженни, что мне не по себе из-за предстоящей операции Марли. Но стоило ей заговорить о чем-то, наверняка не имевшем отношения к моим тревогам, я заметил, скорее с любопытством, чем со страхом, что обе передние лапы Марли свесились из окна машины. Вот уже и его шея, и частично плечи тоже высунулись наружу. Ему не хватало защитных очков и

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
шелкового шарфа – вылитый пилот времен Первой мировой войны.

– Джон, я волнуюсь, – сказала Дженни.

– Он в порядке, – ответил я. – Он просто хочет подышать свежим...

В этот момент передние лапы Марли соскользнули, и стекло врезалось ему под мышки.

– Джон, держи его! Держи!

Прежде чем я успел среагировать, Марли соскользнул с моих коленей и стал вылезать из открытого окна мчащейся машины. Его зад повис в воздухе, а задние лапы судорожно искали опоры. Пес изготавился сделать рывок. Единственное, что мне удалось предпринять в этой ситуации, – схватить его за хвост левой рукой. Несмотря на оживленное движение, Дженни резко затормозила. Пес выпал из окна почти полностью и повис вверх тормашками, удерживаемый за хвост. Я сидел в такой неудобной позе, что не мог задействовать вторую руку. Марли бешено семенил передними лапами по асфальту, словно бежал трусцой.

Дженни остановилась. Сзади образовалась пробка, слышались гудки.

– Ну и что теперь?! – заорал я.

Я застрял. Не мог втянуть его обратно в окно и не мог открыть дверь. Правая рука оказалась заблокирована. Я боялся отпустить Марли, потому что он наверняка угодил бы под колеса кого-то из взвинченных водителей. И вцепился в хвост Марли, прижавшись лицом к стеклу всего в нескольких сантиметрах от его огромной трясущейся мошонки.

Дженни включила аварийный сигнал, подбежала к нам, схватила Марли за ошейник и держала его, пока я не вышел и не запихнул его обратно в машину. Наша маленькая драма разыгралась напротив заправки, и, как только Дженни снова включила мотор, я обернулся и увидел, что механики выскочили на улицу, чтобы развлечься нашим шоу. Думал, все намочат штаны, – так громко они хохотали.

– Спасибо, ребята, – крикнул я им. – Рады, что повеселили вас спозаранок.

Мы добрались до клиники, и я повел Марли на коротком поводке – на тот случай, если он вздумает еще раз сбежать. Чувство вины исчезло, а решимость окрепла.

– Не миновать тебе этого, дорогой мой евнух, – сказал я ему. Он пыхтел, фырчал и натягивал поводок, пытаясь обнюхать других животных. В приемном покое он напугал пару кошек и опрокинул рекламный стенд. Я подвел его к помощнику доктора Джея и попросил:

– Успокойте его, пожалуйста!

Вечером, заехав за Марли, я увидел его и понял, что он изменился. Хирургический шов причинял ему боль, и он двигался очень осторожно. После анестезии его глаза сделались грустными и красными, пес был еще слаб. На том месте, где горделиво свисали великолепные королевские достоинства... не было ничего – только маленький сморщенный клочок кожи. Род неистового Марли официально и навеки прервался.

Глава 10

Счастье по-ирландски

Со временем все чаще в нашей жизни на передний план выступала работа. Работа в газетах. Обязанности по дому. Забота о саде. Работа по зачатию. И почти круглосуточное воспитание Марли. Во многом он оставался ребенком, который требовал времени и внимания, и мы получили четкое представление о той ответственности, что появится с прибавлением в нашем семействе. Впрочем, это было весьма однобокое представление. Какими бы профанами мы ни были в вопросах воспитания детей, убежден, что мы не стали бы запираить ребенка в гараже с миской воды, желая прогуляться вдвоем.

Не успели мы отметить вторую годовщину свадьбы, как почувствовали на себе однообразие взрослой семейной жизни ответственных людей. Нам нужно было развеяться. Нам требовался отпуск, чтобы побыть вдвоем и отдохнуть от ежедневных

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru обязанностей. Однажды вечером я сделал сюрприз Женни: преподнес билеты в Ирландию. Мы отправимся на три недели; три недели без экскурсий, туров с гидами и достопримечательностями. Только машина напрокат, карта и справочник мотелей. Даже наличие билетов на руках уже смогло облегчить нам жизнь.

Но нам предстояло решить несколько проблем, и первым пунктом в списке был, разумеется, Марли. Мы сразу же исключили приют для собак: Марли был слишком молод и подвижен, чтобы сидеть в клетке по двадцать три часа в сутки. Как и предсказывал доктор Джей, операция не сказалась на активности Марли. Кастрация не отразилась ни на его энергичности, ни на его неадекватном поведении. За вычетом того, что больше он не рвался оседлать все неодушевленные объекты без разбора, он оставался все тем же полоумным псом. А в состоянии паники он превращался в дикого необузданного вандала, поэтому мы не могли поручиться за сохранность домов наших друзей. Впрочем, как и за дома наших недругов. Нам требовалась няня для собаки. Объективно оценивая ситуацию, никто не взялся бы за эту работу, особенно с учетом того, что мог натворить Марли. Нам нужен был ответственный, достойный доверия, очень спокойный и достаточно сильный человек, который в состоянии удержать 35 килограммов рвущегося лабрадора.

Мы составили список друзей, соседей и коллег – всех, кого смогли вспомнить, и начали вычеркивать одно имя за другим. Этот только по вечеринкам ходит. Чирк. Слишком рассеянный. Чирк. Терпеть не может собачью слюну. Чирк. Слишком пугливый, испугается даже таксу, не говоря о лабрадоре. Чирк. У этого аллергия. Чирк. Не захочет убирать за собакой. Чирк. В итоге у нас остался единственный кандидат. Кэти работала вместе со мной, жила одна и не была обременена серьезными обязанностями. Она выросла на сельском Среднем Западе, любила животных и надеялась, что в один прекрасный день ей удастся обменять свою крохотную квартирку на домик с садом. Она была спортивной девушкой и любила прогулки. Правда, она довольно застенчива, чересчур мягкая и не смогла бы диктовать свои условия Марли, однако в остальном подходила идеально. Но самое главное, она согласилась.

Я подготовил подробнейшие инструкции. Думаю, трудно было составить их более детально и скрупулезно, даже если бы мы оставляли на ее попечение тяжелобольного ребенка. Памятка для Кэти, напечатанная крупным шрифтом, заняла шесть страниц.

ПИТАНИЕ. Марли ест три раза в день, по две мерные миски за прием. Мерная миска лежит в сумке. Пожалуйста, корми его утром и когда возвращаешься с работы. В полдень его покормят соседи. Таким образом он получит по шесть мисок в день. Но если заметишь, что он проголодался, дай ему еще одну. Как ты понимаешь, переваренная пища должна выходить из организма. См. ниже «УБОРКА ОТХОДОВ».

ВИТАМИНЫ. Каждое утро мы даем Марли одну пилюлю. Лучший способ заставить его проглотить ее – сделать вид, что «случайно» уронила витамин на пол. Если он решит, что таблетку брать нельзя, то тотчас на нее набросится. Если по какой-то причине фокус не сработает, попробуй смешать пилюлю с кормом.

ВОДА. В жаркую погоду всегда нужно иметь запас чистой воды. Мы меняем воду в миске для питья, которая находится рядом с кормом, раз в день. Если он все выпивает, нужно подлить воды. Небольшое предостережение: Марли любит погружать морду в воду и играть в подводника. После этого появляются грязные лужицы. А еще у него за щеками остается жидкость, которая выливается на пол, когда он отбегаёт от миски. Если ты ему позволишь, он с готовностью вытрет морду о твою одежду и диваны. И последнее: после того как утолит жажду, он обычно отряхивается, в итоге слюни разлетаются на стены, обои, абажур и т. п. Мы стараемся вытирать их, пока они не высохли, в противном случае удалить следы почти невозможно.

БЛОХИ И КЛЕЩИ. Если ты заметишь что-либо подобное на шерсти, побрызгай на Марли спреем, который мы оставили. Есть также инсектицид, и в случае необходимости им можно обработать ковры и проч. Блохи – крошечные и быстрые твари, их трудно поймать, но, как выяснилось, они чрезвычайно редко кусают людей, поэтому на твоём месте я бы не волновался по этому поводу. Клещи размером побольше и двигаются медленнее, временами мы замечали их на Марли. Если ты найдешь клеща и не сможешь примириться с его существованием, просто сними его и раздави (лучше это проделать ногтями, потому что клещи невероятно живучие) или смой его в раковину или в унитаз (так даже лучше, если клещ уже напился крови). Вероятно, ты читала о болезни Лайма, разносчиками которой являются клещи, и о возможных осложнениях. Мы навели справки у ветеринаров, и они заверили нас, что опасность

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru подцепить болезнь здесь, во Флориде, очень невелика. В качестве меры предосторожности тщательно вымой руки после удаления клеща. Удобнее всего снять насекомое с Марли, если его чем-то занять, поэтому сначала дай ему игрушку, которую можно жевать. Зажми складку на коже одной рукой, а ногтями другой подцепи клеща, как пинцетом. Кстати о Марли: если от него плохо пахнет и ты не боишься грязи, искупай его в детском бассейне, который мы приспособили для этих целей на заднем дворе. Только надень купальник – ты точно вымокнешь до нитки!

УШИ. У Марли в ушах скапливается очень много серы, и, если ее не прочищать, уши могут воспалиться. Раз-два за время нашего отсутствия проведи обработку с помощью ватного шарика и раствора синего цвета для чистки ушей. Это довольно неприятная и грязная работа, поэтому во время процедуры надевай старую одежду.

ПРОГУЛКИ. Если Марли не выгулять утром, он начнет озорничать в гараже. Для своего же спокойствия выведи его ненадолго и перед сном, но это не обязательно. Можно использовать сдерживающий ошейник, когда выгуливаешь его, но ни в коем случае не оставляй его, пока пес без присмотра. Собака может запутаться и задохнуться, а зная Марли, уверен, что так он и сделает.

ОСНОВНЫЕ КОМАНДЫ. С ним гораздо проще гулять, если сумеешь добиться, чтобы он шел рядом. Поэтому сначала посади его с левой стороны, дай команду: «Марли, рядом!» – и шагай с левой ноги. Если он рванет, быстро потяни поводок на себя. У нас это обычно получается. (Он занимался на собачьей площадке!) Когда Марли бегаёт без поводка, он хорошо выполняет команду «Марли, ко мне!». (Примечание: когда ты зовешь его, лучше не сидеть на корточках, а стоять.)

ГРОЗЫ. Во время гроз и даже дождей у Марли немного едет крыша. Мы оставляем успокоительное средство (желтые таблетки) в шкафу рядом с витаминами. Достаточно одной таблетки за полчаса до грозы (тебе придется слушать прогноз!). Заставить Марли проглотить таблетку – это сродни искусству. Он не будет есть лекарство, как витамины, даже если ты нарочно уронишь таблетку на пол. Проще всего усадить пса и раздвинуть ему челюсти одной рукой. Свободной рукой нужно затолкать таблетку как можно дальше в глотку. Она должна оказаться за пределами той зоны, откуда он сможет ее выплюнуть. Затем помассируй ему шею, пока он не проглотит лекарство. После этого тебе наверняка захочется принять душ.

УБОРКА ОТХОДОВ. Под манговым деревом у меня лежит специальный совок для уборки за Марли. Убирай за ним по своему усмотрению в зависимости от того, сколько времени ты намерена проводить на заднем дворе. И смотри под ноги!

ЗАПРЕТЫ. Мы НЕ разрешаем Марли делать следующее:

- взбираться на мебель;
- грызть мебель, туфли, подушки и т. п.;
- пить из унитаза (лучше держать крышку закрытой, хотя и в этом случае нужно быть внимательной, так как он научился поднимать ее носом);
- копать во дворе или вырывать с корнями растения и цветы. Как правило, это случается, когда ему не хватает внимания;
- залезать в мусорные баки (за этим придется следить очень строго);
- прыгать на людей, обнюхивать их там, где не следует, или совершать другие неприемлемые действия. Особенно настойчиво мы старались отучить его покусывать руки, что, как ты понимаешь, нравилось далеко не всем гостям. Но он все еще поступает по-своему. Мы разрешаем шлепнуть его по попе и твердо крикнуть: «Фу!»;
- кланчить еду со стола;
- наваливаться на стекло парадной двери или на любые другие стекла. (Обращаю внимание: некоторые мы уже неоднократно меняли.)

* * *

Еще раз спасибо, что согласилась помочь, Кэти. Это бесценная для нас услуга. Не знаю, что бы мы без тебя делали. Надеюсь, вы с Марли подружитесь и ты будешь без ума от него, как и мы.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

* * *

Я показал инструкции Дженни – вдруг что-то упустил. Несколько минут она читала, а потом посмотрела на меня и сказала:

– И о чем ты только думал? Ей нельзя показывать эту памятку! – Она помахала листками перед моим носом. – Если она это увидит, про Ирландию можно забыть. Кэти – единственный человек среди наших знакомых, кто согласился помочь, но если она прочтет это, все кончено. Она пустится бежать и остановится, только когда домчится до Ки-Уэста.

На всякий случай, если до меня не дошло с первого раза, она повторила:

– И о чем ты только думал?!

– Тебе кажется, что это перебор? – спросил я.

Я всегда считал, что с самого начала следует говорить правду, и заявил об этом Дженни. Кэти несколько раз вздрагивала, особенно когда мы показывали ей, как надо удалять клещей, однако она оставила свои опасения при себе. Кэти была обескуражена и слегка побледнела, но ее добрый нрав не позволил ей пойти на попятную, поэтому бодро сказала:

– Удачной поездки. С нами все будет хорошо.

* * *

Ирландия оказалась именно такой, какой мы себе ее представляли. Красивая, пасторальная, неторопливая страна. Погода в основном стояла замечательная, солнечная и пугала местных жителей возможной засухой. Как мы и хотели, у нас не было никаких планов и заранее намеченных маршрутов. Мы бесцельно ехали вдоль побережья и останавливались, чтобы прогуляться, что-то купить, побродить, выпить по бутылке «Гиннеса» или просто полюбоваться видом океана. Мы останавливались, чтобы поговорить с фермерами, собиравшими сено в стога, и фотографироваться на фоне отары овец, которая переходила шоссе. Если мы видели живописную дорогу, то сворачивали на нее. Нам не грозило заблудиться, ведь мы никуда конкретно не направлялись. Домашние обязанности остались в прошлом.

С приближением вечера мы занимались поиском места для ночлега. Нам пришлось по душе частные апартаменты. Ими заправляли симпатичные вдовы-ирландки, которые тепло принимали нас: подавали чай, стелили постель и всякий раз начинали разговор с вопроса: «Ну что, скоро планируете пополнение семейства?» А потом они оставляли нас в спальне, закрыв за собой дверь с понимающей улыбкой.

Мы с Дженни решили, что в Ирландии существует национальный закон, предписывающий кровати для гостей ставить напротив огромного изображения либо папы, либо Девы Марии. В некоторых домах имелось и то и другое. В одном месте даже висели огромные четки, которые свисали с изголовья кровати. Ирландский закон безбрачия, касающийся путешественников, также гласил: кровати для гостей должны быть предельно скрипучими, чтобы поднимать переполох, едва один из лежащих на ней людей попытается хотя бы повернуться на другой бок.

Все было задумано так, чтобы интерьер казался не более соблазнительным для любовных утех, чем монастырь. Мы находились в чужом доме – несомненно, в доме ревностного католика, – с тонкими стенами, скрипучей кроватью, изваяниями святых и непорочных дев и любопытной хозяйкой. Готовы поклясться, что она несла вахту по другую сторону двери. Все это исключало место нашего ночлега из списка самых благоприятных мест для секса, что, естественно, с новой силой разжигало во мне страсть к жене.

Мы выключали свет, забирались под одеяло (пружины под нами старательно скрипели), и я клал руку на грудь жены или гладил ее живот.

– Ни за что! – шептала она.

– Почему нет? – удивлялся я.

– Ты что, рехнулся? Миссис О'флаэрти находится за стеной.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
– Ну и что с того?

– Мы не можем!

– Конечно, можем.

– Она все услышит.

– Мы будем тихо.

– Ну да, конечно!

– Обещаю. Мы будем только двигаться.

– Ладно, давай только сначала набросим рубашку или что-нибудь на лик папы, – сказала она наконец, уступая. – Не могу, когда на нас кто-то пялится.

И вдруг секс показался таким.. таким запретным! Будто я снова стал школьником и все делаю украдкой, а моя мать подозрительно поглядывает на меня. Заняться сексом здесь было делом рискованным и означало публичное осуждение за общим завтраком на следующее утро. Мы могли увидеть хитрую усмешку в глазах миссис О'Флаэрти, которая, подавая яичницу с помидорами, приподнимет бровь и наверняка спросит: «Ну, как вам спалось?»

Вся территория Ирландии была зоной сексуальных запретов. Именно этот стимул и был мне нужен. На протяжении всего путешествия мы спаривались, как кролики.

Однако Дженни беспрестанно волновалась за нашего покинутого большого малыша. Каждые несколько дней она бросала пригоршню монет в телефон-автомат и звонила домой, чтобы выслушать отчет Кэти. Я стоял возле телефонной будки и слушал реплики Дженни.

«Он правда это сделал?.. Серьезно?.. Прямо на дорогу?.. Но с тобой ведь все в порядке?.. Слава богу.. Я бы тоже закричала.. Что? Твои туфли?.. О нет! Еще и сумочку?.. Конечно, мы компенсируем.. Вообще ничего не осталось?.. Разумеется, купим новые.. Что он?.. Жидкий цемент, говоришь? Да как такое вообще могло случиться?!»

И дальше в том же духе. Каждый звонок сопровождался длинным перечислением проделок Марли, одна хуже другой, и многие его выходки удивляли даже нас, закаленных в битвах на собачьем фронте. Марли оказался безнадежным учеником, а Кэти выпала доля несчастной практикантки. И ему очень нравилась такая ситуация.

Когда мы вернулись домой, Марли выскочил нам навстречу. Уставшая Кэти стояла в дверях с измученным видом. На ее лице было отсутствующее выражение, как у контуженого бойца после ожесточенной битвы. На крыльце стояла сумка с ее вещами, а в руке она держала ключ от машины, словно не могла дождаться момента, когда можно будет уйти. Мы вручили ей подарки, долго благодарили и просили не беспокоиться об изжеванных Марли шторах и остальном ущербе. Она вежливо попрощалась и уехала.

Нам показалось, что Кэти вообще не удалось хоть как-то повлиять на Марли, и пес совершенно отбил от рук. И каждая такая победа придавала ему смелости. Он напрочь забыл команду «рядом» и тащил за собой Кэти куда ему вздумается. Он отказывался бежать к ней. Хватал все, что хотел: туфли, сумочки, подушки, – и не отдавал. Таскал еду с ее тарелки. Рылся в мусоре. Даже пытался делить с ней постель. Пес решил, что пока «родители» в отъезде, он главный в доме, и не собирался терпеть, чтобы какая-то тихоня использовала свое служебное положение в личных целях и нарушила его раздолье.

– Бедная Кэти, – сказала Дженни, – вид у нее был немного разбитый, тебе не показалось?

– Точнее, убитый.

– Наверное, не стоит второй раз просить ее посидеть с Марли.

– Да уж, – ответил я. – Это не самая лучшая идея.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Повернувшись к Марли, я сказал:

– Медовый месяц закончился, босс. С завтрашнего дня приступаем к тренировкам.

* * *

На следующее утро мы с Дженни отправились на работу. Но прежде я надел на Марли сдерживающий ошейник и вывел его погулять. Он немедленно рванул вперед, даже не пытаясь изображать, будто пойдет рядом.

– О, как все запущено, – протянул я, со всей силы дернул поводок на себя и сбил Марли с лап. Он поднялся, откашлялся, виновато посмотрел на меня, словно пытаясь сказать: «Ладно, не сердись по пустякам. Просто Кэти не возражала, чтобы я тащил ее на буксире».

– Привыкай, – сказал я, усадив его.

Я отрегулировал поводок таким образом, чтобы он крепился к ошейнику сверху, то есть давал наибольший эффект.

– Что ж, попробуем еще раз.

Он холодно посмотрел на меня, не скрывая своего отношения.

– Марли, рядом! – приказал я, бодро шагнув с левой ноги и держа пса на коротком поводке, при этом моя левая рука почти касалась ошейника. Он двинулся вперед, немного пошатываясь, а я резко одергивал его, сурово затягивая регулируемый ошейник.

– Значит, так ты пользовался слабостью бедной женщины, – проворчал я, – тебе должно быть стыдно.

К концу прогулки мои суставы пальцев побелели от напряжения, зато я наконец-то убедил Марли в серьезности своих намерений. Это была вовсе не игра, а, скорее, жизненно важный урок того, что любое действие имеет определенные последствия. Когда пес рвался вперед, ошейник перекрывал ему кислород. Всякий раз, без исключения. Если он подчинялся и шел рядом, я ослаблял поводок, и Марли чувствовал, что цепочка свободно болтается вокруг его шеи. Вперед – удушье, рядом – дыхание. Это оказалось доступным даже пониманию Марли. Прогуливаясь по велосипедной дорожке, мы снова и снова повторяли эту последовательность. Вперед – удушье, рядом – дыхание. Постепенно до него начало доходить, что хозяин – я, а он – домашнее животное и отныне будет именно так. Когда мы свернули к дороге, мой непокорный пес уже трусил рядом со мной – не идеально, но неплохо. Впервые в жизни! Я поздравил себя с победой.

– О да, – радостно пропел я, – командир вернулся!

Через несколько дней Дженни позвонила мне на работу. Она только что вернулась от доктора Шермана.

– Счастье по-ирландски, – сказала она. – Мы снова сделали это.

Глава 11

Все, что он съел

Эта беременность протекала совсем иначе. Выкидыш преподнес нам несколько важных уроков, и на этот раз мы были не намерены повторять прошлых ошибок. Прежде всего с самого начала оберегали тайну так, будто это дата важнейшей военной операции. За исключением врачей и медсестер Дженни, мы не доверили ее ни одной живой душе, даже родителям. Когда к нам приходили друзья, чтобы не вызывать подозрений, Дженни потягивала из винной рюмки виноградный сок. Мы и сами стали более сдержанно проявлять свою радость, даже оставаясь наедине. В интимных разговорах говорили примерно как: «Если все пройдет нормально...» или: «При условии, что все будет хорошо...», словно боялись сглазить беременность своей сентиментальностью. Мы скрывали нашу радость из опасения, что, вырвавшись наружу, впоследствии она обернется несчастьем и ранит нас.

Мы спрятали все химикаты и пестициды, чтобы не повторять своих промахов. Дженни стала использовать натуральные средства, такие как уксус, которыми даже можно

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru чистить стены от слюны Марли. Мы обнаружили, что борная кислота, белый порошок, смертельный для жуков и безопасный для человека, – отличное средство от блох. Тем не менее, если требовалась химчистка, мы поручали эту работу специалистам.

Дженни вставала с рассветом и выводила Марли на прогулку к воде. Я просыпался, когда они уже возвращались, пропитанные солоноватым запахом океана. Моя жена стала эталоном крепкого здоровья за одним исключением. Ежедневно, на протяжении всего дня, ее тошнило, и она боялась, что ее неминуемо вывернет наизнанку. Но Дженни не жаловалась, напротив, казалось, ее радует каждый приступ тошноты, поскольку это было свидетельством того, что важный процесс внутри нее протекает нормально.

Все так и было. На этот раз Эсси взяла мою видеопленку и записала первые, размытые, зернистые изображения нашего ребенка. Мы услышали стук его сердца и пульсацию четырех маленьких сердечных камер. Мы увидели очертания головки плода и его четыре конечности. В кабинете УЗИ неожиданно появился сам доктор Шерман, который заверил, что все идет прекрасно. Он посмотрел на Дженни и своим раскатистым голосом спросил:

– Детка, что ты плачешь? Ты должна радоваться!

Эсси легонько стукнула его своим блокнотом:

– А ну-ка, ступайте, доктор, дайте ей побыть одной.

Затем она перевела взгляд на Дженни, словно говоря: «Ох уж эти мужчины, они ничегошеньки не понимают!»

Что ж, совместное проживание с беременной женщиной, признаюсь, немного сбilo меня с толку. Я не приставал к Дженни, сочувствовал ей, старался не слишком откровенно корчить физиономию, когда она настаивала на том, чтобы почитать мне вслух книгу «В ожидании ребенка». Говорил ей комплименты вроде: «Ты выглядишь потрясающе. Правда. Как стройный воришка в магазине, который стянул баскетбольный мяч и сунул себе под майку». Даже делал все, чтобы не заикливаться на ее все более странном поведении. Спустя некоторое время я был на короткой ноге с работниками ночной смены круглосуточного супермаркета, потому что мог заявиться туда, чтобы купить мороженое, яблоки, сельдерей или жевательную резинку с таким вкусом, о существовании которого даже понятия не имел.

– Вы уверены, что это чесночный вкус? – спрашивал я. – Жена сказала, что надо обязательно со вкусом чеснока.

Как-то вечером – Дженни находилась на пятом месяце – ей взбрело в голову, что пора купить носочки для малыша. Конечно, они нужны, согласился я, и, само собой разумеется, придет срок, и мы купим все необходимое. Но она имела в виду не то, что они нам потребуются через несколько месяцев; она сказала, что носочки нужны прямо сейчас.

– Нам нечего будет надеть малышу на ножки, когда повезем его из роддома, – произнесла она взволнованным голосом.

Не важно, что до родов еще четыре месяца. Не важно, что к тому времени на улице будет плюс тридцать два. Не важно, что даже такой профан, как я, знает, что после выхода из чрева матери ребенок будет весь закутан в пеленку.

– Милая, ну хватит, – сказал я. – Будь благоразумной. Сейчас восемь часов вечера, воскресенье. Где я найду носочки для малыша?

– Нам нужны носочки, – повторила она.

– У нас впереди уйма времени, чтобы купить их, – настаивал я. – Недели, даже месяцы.

– Мне мерещатся его голенькие крошечные пальчики, – заплакала она.

Спорить было бесполезно. Я долго объезжал окрестные магазины, ворча про себя, пока не увидел круглосуточный гипермаркет, где смог купить пару ярких носочков,

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru таких крохотных, что их можно было принять за пальчики. Вернувшись домой, я достал их из сумки, и Дженни успокоилась. Наконец-то носочки приготовлены. Слава богу, мы успели урвать последнюю пару, пока не иссяк стратегический запас товара, что могло случиться в любой момент без всякого предупреждения. За крошечные пальчики нашего ребенка можно не беспокоиться. Теперь можно было лечь спать.

* * *

На фоне протекавшей у жены беременности я продолжал тренировать Марли. Каждый день занимался с ним и теперь сам мог повеселить друзей, дав команду «лежать!», и Марли, как подкошенный, падал лапами кверху. Он старательно выполнял команды, если только в поле зрения не появлялся другой объект, на который переключалось его внимание, например, собака, кошка, белка, бабочка, почтальон или водоросли на поверхности воды. Он садился, если ему не слишком хотелось стоять, и находился рядом до тех пор, пока не появлялось нечто манящее, ради чего стоило пожертвовать легким удушьем от ошейника: собаки, кошки, белки и прочее. Пес делал успехи, однако это не означало, что он повзрослел и стал спокойной, хорошо воспитанной собакой. Если я грозно возвышался над ним и строгим голосом подавал команды, он подчинялся, порой даже делал это с радостью. Тем не менее его нрав оставался прежним.

Он с отменным аппетитом поедал манго, которые кучами валялись на земле в нашем садике. Каждый плод весил не меньше полкило, и фрукт был настолько сладким, что вскоре у него начинали болеть зубы. Марли ложился на траву и, зажав спелый плод передними лапами, выгрызал зубами мякоть. Крупные куски у него в пасти превращались в лепешки, но, когда он, пожевав, выплевывал их, казалось, что их вымачивали в кислоте. Иногда он мог часами нежиться в саду, поглощенный своей страстью к фруктам.

Как бывает со всяким любителем фруктов, кое-что в его пищеварительной системе стало меняться. И вскоре наш задний дворик весь покрылся огромными жидкими лепешками броских собачьих экскрементов. Единственным плюсом было то, что не заметить их было просто невозможно. А когда созрели все плоды манго, своим цветом они стали напоминать светоотражающие оранжевые полосы, устанавливаемые во время ремонта дорог.

В его рацион входили и другие вещи. Я мог наблюдать их каждое утро, когда приводил в порядок задний двор. Здесь валялся пластмассовый солдатик, там – кусок резины. В одном месте лежала помятая пробка от бутылки содовой. В другом – жеваный колпачок от ручки. «Так вот куда подевалась моя расческа!» – однажды воскликнул я.

Марли поедал банные полотенца, губки, носки и салфетки. Особенно его привлекали синие бумажные полотенца, которые после обработки в кишечнике напоминали голубые флажки на вершине оранжевой горки.

Но не все съеденное Марли выходило из кишечника естественным путем, поэтому у него была привычная тошнота, словно у большого булимией. Мы слышали его громкое предупреждение – га-а-ак! – в соседней комнате и мчались туда, но очередной предмет уже оказывался в жиже непереваренного манго и собачьего корма. Прекрасное воспитание Марли не позволяло ему блевать на деревянный пол или хотя бы на кухонный линолеум. Он всегда метил на персидский ковер.

* * *

У нас с Дженни сложилось идиотское предубеждение, что хорошо бы иметь такую собаку, какую можно оставить дома хотя бы на короткое время. Каждый раз, уходя из дома, запирать Марли в гараже становилось утомительно, к тому же, как выразилась Дженни: «Какой смысл заводить собаку, если она не встречает тебя у дверей?» Мы знали, что нельзя оставлять пса в доме, если существовал хоть малейший намек на грозу. Он на деле доказал, что даже после успокоительной таблетки может прорыть тоннель до Китая. Однако при ясной погоде не хотелось держать его в гараже, если мы отлучались всего на несколько минут.

Мы начали оставлять его одного, пока заходили в магазин или к соседям. Иногда он вел себя хорошо, и к нашему возвращению все вещи в доме были в целости. В такие дни мы сразу замечали торчащий из-под жалюзи черный нос Марли, который высматривал нас в окне гостиной. В другие дни он вел себя не так идеально, и, еще не открыв двери, мы уже знали, что нас ждут проблемы, поскольку пес не

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru встречал нас у окна.

Как-то раз, на шестом месяце беременности Дженни, мы уехали с ней на час, а когда вернулись, нашли Марли под кроватью. Он действительно должен был натворить нечто ужасное, если сумел протиснуться туда при его габаритах, например, загрызть до смерти почтальона. От него исходили потоки чувства вины. На первый взгляд в доме вроде все было цело, но мы знали: Марли что-то скрывает от нас, и обходили комнату за комнатой, пытаюсь понять, что он натворил. Вдруг я заметил, что на одной из музыкальных колонок нет пластикового корпуса. Мы все обыскали, но так и не нашли его. Марли это могло «сойти с лап», если бы я не обнаружил неопровержимое доказательство его вины во время уборки в саду на следующее утро. Кусочки корпуса колонки выходили из него не один день.

Во время следующего нашего отсутствия Марли, как опытный хирург, удалил из той же колонки динамик. Сама колонка не пострадала – просто пропал динамик, будто его срезали лезвием бритвы. Чуть позже Марли проделал те же действия с другой колонкой. А однажды, вернувшись домой, мы обнаружили, что табурет на четырех ножках стал теперь трехногим, причем без всяких следов исчезнувшей ножки – ни единой щепки.

Готовы поклясться: в Южной Флориде снега не бывает, но однажды, открыв дверь гостиной, мы увидели настоящий буран. В воздухе кружились мягкие, пушистые хлопья. Сквозь них мы разглядели Марли, сидевшего возле камина; он зарылся в пуховый сугроб и яростно сотрясал большую подушку, словно это был страус, которого он только что поймал.

В жизни всякого собаководов хотя бы раз происходит нечто такое, когда из-за собаки страдают фамильные ценности. На причиняемый ущерб мы в основном реагировали философски. Лишь однажды я был готов буквально вскрыть Марли, чтобы извлечь из его чрева то, что по праву принадлежало нам.

Я подарил Дженни на день рождения изящную цепочку из 18-каратного золота с крошечным замочком, которую она сразу же надела. Однако через несколько часов она прикоснулась к шее и вскрикнула:

– Цепочка! Она пропала!

Видимо, замок сломался или же он изначально был ненадежным, подумал я.

– Не расстраивайся, – успокоил я ее. – Мы не выходили из дома. Она должна быть где-то здесь.

Мы начали прочесывать дом, комнату за комнатой. И чем дальше искали, тем сильнее бросалась в глаза повышенная возбужденность Марли. Я посмотрел на него. Он извивался, как уж, и, заметив на себе мой взгляд, попытался удрать. «О нет, – подумал я, – мамба Марли!» Танец мог означать только одно.

– Что это, – спросила Дженни, и в ее голосе зазвучали панические нотки, – свисает у него изо рта?

Это было что-то тонкое и изящное. И золотое.

– Вот черт! – прошипел я.

– Не делай резких движений, – приказала она почти шепотом. Мы оба замерли.

– Ладно, песик, все хорошо, – начал я уговоры, словно спецгент, освобождающий заложников. – Мы на тебя совсем не сердимся. Иди сюда. Мы всего лишь хотим получить свою цепочку.

Медленно приближаясь, мы с Дженни начали окружать пса, будто Марли лежал на минном поле и одно неверное движение повлечет взрыв.

– Спокойно, Марли, – сказала Дженни ровным голосом. – Спокойно. Выплюнь ее, и никто не пострадает.

Марли подозрительно поглядывал то на меня, то на Дженни. Мы загнали его в угол, но пес знал: у него есть то, что нам до крайности нужно. Я наблюдал, как он

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru оценивает свои шансы, возможно, обдумывает условия обмена. Оставьте двести новеньких игрушечных косточек в обычном бумажном пакете или попрощайтесь со своей драгоценностью.

– Выплюнь ее, Марли, – прошептал я, сделав еще один шаг вперед. Пес задрожал. Я постепенно подходил все ближе. Незаметно со своего фланга приближалась Дженни. Мы заняли исходную позицию. Не проронив ни слова, переглянулись, подавая сигнал друг другу. Бесчисленное множество раз мы проделывали операцию по «возвращению добра». Дженни набрасывалась с тыла и прижимала задние лапы Марли к полу, чтобы исключить возможность побега. Я хватал голову, стараясь разжать его челюсти и изъять контрабандный товар. Если нам сопутствовала удача, то мы укладывались за несколько секунд. Таков был наш план, и Марли видел, что мы готовы пойти в атаку.

До Марли оставалось около полуметра. Я кивнул Дженни и с неподвижными губами проговорил: «На счет «три». Однако за миг до того, как мы рванулись с места, пес запрокинул голову назад и громко причмокнул. Конец свешивавшейся цепочки исчез в пасти.

– Сейчас проглотит! – закричала Дженни. Мы прыгнули одновременно: Дженни схватила его за задние лапы, а я ухватился за морду. Разжал его челюсти и засунул руку глубоко в глотку. Я ощупал все стенки и пазухи, но везде было пусто.

– Слишком поздно, – сказал я. – Проглотил.

Дженни принялась хлопать его по спине с криком: «А ну выплюнь ее, черт тебя подери!» Все напрасно. Единственное, что ей удалось из него выбить, – это зычную благородную отрыжку.

Возможно, Марли выиграл первый раунд, но мы знали, что в конце концов победа будет за нами. Зов природы работал на нас. Рано или поздно все, что попало внутрь, должно выйти наружу. Как бы ни была противна сама мысль, было ясно: если потратить достаточно времени и исследовать содержимое его экскрементов, то цепочка найдется. Будь это, скажем, серебряная или хотя бы позолоченная вещь, чувство отвращения, наверное, взяло бы верх, но золотая цепочка обошлась мне в приличную сумму. Так что мутило меня от подобной перспективы или нет, но настроен я был по-боевому.

Я приготовил Марли его любимое слабительное – огромную миску нарезанных переспелых манго – и запасся терпением. Три дня ходил за ним по пятам с совком, когда выпускал на прогулку во двор, и готовился подцепить украшение. Вместо того чтобы выбрасывать свежую кучку под забор, я осторожно перекладывал каждую лепешку на широкую доску и поливал из шланга, удерживая ее веточкой. Постепенно смывал отходы в траву и отделял все инородные предметы. Я ощущал себя старателем с ситом в руках и чего только не находил среди проглоченных Марли предметов – от шнурков до гитарных струн. Однако цепочки там не было. Где же, черт подери, она застряла? Пора бы ей уже выйти! Мне начинало казаться, что я пропустил важный момент или случайно смыл в траву, где она останется навсегда. Но разве я мог проглядеть золотую цепочку длиной 50 сантиметров? Сидящая на веранде Дженни с огромным интересом наблюдала за моими поисками и даже частенько обращалась ко мне, называя новым, придуманным по случаю прозвищем. «Эй, Ассенизатор, как успехи?» – кричала она.

На четвертый день мое упорство дало результат. Я собрал последнюю кучку Марли, в очередной раз повторяя: «Не могу поверить, что занимаюсь этим!» – и принялся разгребать ее, поливая водой. Кучка сокращалась, а я все еще надеялся найти цепочку. Все впустую. Я уже был готов сдать ее, когда неожиданно заметил что-то странное: маленький коричневатый комочек размером с фасолилку. находка своим видом не напоминала утраченную драгоценность, но и не походила ни на один известный мне предмет. Нанизав комочек на прутик-зонд, который я назвал палкой для дерьма, основательно промыл его водой из шланга. По мере того, как вода смывала оболочку, блеск таинственного предмета усиливался. Эврика! Я нашел золото!

Цепочка оказалась подозрительно короткой, гораздо меньше той, какую я купил. Складывалось впечатление, будто ее засосала некая неведомая враждебная сила вроде черной дыры. В действительности мое предположение было недалеко от истины.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Сильная струя воды размывла затвердевшую оболочку, и постепенно золотой комочек предстал во всю длину, распутанный и невредимый. Как новенький. Нет, даже лучше, чем новый. Я понес цепочку, чтобы показать ее Дженни. Она пришла в полный восторг, несмотря на довольно специфическое путешествие, которое пришлось проделать украшению. Мы оба поразились ослепительному блеску украшения, оно играло на солнце ярче, чем прежде. Кислотная среда в желудке Марли проделала поразительную работу. Это было самое яркое изделие из золота, которое когда-либо видел.

– Боже мой, – воскликнул я. – Нам надо открыть пункт чистки ювелирных изделий.

– Сорвем куш с богатых вдовушек Палм-Бич, – согласилась Дженни.

– О да, милые дамы, – начал кривляться я, имитируя приторную интонацию торговцев, – наш секретный запатентованный процесс уникален! С помощью метода Марли мы придадим вашим драгоценностям такой ослепительный блеск, о котором вы даже не мечтали.

– У нас хорошие шансы, – с усмешкой ответила Дженни и отправилась дезинфицировать спасенный подарок.

Она носила цепочку многие годы, и, всякий раз, когда ее видел, во мне живо возникало воспоминание о моей короткой и удивительно плодотворной карьере в сфере чистки золотых изделий. Ассенизатор и его надежная палка для дерьма добились того, что еще никому не удавалось. И не удастся.

Глава 12

Добро пожаловать в родильное отделение для нищих!

Не каждый день в семье появляется на свет первенец, поэтому, когда в больнице Святой Марии в Вест-Палм-Бич нам предложили доплатить за более комфортную родильную палату, мы согласились. Эти палаты напоминали гостиничные номера люкс – просторные, светлые, с замечательной мебелью, имитирующей натуральное дерево, с красивыми обоями с цветным узором, занавесками, джакузи и специальным удобным диваном для будущих пап, который легко раскладывался. Вместо стандартного больничного меню пациенткам здесь предлагали широкий выбор деликатесов. Можно было даже заказать бутылку шампанского, хотя эта привилегия распространялась только на отцов, так как кормящим матерям разрешалось сделать лишь символический глоток в честь новорожденного.

– Вот это да, как в отпуске! – заметил я, поигрывая пружинами на «отцовском» диване. Мы заехали посмотреть палату за несколько недель до предполагаемой даты родов.

Палаты предназначались для преуспевающих людей и приносили больнице немалые деньги: пары, которые были в состоянии заплатить большую сумму, чем стандартная страховка за ведение родов, с удовольствием бронировали здесь место. Излишество, согласились мы, но почему бы и нет?

Однако, когда в назначенный час мы с сумками приехали в больницу, нам сказали, что возникла небольшая проблема.

– Проблема? – переспросил я.

– Похоже, сегодня благоприятный день для рожениц, – весело отозвалась медсестра. – Все родильные палаты заняты.

Как заняты? Это же самый важный день в нашей жизни! А как же удобный диванчик, романтический ужин для двоих, шампанское и тост?

– Но ведь мы забронировали палату заранее, несколько недель назад! – возмутился я.

– Сожалею, – ответила женщина с полным отсутствием на лице даже намека на сочувствие. – Мы не можем точно знать, когда у какой пациентки начнутся роды.

Довод медсестры показался мне убедительным, и, похоже, спорить было бесполезно. Она проводила нас на другой этаж, где находились стандартные больничные палаты. Но когда мы пришли в родильное отделение, дежурная медсестра и вовсе озадачила

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru нас.

– Вы не поверите, но все палаты заняты, – сказала она. Такого не может быть. Дженни внешне спокойно приняла эту новость, но я взорвался:

– И что вы предлагаете? Рожать на автостоянке?

Глядя на меня, медсестра спокойно улыбалась: по-видимому, она привыкла к эксцентричному поведению будущих отцов.

– Не волнуйтесь, мы найдем для вас место.

Она сделала несколько телефонных звонков. Наконец мы направились вдоль длинного коридора вниз, пройдя через несколько двойных дверей. В итоге оказались в родильном отделении, таком же, какое только что покинули; правда, здешние пациентки явно не принадлежали к консервативным зажиточным слоям общества. Мы слышали, как медсестры общались с роженицами на испанском и видели томящихся в нервном ожидании черных от загара мужчин, которые теребили мозолистыми руками соломенные шляпы. Округ Палм-Бич – место отдыха неприлично богатых людей, но мало кто знает, что здесь расположены фермы, некогда заложенные на болотистых землях. Ежегодно тысячи сезонных рабочих, главным образом из Мексики и Центральной Америки, стекаются в Южную Флориду для сбора урожая перца, томатов, салата и сельдерея. Зимой эти овощи поставляют на Восточное побережье. Похоже, мы оказались в палате, где появлялись на свет дети этих мигрантов. Временами тишину нарушал пронзительный женский крик, за которым следовали тяжкие стоны. Все это напоминало фильм ужасов. Дженни стала бледной, как привидение.

Медсестра проводила нас в небольшое помещение, где были одна кровать, один стул и всякая электроника, и подала Дженни сменную одежду.

– Добро пожаловать в родильное отделение для нищих, – примчавшись через несколько минут, весело проговорил своим басом доктор Шерман. – Пусть вас не смущает, что здесь лишь стены да потолок.

В палатах имелось самое современное оборудование, и там работали опытнейшие акушерки больницы. Поскольку бедные женщины часто не имели возможности позаботиться о себе, их роды протекали трудно.

– Вы попали в хорошие руки, – заверил нас доктор Шерман, осматривая Дженни. А потом он исчез – так же стремительно, как и появился.

С рассветом у Дженни начались регулярные схватки, и мы поняли, что действительно попали в хорошие руки. Медсестры были опытными специалистами. От них исходила уверенность, они проявляли заботу о роженице, проверяли пульс ребенка и помогали Дженни. Я беспомощно стоял в стороне, пытаюсь поддержать жену, но толку от меня было мало. Один раз Дженни огрызнулась на меня сквозь сжатые зубы: «Если еще хоть раз спросишь, как дела, ВРЕЖУ ТЕБЕ ПО МОРДЕ!» Видимо, я выглядел уязвленным, поскольку одна из медсестер подошла ко мне, сочувственно постучала по плечу и сказала: «Добро пожаловать на роды, папаша. Все постигается с опытом».

Иногда я выходил из помещения и присоединялся к другим мужчинам, ожидавшим в холле. Каждый из нас, прижав ухо к двери той палаты, где рожала его жена, слушал ее крики и стоны. Я чувствовал себя немного нелепо в своей спортивной рубашке цвета хаки с короткими рукавами и легких туфлях, но казалось, что работники ферм не возражали против моего присутствия. Вскоре мы уже по-братски улыбались и кивали друг другу. Они не говорили по-английски, а я – по-испански, но это не имело никакого значения. Мы сообща переживали эти моменты.

Или почти сообща. В тот день я узнал, что в Америке обезболивание – это роскошь, а не необходимость. Тем, кто мог себе это позволить (или чья страховка покрывала эти расходы, как в нашем случае), делали анестезию. Примерно через четыре часа после начала родов к Дженни пришел анестезиолог: он ввел шприц с инъекцией, прикрепив его к капельнице. Через несколько минут нижняя часть туловища жены утратила чувствительность, и Дженни удобно устроилась на кровати. Мексиканкам в соседних палатах повезло меньше. Им приходилось рожать по старинке, и их дикие вопли продолжали витать в воздухе.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Шли часы. Дженни тужилась. Я поддерживал ее. На улице уже стемнело, когда я вышел в коридор, держа в руках подобие крошечного футбольного мяча, замотанного в кучу пеленок. Я поднял своего новорожденного сына над головой, и мои новые друзья, увидев его, прокричали: «Es e! n!no!»[13] Другие отцы тоже широко улыбались и поднимали вверх большие пальцы в знак одобрения – жест, понятный на любом языке. В отличие от наших жарких споров по поводу клички для собаки мы легко и почти мгновенно придумали имя нашему первенцу, назвав его Патриком, в честь первого Грогэна, прибывшего в Соединенные Штаты из ирландского графства Лимерик. К нам заглянула медсестра, которая сообщила, что послеродовая палата наверху освободилась. Казалось, что сейчас менять помещение не имело смысла, но сестра помогла Дженни сесть в кресло-коляску, положила ей на руки нашего сына и быстро увезла обоих. Деликатесы нам, в общем-то, не понадобились.

* * *

В недели, оставшиеся до родов Дженни, мы с ней подолгу обсуждали, как лучше всего приучить Марли к появлению в доме новорожденного, который сразу же отберет у собаки роль любимца семьи. Не хотелось сильно огорчать пса. Мы уже наслушались историй про то, как собаки при появлении детей становятся очень ревнивыми и совершают кошмарные вещи: мочатся на подарки ребенка, переворачивают его кроватку или даже проявляют открытую агрессию. В итоге приходилось избавляться от собаки. Когда мы переоборудовали пустующую спальню под детскую, то разрешили Марли обнюхать детскую кроватку и принадлежности для малыша. Он изучал запах, пачкал вещи слюной и лизал до тех пор, пока не удовлетворил своего любопытства. В течение 36 часов после родов, когда Дженни находилась в больнице, я часто навещал Марли, прихватив с собой пеленки или другие предметы, пахнувшие ребенком. Однажды даже притащил ему использованный подгузник, который он так старательно обнюхивал, что я испугался: вдруг он всосет содержимое через ноздри, и ему потребуется дорогостоящая медицинская помощь.

Когда я наконец привез домой мать и дитя, Марли успел все забыть. Дженни положила малыша Патрика, заснувшего в люльке, на середину нашей кровати и отправилась со мной в гараж, чтобы поздороваться с Марли. Нас ждала шумная встреча. Когда Марли успокоился и перешел из состояния отчаянного буйства к стадии эйфории, мы привели его в дом. И намеревались заняться своими делами, не указывая ему прямо на появление ребенка. Таков был наш план. Просто будем находиться рядом, позволив ему самому обнаружить нового члена семьи.

Марли отправился за Дженни в спальню, засовывая свой нос в ее сумку, пока она распаковывала вещи. Само собой разумеется, он понятия не имел, что на нашей кровати лежит живое существо. И тут Патрик чуть пошевелился и издал тихий звук, чем-то похожий на писк птенца. Марли наострил уши и замер. Что за звук? Патрик снова пискнул, и Марли принял стойку охотничьей собаки, приподняв одну лапу. О господи, он сделал стойку, словно перед ним была... добыча. В этот момент я вспомнил перьевую подушку, с которой пес жестоко разделался. Он ведь не мог быть настолько тупым, чтобы принять ребенка за фазана, верно?

И вдруг пес рванул вперед. Это был вовсе не свирепый бросок, нацеленный на врага, он не оскалился и не зарычал. Но и приветственный прыжок его движение тоже не напоминало. Он ударился грудью о матрац с такой силой, что сдвинул кровать с места. Патрик проснулся и распахнул глазки. Марли попятился и снова прыгнул вперед, на этот раз его морда оказалась буквально в сантиметрах от пальчиков ног новорожденного. Дженни бросилась к ребенку, а я – к Марли и обеими руками стал оттаскивать его за ошейник. Пес был в ярости, он изо всех сил стремился дотянуться до нового существа, которое неведомо какими путями проникло в нашу спальню. Он вставал на задние лапы, и мне приходилось тянуть его за ошейник; на минуту я даже почувствовал себя одиноким ковбоем из одноименного сериала рядом со своей верной собакой Сильвер. «Ладно, все прошло не так уж плохо», – сказал я.

Дженни держала Патрика на руках, я зажал Марли коленями и крепко вцепился в ошейник. Но даже Дженни понимала, что Марли не собирался нападать на малыша. Он продолжал пытеть со своей дурацкой улыбкой, его глаза сияли, а хвост энергично вилял. Пока я удерживал Марли, Дженни медленно приближалась, сначала позволяя псу понюхать пальчики ребенка, потом ножки, памперс и попку. Бедной крошке всего полтора дня, а он уже подвергся атаке со стороны пасти, засасывающей, как пылесос, запахи. Когда Марли добрался до подгузника, казалось, он перешел на новый уровень сознания и впал в транс, вызванный запахом памперса. Он оказался в раю. Собака определенно испытывала эйфорию.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

– Марли, одно неверное движение, и я тебя отлуплю, – предупредила Дженни с твердым намерением осуществить сказанное.

Если бы он подал хоть малейшие признаки агрессии в отношении ребенка, то действительно превратился бы в отбивную. Но ничего подобного не произошло. Вскоре мы поняли, что проблема заключалась не в том, как не позволить Марли причинить вред нашему прелестному малышу, а в том, как держать его на расстоянии от бачка с использованными подгузниками.

* * *

Шли дни, недели, месяцы. Постепенно Марли начал признавать в Патрике своего лучшего друга. Как-то раз я выключал в доме свет перед сном и не мог отыскать Марли. В конце концов мне пришлось в голову заглянуть в детскую. Он действительно был там, лежал, растянувшись, возле кровати Патрика: оба посапывали в унисон, как родные братья. Марли, наш горячий необузданный жеребец, совершенно преобразался, находясь возле Патрика. Казалось, он понимал всю хрупкость и беззащитность маленького человечка, поэтому, когда они оказывались рядышком, пес двигался с осторожностью и нежно облизывал детское личико и ушки. А когда Патрик научился ползать, Марли спокойно ложился на пол, позволяя малышу взбираться на себя, как на гору, таскать за уши, тыкать в глаза и вырывать прядки шерсти. Детские забавы его не раздражали – Марли просто замирал, как статуя. На фоне Патрика он был нежным великаном, который добродушно и покорно согласился исполнять партию второй скрипки.

Однако далеко не все разделяли нашу слепую веру в собаку. Люди видели в Марли необузданного, непредсказуемого и сильного зверя – его вес уже приближался к 50 килограммам – и считали, что мы поступаем опрометчиво, полагаясь на него и позволяя ему находиться рядом с беспомощным ребенком. Моя мама твердо придерживалась этого мнения и без стеснения говорила нам об этом. Ей было больно видеть, как Марли оближивает ее внука. «Да ты хоть представляешь, где побывал этот язык?!» – риторически восклицала она. С хмурым выражением лица она наставляла нас, чтобы мы никогда не оставляли собаку вместе с ребенком без присмотра. Древний охотничий инстинкт может внезапно проснуться. Если бы решение принимала мама, то Марли и Патрика навсегда разлучила бы бетонная стена.

Однажды, когда мама приехала навестить нас, из гостиной донесся ее пронзительный крик. «Джон, сюда! – кричала она. – Собака кусает ребенка!» Полуголый, я вылетел из спальни, но, прибежав в гостиную, увидел, как Патрик весело раскачивается на «качелях». Марли лежал под ним. Пес действительно лязгал зубами на малыша, но все обстояло совсем не так, как это показалось в панике моей маме. Марли распластался вдоль траектории «полета» Патрика и, уткнувшись носом в его подгузник, просто качал ребенка, подталкивая вверх его попку. Патрик визжал от удовольствия. «О, мам, все в порядке, – сказал я. – Просто Марли обожает запах памперсов».

* * *

У нас с Дженни началась полоса рутины. Ночью жена вставала каждые несколько часов, чтобы покормить и убаюкать Патрика, а в шесть утра его кормление возлагалось на меня, чтобы она могла выспаться. Полусонный, я вынимал сына из кровати, менял ему подгузник и готовил молочную смесь в бутылочке. Затем следовал сам процесс кормления: я усаживался на веранде, бережно прижимая его крошечное теплое тельце, а он в это время сосал бутылочку. Порой я склонялся головой к его макушке и подремывал, пока он с удовольствием причмокивал. Иногда слушал радио и наблюдал, как утреннее небо из розово-фиолетового становилось голубым. Когда Патрик наедался и срыгивал, я одевался сам и одевал его, свистом подзывал Марли, и мы отправлялись на утреннюю прогулку к океану. Мы купили легкую детскую коляску с тремя большими велосипедными колесами, которые позволяли нам свободно передвигаться где угодно, даже по песку, и преодолевать бордюры. По утрам наша тройца представляла собой довольно забавное зрелище. Марли бежал впереди коляски, словно двигался в собачьей упряжке, я был в тылу, сдерживая активную собаку, а Патрик посередине радостно тянул ручки вверх, будто регулировщик дорожного движения. К нашему возвращению Дженни уже просыпалась и варила кофе. Мы сажали Патрика на высокий детский стульчик и насыпали ему на поднос горстку сухого завтрака в виде колечек. Стоило нам отвернуться, как Марли клал голову боком на этот поднос и языком, как лопатой, зачерпывал еду. Ворует еду у ребенка, думали мы, как низко он способен опуститься в будущем? Однако Патрика, казалось, забавляли проделки пса, и вскоре

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru он научился бросать колечки вниз и наблюдать, как Марли поднимает их с полу и съедает. А если малыш ронял колечки себе на колени, Марли просовывал голову под столик и слегка пинал его в живот, пытаясь найти упавшее колечко, чем вызывал у ребенка восторженный смех.

Мы вжились в роль родителей, наслаждались незатейливыми семейными радостями и улыбались огорчениям, осознавая быстротечность жизни – даже неудачные дни вскоре станут драгоценными воспоминаниями. У нас было все, о чем только могли мечтать. Наш бесценный малыш. Наша туповатая собака. Маленький домик на побережье. И главное – взаимная любовь. В ноябре моя газета повысила меня до ведущего редактора рубрики. Эта желанная должность позволяла мне три раза в неделю печатать свои материалы на передних полосах, где я мог рассуждать на любые темы. Жизнь прекрасна! Когда Патрику исполнилось девять месяцев, Дженни поинтересовалась, когда мы озаботимся появлением второго ребенка.

– Господи, даже не знаю, – ответил я.

Мы оба знали, что хотим иметь больше одного ребенка, но я совершенно не задумывался о временных рамках. Повторить еще раз все то, через что мы прошли, казалось просто безумием.

– Предлагаю снова отказаться от противозачаточных, а там – посмотрим.

– Угу, – согласно кивнула Дженни. – Старый добрый способ планирования семьи «будь что будет».

– Эй, не пренебрегай им, – воскликнул я. – Он же сработал!

Так и поступили. Мы подсчитали, что, если Дженни забеременеет не раньше будущего года, все должно сложиться хорошо. Когда Дженни произвела вычисления, она сказала:

– Предположим, у нас будет полгода, чтобы зачать ребенка, плюс еще девять месяцев, чтобы выносить. Тогда разница в возрасте детей составит ровно два года.

Такая перспектива мне пришлась по душе. Два года – это немалый путь. Два года казались почти вечностью. Два года были чем-то почти нереальным. Теперь, когда я на деле показал, что способен исполнить мужскую обязанность по оплодотворению, бремя давления больше не тяготило. Никаких забот, никаких стрессов. Будь что будет.

Через неделю Дженни залетела.

Глава 13

Крик в ночи

Снаступлением новой беременности к Дженни вернулась ее странная потребность есть по ночам. Один раз ей захотелось овощного сока, в другой – съесть грейпфрут.

– А у нас есть сникерсы? – однажды спросила она около полуночи.

Похоже, мне снова предстояла утомительная поездка в круглосуточный супермаркет. Я свистом поманил Марли, прицепил поводок и отправился с ним в магазин. На автостоянке мы заметили молодую блондинку с красивой прической, блестящими бледно-лиловыми губами, на экстремально высоких каблуках.

– О, он такой славный! – прочирикала она. – Привет, щеночек. Как тебя зовут, милашка?

Марли, естественно, был счастлив подружиться с девушкой, но я с силой потянул его к себе, чтобы он случайно не испачкал ее фиолетовую мини-юбку и белый топ.

– Ты просто хочешь поцеловать меня, песик, верно? – сказала она, чмокнув несколько раз губами.

Пока мы болтали, меня разбирало любопытство: что такая привлекательная девушка делает на автостоянке по Дикси-хайвей в поздний час. Похоже, она без машины. И вроде бы не собиралась зайти в магазин и не выходила из него. Она стояла там, словно привратник, радостно встречавший незнакомцев и их собак. И почему она

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru вела себя так дружелюбно? Красивые женщины никогда не знакомятся первыми, по крайней мере на автостоянках в полночь. В этот момент рядом притормозила машина, и водитель, мужчина средних лет, опустил стекло. «Ты Хизер?» – спросил он. Она одарила меня очаровательной улыбкой, словно говоря: «Тебе нужно чем-то заняться, чтобы быть в состоянии оплатить квартиру».

– Мне пора, – сказала она, запрыгивая в машину. – Пока, щеночек.

– Не влюбляйся без памяти, Марли, – предостерег я его, когда они отъехали. – Ты не сможешь себе ее позволить.

Прошло несколько недель. В десять часов утра, в воскресенье, когда я прогуливался с Марли до того же магазина за газетой *Miami Herald*, к нам снова подошли, на этот раз две девушки, скорее даже подростки.

В них чувствовалось напряжение и нервозность. Они не отличались броской внешностью, да и не прикладывали особых усилий, чтобы выглядеть лучше, чем в действительности. Вид у обеих был совершенно отчаявшийся, вероятно, им не удалось заработать на очередную дозу наркотика.

– Гарольд? – обратилась ко мне одна из них.

– Не-а, – ответил я, подумав про себя: неужели вы думаете, что какой-нибудь парень отправится снимать девочек, прихватив с собой лабрадора? Каким же извращенцем представляли меня эти соплюшки! Когда я купил газету в автомате перед магазином, подъехала машина – похоже, это был Гарольд – и умчала девчонок.

Я был не единственным свидетелем бойкой торговли телом на Дикси-хайвей. Когда к нам приехала моя старшая сестра, одетая по-монашески скромно, она решила погулять в обед, и ее дважды пытались «снять» мужики в автомобилях. В другой раз гость, приехавший к нам на машине, рассказал, что какая-то женщина на обочине шоссе показала ему свою грудь без всякого повода с его стороны.

Стали поступать жалобы от жителей, и мэр пообещал опубликовать в газетах имена мужчин, задержанных за связь с проститутками, а полиция начала прочесывать улицы и расставлять на каждом перекрестке переодетых женщин-агентов в надежде, что на них клюнут потенциальные клиенты. Эти полицейские в юбках были самыми непривлекательными проститутками, которых мне когда-либо доводилось видеть, – почти как переодетый бывший директор ЦРУ Джон Эдгар Гувер, но это отнюдь не мешало мужчинам обращаться к ним за услугами. Одна полицейская облава произошла прямо на обочине возле нашего дома, перед камерой группы телерепортеров.

Если бы проблема упиралась в проститутку и их клиентов, мы могли бы жить спокойно, но криминальная активность набирала обороты. Наш район становился опаснее день ото дня. Однажды, когда мы бродили вдоль берега, Дженни почувствовала тошноту, ее мучило от токсикоза, и она решила вернуться домой одна, оставив нас с Патриком и Марли еще немного погулять. Пока она шла по боковой улице, услышала, как сзади тащится машина. Она решила, что это кто-то из соседей притормозил, чтобы поздороваться, или заблудившийся водитель хочет уточнить дорогу. Но когда она обернулась, то увидела за рулем голого мужчину, который мастурбировал. Поняв, что его засекли, он дал задний ход и скрылся. Дженни даже не успела рассмотреть номер машины.

Патрику не исполнилось и года, когда в нашем районе снова произошло убийство. Как и в случае миссис Недермайер, жертвой стала одинокая пожилая женщина. Ее дом стоял сразу после поворота с Дикси-хайвей на Черчилль-роуд: он находился позади круглосуточной прачечной-автомата. Я не был знаком с ней, просто махал рукой, проезжая мимо. Но в отличие от убийства миссис Недермайер теперь это дело не укладывалось в рамки обычного семейного конфликта. Жертва была выбрана случайно, а напал на нее незнакомец, проникший в дом в субботу днем, когда хозяйка развешивала на заднем дворике выстиранное белье. Когда она вернулась в дом, он связал ей руки телефонным проводом и засунул несчастную под матрац, а сам стал обыскивать дом в поисках денег. Он сбегал с награбленным, а наша слабая здоровьем соседка умерла от удушья. Преступник опять крутился возле прачечной. Полицейские быстро вычислили убийцу и арестовали. Когда его карманы вывернули, оказалось, что добыча составила всего 16 долларов с мелочью. Такова цена человеческой жизни.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Преступники, расплодившиеся в округе, заставили нас почувствовать особую благодарность к Марли за его более чем необходимое присутствие в доме. Что с того, что он считался пацифистом, а его грозная стратегия нападения выливалась в слякучную атаку? И какая разница, что, увидев постороннего человека, он первым делом хватал теннисный мячик, надеясь поиграть! Чужакам было необязательно все это знать. Когда к нам кто-то приходил, мы больше не запирали пса, открывая дверь. И перестали уверять людей, какой Марли в сущности безобидный пес. Вместо этого мы распространяли смутную зловещую молву: «В последнее время он становится каким-то непредсказуемым» или: «Даже не знаю, сколько еще его прыжков сможет выдержать наша дверь».

У нас уже рос ребенок, и второй был на подходе. Теперь к вопросам личной безопасности мы уже не относились с прежней беспечностью. Мы с Дженни часто размышляли, как поведет себя Марли, если от кого-то будет исходить угроза нам или сыну. Я склонялся к варианту, что он просто свихнется от счастья и начнет лаять и пытьеть. Дженни гораздо больше доверяла Марли. Она была уверена, что его глубокая преданность нам, особенно своему новому другу Патрику, который баловал его колечками из сухих завтраков, в кризисной ситуации разбудит в сердце пса жестокий инстинкт защитить нас любой ценой. «Не верю, – возражал я. – Он уткнется носом в ширинку негодяя, этим все и кончится». Но, как бы там ни было, люди побаивались нашего пса, и нам это явно нравилось. Его присутствие позволяло нам чувствовать себя защищенными в собственном доме. Несмотря на долгие споры о способности Марли выступать в качестве охранника, мы засыпали со спокойной душой, зная, что он находится рядом с нами. А события одной ночи разрешили наш спор раз и навсегда.

Наступил октябрь, а погода все не менялась. Ночи были знойными, поэтому мы закрывали окна и включали кондиционер. После вечерних новостей я выпустил Марли во двор, проверил Патрика в кровати, выключил свет и забрался в постель рядом со спящей Дженни. Марли, как всегда, глубоко вздохнув, растянулся на полу возле меня. Я уже задремал, когда услышал звук, пронзительный и непрерывный, и мгновенно проснулся, как и Марли. Навострив уши, пес замер в темноте возле кровати. Звук повторился, он проникал через закрытые окна и перекрывал жужжание кондиционера. Крик. Женский вопль, громкий и отчетливый. Сначала я подумал, что на улице дурачились тинейджеры – в этом не было ничего особенного. Но вопли вовсе не напоминали возбужденный крик подростка, который боится щекотки. В крике чувствовались отчаяние, неподдельный ужас, и до меня постепенно стало доходить, что кому-то грозит серьезная опасность.

– Пошли, малыш, – прошептал я, выползая из постели.

– Не ходи туда, – раздался из темноты голос Дженни. Я не знал, что она проснулась и все слышала.

– Звони в полицию, – бросил я. – Я буду осторожен.

Держа Марли за сдерживающий ошейник, я вышел на крыльцо в своих семейных трусах и увидел человека, убежавшего в сторону побережья. Снова раздался крик, но уже с противоположной стороны. Под открытым небом, где не было стен и стекла, которые могли заглушить его, голос женщины звучал явственно – подобное я видел только в фильмах ужасов. На верандах других домов тоже защелкали выключатели. Двое молодых людей, которые арендовали дом напротив нас, выскочили в одних плавках и помчались на крик. Я осторожно последовал за ними, держа Марли на поводке. Видел, как они добежали до газона очередного дома, а потом резко развернулись и устремились навстречу мне.

– Иди к девчонке, – крикнул один из них, показывая на то место, где лежала жертва. – Ее пырнули ножом.

– А мы – за ним! – крикнул другой, и они босиком помчались по улице вслед за преступником. Моя соседка Барри, бесстрашная одинокая женщина, купившая и отремонтировавшая ветхое бунгало по соседству с домом мисс Недермайер, вскочила в машину и присоединилась к погоне.

Я ослабил поводок Марли и побежал на крик. Через три дома по нашей улице я увидел на подъездной дорожке нашу 17-летнюю соседку. Она вся съезжилась, рыдая и вскрикивая от боли, прижав руки чуть ниже груди. Я заметил, как по ее блузке расплывается кровавое пятно. Это была стройная, миловидная девочка со светлыми

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru волосами, распущенными по плечам. Она жила с матерью, которая состояла в разводе. Эта приятная женщина работала ночной сиделкой. Я несколько раз разговаривал с ней, но дочке всегда только махал рукой. Даже не знал ее имени.

– Он приказал не кричать, иначе пырнет меня, – проговорила она, всхлипывая и хватая ртом воздух. Ее голос срывался, и слова давались с трудом. – Но я кричала, кричала, и он ткнул ножом.

Словно опасаясь, что не поверю ей, она подняла блузку, и я увидел рваную рану на грудной клетке.

– Я просто сидела в машине и слушала радио, и тут неожиданно появился он.

Желая успокоить девочку, я положил руку ей на плечо, но стоило мне это сделать, ее колени согнулись, и она рухнула в мои объятия. Видимо, она уже не могла держаться на ногах. Я осторожно посадил ее на тротуар и попытался успокоить. Теперь ее голос звучал мягче, спокойнее, она старалась не закрывать глаза.

– Он приказал мне не кричать, – повторяла она. – Он зажал мне рот и велел не кричать.

– Ты правильно поступила, – похвалил я. – Ты его так напугала, что он удрал.

До меня наконец дошло, что она находилась в шоке, и я понятия не имел, что нужно делать в таких случаях. Где же «Скорая»? Я подбадривал девочку, как собственного ребенка: гладил по волосам, по щеке, вытирал слезы. Ей становилось хуже, но я продолжал твердить, чтобы она держалась и помощь скоро придет.

– С тобой все будет хорошо, – повторял я, уже не веря собственным словам. Ее кожа приобрела мертвенно-бледный оттенок. Казалось, мы просидели вдвоем на тротуаре несколько часов, а на самом деле, как позже сообщили полицейские, прошло всего три минуты. И только сейчас я вспомнил о Марли. Оглянувшись, увидел его в трех метрах от нас. Он стоял в устрашающей позе разъяренного быка. Таким я никогда его не видел. Это была боевая стойка. Мышцы на шее вздулись, челюсти сомкнуты, а шерсть на загривке поднялась дыбом. Все его внимание было направлено на улицу, и, казалось, он изготавился к прыжку. В то мгновение я понял правоту Дженни. Если бы вооруженный преступник вернулся, сначала ему пришлось бы столкнуться с моей собакой. В тот момент у меня не было ни тени сомнения, что Марли боролся бы с этим типом не на жизнь, а на смерть и не позволил бы ему приблизиться к нам. Я сильно расчувствовался от того, что эта девочка, возможно, умирает у меня на руках. И вид Марли, который так необычно вел себя, величественно и свирепо охраняя нас, вызвал у меня слезы умиления. Лучший друг человека? Черт возьми, именно так!

– Со мной ты в безопасности, – сказал я девочке, но подразумевал: с нами в безопасности. – Полиция уже едет. Держись, пожалуйста, только держись.

Прежде чем ее веки опустились, она прошептала:

– Меня зовут Лиза.

– А я Джон.

Как-то глупо было знакомиться при таких обстоятельствах, будто мы находимся на пикнике. И едва не улыбнулся из-за абсурдности возникшей ситуации. Я поправил прядь ее волос и произнес еще раз:

– Ты в безопасности, Лиза.

Словно ангел, сошедший с небес, к нам подошел офицер полиции. Я свистнул Марли и крикнул:

– Все хорошо, малыш. Это свой.

Услышав мой свист, пес вышел из состояния ступора. Мой туповатый добродушный пес теперь бегал вокруг нас кругами, пытался всех обнюхать. Какой бы древний инстинкт ни дремал в недрах его сознания, он снова вернулся в привычное состояние. Вскоре прибыли новые полицейские, а потом приехала «Скорая», и

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru санитары принесли носилки и бинты. Я отошел в сторону, сообщил полиции все, что знал, и отправился домой. Марли бежал впереди.

На крыльце меня встретила Дженни, и мы вместе постояли у окна, наблюдая за финалом уличной драмы. Наш район стал напоминать декорации к полицейскому сериалу. В окнах мелькали проблески красных мигалок. Полицейский вертолет завис над проезжей частью, освещая прожектором задние дворики и аллеи. Полиция организовала посты на дороге и начала прочесывать район. Ее усилия оказались тщетными, того субъекта так и не нашли, а мы не узнали, что его заставило напасть на жертву. Соседи, которые преследовали бандита в ту ночь, позже рассказывали мне, что им не удалось даже заметить его, не говоря уже о том, чтобы догнать. В конце концов мы с Дженни легли в постель, но еще долго не могли уснуть.

– Ты можешь гордиться Марли, – сказал я. – Это было довольно странно. Он каким-то образом понял всю серьезность положения. Видимо, почувствовал опасность и совершенно преобразился.

– А что я тебе говорила, – ответила она. Да, так все и было.

Пока вертолет с шумом патрулировал улицу, Дженни повернулась на бок и, прежде чем заснуть, добавила:

– Еще одна «веселая» ночка в нашем квартале. – Я опустил руку вниз и погладил Марли, лежавшего рядом на полу.

– Сегодня ты вел себя правильно, большой пес, – шептал я, почесывая его за ухом.
– Сегодня ты заработал свой ужин. – Положил руку ему на спину и заснул.

* * *

О разгуле преступности в Южной Флориде говорил тот факт, что о нападении на девочку-подростка, спокойно сидевшую в машине перед своим домом, написали всего шесть предложений в утреннем выпуске газеты Sun-Sentinel. Сообщение о преступлении вышло под заголовком «Мужчина напал на девочку» в разделе «Коротко о разном» на третьей странице.

В заметке ничего не было сказано про меня, Марли и тех парней, которые полуголыми бросились в погоню за преступником. Там не упоминалась и наша соседка Барри, которая преследовала подонка на своей машине. И обо всех соседях, которые включили свет на верандах и позвонили 911, тоже не сказано ни слова. Драма, разыгравшаяся в нашем районе, показалась властям незначительным происшествием в хронике жестоких преступлений криминального мира Южной Флориды. Никто не погиб, нет заложников – значит, все в порядке.

Нож преступника задел легкие Лизы. Пять дней она провела в больнице и еще несколько недель находилась дома. Ее мама рассказывала соседям о состоянии дочери, но девочка не выходила из дома, поэтому ее никто не видел.

Меня беспокоили последствия психической травмы, которые могли остаться у нее после нападения. Сможет ли она в будущем комфортно чувствовать себя, покинув прочные стены своего дома? Наши жизни пересеклись всего на три минуты, а я уже чувствовал ответственность за нее, словно брат за младшую сестренку. У меня не было желания нарушать ее уединение, однако хотелось увидеть ее и убедиться, что с ней все в порядке.

Однажды в субботу, когда я мыл машину на подъездной дорожке, а привязанный Марли сидел возле меня, случайно поднял взгляд и увидел ее. Она была красивее, чем мне тогда показалось. Загорелая, сильная, подтянутая – то есть окрепшая. Она улыбнулась и спросила:

– Помните меня?

– Так-так, – сказал я, делая вид, что пытаюсь вспомнить. – Вроде бы мы встречались раньше, но где? Случайно, не ты на концерте Тома Петти[14] все время ерзала, перекрывая мне обзор?

Она засмеялась, и тогда я спросил:

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
– Как твои дела, Лиза?

– Все хорошо, – ответила она. – Я почти поправилась.

– Выглядишь великолепно, – похвалил я. – Намного лучше, чем при последней нашей встрече.

– Да уж! – усмехнулась она, опустив глаза. – Ну и ночка выдалась.

– Ну и ночка, – повторил я.

На этом мы закрыли тему. Она рассказала мне о больнице, врачах, следователе, записавшем ее показания, о бесконечных корзинках с фруктами, которые ей приносили в больницу, о том, как тоскливо было сидеть дома столько времени. Она избегала упоминать о нападении, как и я. Есть вещи, о которых лучше не вспоминать.

В тот вечер Лиза задержалась у нас: бегала по саду, пока я собирал собачьи кучки, играла с Марли, перекидываясь со мной короткими фразами. Я чувствовал, что ей хочется мне что-то сказать, но ей было трудно на это решиться. Ей было всего семнадцать, я и не ждал, что она найдет нужные слова. Наши жизни пересеклись неожиданно – как два незнакомца, которых свела жизнь в результате бессмысленного насилия. У нас не было времени для обычных условностей или для выяснения отношений. Тогда наши сердца бились в унисон, и драма объединила нас – папашу в семейных трусах и девочку в блузке, пропитанной кровью. Мы крепко держались друг за друга в надежде на лучшее. И сейчас между нами возникла внутренняя близость. А как иначе? Но появилась и растерянность, и некоторое смущение, потому что в тот момент мы забыли о дистанции в общении. Слова стали ненужными. Я знал, что она благодарна мне за мое участие в ее судьбе; знал, что она оценила мои попытки поддержать ее. Она понимала: в глубине души я за нее переживал и желал ей добра. Той ночью нас объединяло нечто особенное. Это был один из тех быстротечных проблесков чистоты, которые затмевают все прочее в жизни, и его мы оба забудем еще не скоро.

– Я рад, что ты заглянула, – сказал я.

– Я тоже рада, – ответила Лиза.

У меня осталось приятное впечатление об этой девочке. Она была сильной и решительной. Думаю, ей многое будет по плечу. По прошествии лет я узнал, что она сделала карьеру телеведущей, и понял, что не ошибся в ней.

Глава 14

Раннее появление

Сквозь завесу сна я постепенно осознавал, что кто-то зовет меня.

– Джон, Джон, проснись, – это Дженни тормошила меня. – Джон, мне кажется, что ребенок уже выходит.

Я приподнялся на кровати и протер глаза. Дженни лежала на своей половине, прижав колени к животу.

– Ребенок что?..

– У меня начались сильные схватки. Я уже некоторое время пытаюсь регулировать их. Нужно позвонить доктору Шерману.

Я окончательно проснулся. Начинаются роды? Я с ума сходил от ожидания нашего второго ребенка, мальчика, как показало УЗИ. Однако время было совершенно неподходящим. Шла всего лишь двадцать первая неделя беременности – закончилась первая половина 40-недельного срока. В книгах, посвященных беременности, имелись фото высокого разрешения, наглядно показывавшие рост плода каждую неделю. Всего несколько дней назад мы, читая одно такое пособие, рассматривали снимки зародыша на двадцать первой неделе и удивлялись тому, как растет ребенок. На двадцать первой неделе развития плод умещается на ладони и весит менее 500 граммов. Его глаза еще закрыты, пальчики похожи на маленькие хрупкие прутики, а легкие развиты недостаточно для того, чтобы поглощать из воздуха кислород. Едва ли на этом сроке плод жизнеспособен. Его шанс выжить вне матки без последующих

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru серьезных проблем со здоровьем ничтожно мал. Не зря же он должен развиваться в материнской утробе долгих девять месяцев. На двадцать первой неделе риск невероятно велик.

– Возможно, ничего страшного, – сказал я. Но пока поспешно набирал телефон приемной женской консультации, мое сердце колотилось. Через пару минут перезвонил доктор Шерман, его голос был встревожен.

– Не исключаю, что это просто газы, – сказал он. – Но лучше провести осмотр.

Он велел немедленно привезти Дженни в больницу. Я заметался по дому: бросал нужные вещи в сумку, развел смесь в бутылочках, взял запас подгузников. Дженни позвонила своей подруге и коллеге Сэнди, она тоже недавно стала мамой и жила в нескольких кварталах от нас, и спросила, можно ли нам оставить у нее Патрика. Марли тоже проснулся, потягиваясь и зевая. Да это же ночное путешествие!

– Прости, Мар, – извинился я, когда вел его в гараж, заметив нескрываемое разочарование на его морде. – Придется тебе нести вахту в наше отсутствие.

Я вытащил Патрика из кровати, устроил на детском сиденье, даже не разбудив, и мы помчались в ночную темень.

В отделении интенсивной терапии больницы Святой Марии медсестры быстро взялись за дело. Они переодели Дженни и стали измерять силу схваток и пульс ребенка. Действительно, у Дженни каждые шесть минут начиналась новая схватка. Причина явно не в кишечных газах.

– Ваш ребенок рвется появиться на свет, – сказала одна из медсестер. – Мы сделаем все возможное, чтобы этого не случилось.

Доктор Шерман по телефону попросил посмотреть степень раскрытия шейки матки. Одна из медсестер ввела Дженни палец в перчатке и сообщила, что шейка раскрыта на один сантиметр. Даже я понимал, что это плохой знак. Если шейка раскрывается полностью, до 10 сантиметров, то при нормальной ситуации мать начинает освобождаться от бремени. С каждой болезненной схваткой приближался необратимый исход. Доктор Шерман назначил капельницу с физраствором и велел ввести лекарство, которое снижает родовую активность. Схватки прекратились, но менее чем через два часа возобновились с большей силой, так что потребовался второй укол, а потом и третий.

Следующие две недели Дженни провела в больнице. Ее всю искололи, многократно осматривали специалисты отделения пренатальной диагностики, подключали к различным аппаратам мониторинга и ставили внутривенную капельницу. Я взял отпуск и, будучи единственным родителем при Патрике, старался управиться со всеми делами: стиркой, кормлением ребенка, счетами, работой по дому, уборкой сада. Да, чуть не забыл, и еще с одним живым существом в нашем доме. Рейтинг бедного Марли просел с позиции второй скрипки до положения бедолаги, уволенного из оркестра. Даже когда я не обращал на него внимания, он пытался поддерживать свой статус и не упускал меня из поля зрения. Он преданно следовал за мной, пока я носился по дому с Патриком под мышкой, свободной рукой в это время пылесосил, переносил белье или что-то готовил. Вот я отправился на кухню, чтобы положить грязные тарелки в посудомоечную машину, а Марли брел сзади и, сделав несколько кругов, выбирал оптимальное место и плюхался на пол. Однако вскоре я уже мчался переложить выстиранные вещи в сушилку. Он снова трусил за мной, кружил, потягивал лапой половики, пока они не разглаживались в соответствии с его запросами, а потом ложился на них. Но я уже направлялся в гостиную за газетами. Так мы и жили. Если мне удавалось сделать перерыв в своем сумасшедшем графике, то ему перепало немного внимания и я трепал его за уши.

Однажды ночью, когда Патрик заснул, я в изнеможении рухнул на диван. Марли прыгнул ко мне и, пристроив свою игрушку на моих коленях, уставился на меня своими карими глазками.

– Нет, Марли, – сказал я. – Устал до смерти.

Тогда он положил морду под игрушку и принялся подбрасывать ее в воздух, надеясь, что я постараюсь ее поймать.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
– Прости, приятель, – ответил я. – Только не сегодня.

Он нахмурил морду. Его прежняя жизнь неожиданно рухнула. Его хозяйка загадочно исчезла, хозяин не желал с ним поиграть, и вообще все как-то переменялось. Он тихо заскулил, и я прочитал его немые вопросы: «Почему Джон не хочет играть? Что случилось с ежедневными утренними прогулками? Почему мы больше не составляем на полу? И где именно прячется Дженни? Ведь не могла же она сбежать с далматинцем из соседнего квартала, правда?»

Впрочем, новая жизнь Марли не была совершенно лишена радостей. С одной стороны, я быстро вернулся к добрачному (то есть неряшливому) образу жизни. Пользуясь своим положением единственного взрослого в доме, я отменил кодекс домашнего уклада женатой пары, и бывшие холостяцкие правила снова стали обязательными на подвластной мне территории. Пока Дженни лежала в больнице, рубашки можно было надевать дважды, даже трижды, пока на них не появлялись яркие пятна от кетчупа; молоко можно было пить прямо из пакета, а сиденья унитаза откидывать вверх, пока кому-то не понадобится на них сесть. К величайшему удовольствию Марли, я перестал закрывать дверь в ванную. В конце концов, в доме остались одни мужчины. А раз так, то имело смысл разрешить пить воду из крана в ванной. Дженни ужаснулась бы, увидев это, но, по-моему, такой вариант гораздо лучше варианта питья из унитаза. Теперь, когда закрепилась политика поднятого сиденья (и, как следствие, поднятой крышки тоже), мне нужно было предложить Марли достойную альтернативу привлекательному фарфоровому бассейну с водой, то есть унитазу, который манил его поиграть в подводную лодку.

У меня появилась привычка неплотно закрывать кран в раковине после умывания, чтобы Марли мог слизать несколько капель прохладной свежей воды. Думаю, даже если бы я построил ему точную копию аттракциона «Водные горки», он не пришел бы в большой восторг. Он изгибал шею и всасывал воду, постукивая хвостом по раковине. Пес никак не мог утолить свою жажду, из чего я пришел к выводу, что в прошлой жизни он был верблюдом. Впрочем, вскоре я понял, что породил монстра: через некоторое время Марли начал наведываться в ванную уже без моего ведома. Он стоял там и, пожирая несчастным взглядом кран, лизал его в надежде получить хоть капельку, тыкал носом в ручку крана. В конце концов у меня сдавали нервы, и я включал ему воду. Поить его из миски стало лишним.

Следующим шагом на пути нашей деградации до уровня варваров стало принятие душа. Марли сообразил: если просунуть голову через шторку ванны, то можно поймать не струйку, а целый водопад. Я намылил себя. Вдруг его огромная рыжевато-коричневая морда неожиданно возникла передо мной, и Марли принялся утолять жажду прямо из душа. «Только нашей мамочке не говори», – предупредил я его.

Я пытался заставить Дженни поверить в то, что я все держу под контролем. «О, мы отлично ладим! – уверял я и, обращаясь к Патрику, добавлял: – Верно, дружок?» Он выдавал стандартный ответ: «Па-па», а потом указывал на потолочный вентилятор: «Витиятл!» Но Дженни все поняла. Однажды, когда мы с Патриком приехали с очередным ежедневным визитом, она долго и недоверчиво смотрела на нас и наконец спросила:

– Христа ради, что ты с ним сделал?

– Что ты имеешь в виду? – ответил я вопросом на вопрос. – С ним все отлично. Да, сынок?

– Папа! Витиятл!

– Его одежда, – сказала Дженни. – Черт возьми...

Только тогда я смекнул. Что-то было неправильно в единственной детали его туалета, или «однушке», как мы, мужественные папаши, называем комбинезончики. Лишь теперь увидел, что его пухленькие ножки были продеты в рукава, которые стали такими узкими, что могли затруднить циркуляцию крови. Воротничок, как вымя, свешивался между ножками. Сверху, из расстегнутой ширинки, торчала голова Патрика, а его ручки утопали в широких штанинах. Это был еще тот видок.

– Олух! – воскликнула Дженни. – Ты неправильно его одел.

– Ну, тебе виднее, – согласился я.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Однако играм пришел конец. Не вставая с кровати, Дженни взяла трубку. Через пару дней, как по мановению волшебной палочки, на пороге нашего дома с чемоданами появилась моя дорогая и любимая тетушка Анита. Медсестра, вышедшая на пенсию, она еще в юности переехала в Америку из Ирландии и теперь жила в соседнем штате. Тетушка радостно принялась наводить порядок. Про холостяцкие правила пришлось забыть.

* * *

Когда Дженни наконец выписали, она получила от врачей множество строжайших предписаний. Если она намерена родить здорового ребенка, то должна соблюдать постельный режим как можно дольше. Ей разрешили вставать, только чтобы отлучиться в ванную комнату. Раз в день короткий легкий душ, а потом снова в постель. Никакой стряпни, никакой смены подгузников, никаких прогулок за почтой, никаких тяжестей – ничего тяжелее зубной щетки (в том числе нельзя поднимать Патрика). Последний запрет оказался самым трудным для нее. Строгий постельный режим, без обмана. Врачам удалось предотвратить угрозу преждевременных родов, теперь их цель – уберечь Дженни от рецидива в течение как минимум трех месяцев – к тому времени будет тридцать пять недель. На таком сроке ребенок немного ослаблен, но полностью сформирован и способен выжить во внешней среде. Все это означало, что Дженни, по сути, обречена хранить неподвижность, словно ледник. Тетушка Анита, благослови Господь ее милосердную душу, осталась с нами надолго. Появление нового партнера для игр доставило Марли огромное удовольствие. Вскоре он приучил и тетушку Аниту поворачивать кран, чтобы оставлять для него воду.

Через несколько дней к нам пришла медсестра. Она вставила катетер в бедро Дженни, подключив его к маленькому портативному насосу на батарейках. Аппарат она прикрепила ремешком к ноге жены. Теперь насос постоянно подавал лекарства, сдерживавшие схватки, в кровь Дженни. Кроме того, на животе Дженни с помощью эластичного бинта зафиксировали огромную присоску, напомилавшую орудие пыток, с проводами, подсоединенными к телефону. Это была система постоянного мониторинга состояния беременной. Она позволяла медсестре в больнице трижды в день снимать показания пульса ребенка. Я сбегал в книжный магазин и вернулся с огромным количеством книг, которые Дженни проглотила буквально за три дня. Она старалась не терять присутствия духа, но скука и вечная тревога за здоровье своего неродившегося ребенка огорчали ее. Особенно тяжело было то, что ей, матери 15-месячного сына, запретили подходить к ребенку, брать его на руки, кормить, когда он был голоден, купать, когда он пачкался, и утешать, когда он плакал. Я клал сына на нее, когда она лежала, и он принимался таскать ее за волосы и совать пальцы в рот. Он показывал на вращающиеся лопасти вентилятора над кроватью и говорил: «Мама! Витиятлл!» Это вызывало у Дженни улыбку, но такого общения явно было недостаточно. Она понемногу сходила с ума.

Конечно, Марли постоянно навещал Дженни. На полу возле ее кровати валялась целая куча игрушек и замшевых косточек, которые Марли приносил на тот случай, если Дженни захочет поиграть и выскочит из постели. Так он и дежурил днями и ночами. Когда я возвращался с работы, тетушка Анита на кухне готовила обед, Патрик сидел рядом с ней на своем стульчике. Затем я шел в спальню и наблюдал, что Марли стоит возле кровати, положив на нее подбородок, и виляет хвостом, уткнувшись носом в шею Дженни, пока она читает, дремлет или просто смотрит в потолок, положив руку ему на спину. Я вычеркивал день за днем в календаре, чтобы она видела, как идет время, но это привело лишь к тому, что каждая минута, каждый час тянулись для нее еще медленнее. Некоторые люди были бы счастливы провести жизнь в ленивом безделье, но Дженни другая. Она была рождена для активной жизни, и вынужденная праздность невольно, шаг за шагом, разрушала ее. Она напоминала моряка, попавшего в штиль, который с нетерпением ждал хоть отдаленного намека на ветер, способный наполнить паруса, чтобы продолжить путешествие. Я старался подбодрить ее: «Через год мы будем со смехом вспоминать все это», но сам чувствовал неубедительность своих слов. Иногда взгляд Дженни становился совсем отрешенным.

* * *

Когда Дженни остался ровно месяц до окончания постельного режима, тетушка Анита собрала чемоданы и попрощалась с нами. Она прожила у нас сколько могла и даже неоднократно откладывала свой отъезд, но у нее дома остался муж, у которого, как она сама в шутку говорила, были все шансы превратиться в дикаря из-за постоянного сидения перед телевизором и чрезмерной тяги к круглосуточным спортивным каналам. Мы снова остались одни.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Я делал все возможное, стараясь удержать наш корабль на плаву: вставал по утрам, чтобы искупать и одеть Патрика, накормить его сухим завтраком и пюре из моркови и выйти с ним и Марли хотя бы на короткую прогулку. Затем я оставлял Патрика у Сэнди и забирал его вечером после работы. Я приезжал домой в обед, чтобы покормить Дженни и принести ей почту – пожалуй, это было самое яркое дневное событие в ее жизни, – играл с Марли и пытался прибраться в доме, который постепенно принимал запущенный вид. Трава не скошена, белье не выстирано, стеклянная дверь на веранде разбита, после того как Марли, словно герой мультфильма, вылетел через нее, чтобы поймать белку. Зато теперь пес мог беспрепятственно входить и выходить из дома. Долгие часы он находился рядом с прикованной к кровати Дженни. «Я почию дверь, – каждый раз обещал я. – Сегодня же». Но тревожный взгляд жены останавливал меня. Ей приходилось собирать свою волю в кулак, чтобы не вылезти из кровати и не начать приводить дом в порядок. Когда ночью Патрик засыпал, я бегал в магазин, а иногда гулял в парке. Мы питались продуктами, доставляемыми на дом, и макаронами. Дневник, который я вел годами, пришлось забросить. У меня просто не оставалось ни времени, ни сил на него. Вот одна из моих последних коротких записей: «У меня просто ни на что не остается времени».

Наконец наступила тридцать пятая неделя беременности Дженни. Из больницы приехала медсестра и сказала: «Поздравляю, девочка моя! Ты справилась. Теперь ты снова свободна». Она отключила насос, удалила катетер, упаковала монитор, который отслеживал состояние ребенка, и передала указания врача. Дженни могла вернуться к обычному образу жизни. Никаких ограничений. И никаких медикаментов. Мы даже могли заняться сексом. Ребенок теперь полностью сформировался. Если начнутся роды – замечательно! «Радуйся, – добавила медсестра. – Ты это заслужила».

Дженни подбросила Патрика над головой, поиграла с Марли в саду и погрузилась в домашние заботы. В ту ночь мы отметили событие, поужинав в индийском ресторане и посмотрев шоу в местном клубе. На следующий день в продолжение праздника мы втроем отправились в греческий ресторан. Не успели нам подать десерт, как у Дженни начались сильные схватки. Вообще-то они начались еще прошлой ночью, когда она ела ягненка в соусе карри, но она не обратила на них внимания. Она не собиралась из-за нескольких схваток отказаться от торжества, заслуженного с таким трудом. Но теперь от боли она согнулась пополам. Мы бросились домой, где нас уже ожидала Сэнди, которая согласилась посидеть с Патриком и присмотреть за Марли. Дженни осталась в машине, стараясь ровно дышать, пока я собирал ее вещи. Когда мы приехали в больницу и жену обследовали, оказалось, что шейка матки у Дженни раскрылась почти на семь сантиметров. Не прошло и часа, как я держал новорожденного сына на руках. Дженни целовала его пальчики на ручках и ножках. У ребенка был живой взгляд и розовые щечки.

– Ты сделала это, – объявил доктор Шерман. – Он безупречен.

Конор Ричард Грогэн появился на свет 10 октября 1993 года и при рождении весил 2 килограмма 632 грамма. От счастья даже не заметил, что по иронии судьбы на этот раз нас поместили в одну из самых роскошных палат, но времени насладиться комфортом попросту не было. Если бы роды начались раньше, Дженни пришлось бы рожать прямо на заправке. Мне даже не удалось понежиться на диване для отцов.

Нам многое пришлось пережить ради этого малыша, чтобы он родился здоровым, и считали рождение ребенка огромным событием. Впрочем, не настолько значительным, чтобы местные средства массовой информации упомянули о нем. Тем не менее под окном нашей палаты, на стоянке, образовалось скопление специализированных машин телекомпаний с устремленными вверх спутниковыми тарелками. Я видел, как репортеры с микрофонами готовились к записи репортажей перед камерами.

– Милая, – сказал я, – к тебе приехали папарацци. Медсестра, которая ухаживала за ребенком, сказала:

– Вы можете в это поверить? Там, в холле, Дональд Трамп. [15]

– Дональд Трамп? – переспросила Дженни. – Не знала, что он в положении.

Трамп сколотил многомиллионное состояние на продаже недвижимости и наделал много шума, когда несколько лет назад переехал в Палм-Бич и обосновался в просторном

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru поместье, которое ранее принадлежало Марджори Мерриуэзер Пост, единственной наследнице империи своего отца, Чарли Уильяма Поста, компании по производству сухих завтраков. Поместье называлось Mar-a-Lago, что в переводе означает «От моря к озеру». Оно занимало территорию около семи гектаров от побережья океана до Берегового канала. Там даже имелась площадка для гольфа с девятью лунками. Если встать в конце нашей улицы и посмотреть на другой берег канала, то можно увидеть возвышающиеся над пальмами остроконечные башенки особняка с 58 спальнями, который был построен в мавританском стиле. Трампы и Грогэны были почти соседями.

Я включил телевизор и узнал, что Дональд и его девушка Марла Мэйплз стали счастливыми родителями девочки, которую назвали Тиффани; она родилась немного позже, чем мой Конор.

– Нам надо пригласить их, чтобы наши дети поиграли вместе, – сказала Дженни.

Из окна мы наблюдали за суетой телевизионщиков, которым не терпелось запечатлеть Трампов с новорожденной на руках при выходе из больницы. Марла с наигранной застенчивостью улыбалась на камеры, глядя на малышку; Дональд приветственно махал рукой и бойко подмигивал.

– Я чувствую себя великолепно! – крикнул Трамп репортерам, и они укатили в роскошном лимузине.

* * *

На следующее утро, когда настало время отправляться домой, миловидная санитарка на пенсии, которая безвозмездно работала в больнице, вывезла Дженни и Конора в кресле-каталке через вестибюль и автоматические двери на крыльцо, залитое солнечным светом. Здесь уже не было ни съемочных групп, ни передвижных студий со спутниковыми тарелками, ни звукового сопровождения, ни репортажей в прямом эфире. Только мы и пожилая санитарка-волонтер. Хотя меня никто не спрашивал, но я тоже чувствовал себя великолепно. Не только Дональд Трамп раздувался от гордости за свою дочь.

Санитарка и Дженни с ребенком ждали, пока я подгонял машину. Прежде чем положить новорожденного сына в детское сиденье, я поднял его высоко над головой, чтобы малыша увидел весь мир (если кто-нибудь наблюдал за нами), и произнес:

– Конор Грогэн, каждая твоя частичка столь же уникальна, как у Тиффани Трамп, никогда не забывай об этом.

Глава 15

Ультиматум Дженни

Эти дни должны были бы стать счастливейшими в нашей жизни, и во многом они такими и были. Разница в возрасте у наших сыновей была 17 месяцев: один только родился, а второй уже начал ходить. Дети принесли нам глубочайшую радость. Однако депрессия, обрушившаяся на Дженни за время, проведенное в постели, никуда не исчезла. Несколько недель у нее было прекрасное настроение. Она легко справлялась с новыми обязанностями, поскольку теперь на нее легла ответственность за две жизни, которые целиком зависели от нее. Но временами она без внешнего повода становилась угрюмой и подавленной, словно ее обволакивал туман грусти, который не рассеивался по нескольку дней. Мы оба устали от недосыпания. Патрик по-прежнему будил нас по крайней мере один раз за ночь, а Конор часто плакал, требуя, чтобы его укачали или покормили. Нам редко выпадало больше двух часов непрерывного сна. Бывали ночи, когда мы становились похожи на зомби и бесшумно передвигались по дому со стеклянными, невидящими глазами: Дженни спешила к одному ребенку, я – к другому. Мы вставали в полночь, затем в два, в половине четвертого и еще раз в пять часов утра. А потом наступал рассвет, возвещавший начало нового дня, который приносил новые надежды и огромную, до боли в суставах, усталость, и все повторялось сначала. Из конца коридора доносился сладкий, радостный голос проснувшегося Патрика: «Мама! Папа! Витиятлл!» – и как бы мы ни старались повернуть время вспять, знали: ночь прошла, и поспать уже не удастся. Я начал варить более крепкий кофе и появлялся на работе в мятых рубашках и с пятнами от детской отрыжки на галстуках. Однажды утром в кабинете я поймал на себе взгляд одной симпатичной молодой сотрудницы. Она пристально смотрела на меня. Польщенный, я улыбнулся ей. Эй, сейчас, положим, я уже дважды отец, а женщины все еще обращают на меня внимание. Но тут она подошла и спросила: «Вы в курсе, что у вас на голове наклейка?»

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Но недосыпание – это лишь полбеды. Еще больше хаоса нашей жизни добавляла постоянная тревога за новорожденного. Конор не дотягивал до нормального веса младенца его возраста и плохо усваивал молоко. Все мысли Дженни были поглощены здоровьем ребенка, но он, казалось, не собирался облегчать ее жизнь. Она давала ему грудь, и он жадно сосал молоко. Но потом одним глубоким выдохом срыгивал все съеденное. Дженни снова брала его на руки, и он опять с жадностью сосал и вновь освобождал желудок. Снова и снова кормление повторялось по одному и тому же сценарию, доводя Дженни до исступления.

Врачи поставили диагноз «рефлюкс» [16] и направили на консультацию к специалисту, который дал нашему ребенку успокоительное и протолкнул ему в горлышко зонд, чтобы сделать гастроскопию. В конце концов организм Конора справился с недугом, и малыш набрал нужный вес, но на протяжении долгих четырех месяцев мы тревожились за него. Дженни пребывала в состоянии страха, стресса и разочарования, все это усугублялось отсутствием нормального сна. Она просто не находила себе места. Практически постоянно держала Конора на руках и беспомощно наблюдала, как он срыгивал молоко. «Я чувствую себя никчемной, – говорила она. – Ведь матери должны обеспечивать своим детям все необходимое». Она была как натянутая струна, и достаточно было малейшего нарушения порядка – незакрытая дверца серванта или крошки на столе, чтобы вспыхнула искра, чреватая взрывом.

Надо отдать должное Дженни: она никогда не переносила своего беспокойства на Патрика. И кормила обоих своих детей заботливо и терпеливо. Она отдавала им всю себя. Плохо было то, что ее неудовлетворенность и гнев обрушивались на меня и в особенности на Марли. Она утратила всякую терпимость. Пес стал для нее козлом отпущения и причиной невроза. Каждый его проступок, а их было много, приближал Дженни к истерике. Марли не понимал, что происходит с ней, и продолжал гнуть свою линию со свойственными ему легкомыслием, постоянными проделками и невероятным энтузиазмом. Я купил цветочный кустик и посадил его в саду, чтобы отметить рождение Конора. В тот же день Марли вырвал его с корнем и сжевал. Когда я наконец-то нашел время, чтобы вставить разбитое стекло в дверь, Марли, к тому времени уже привыкший выходить через зияющее отверстие, тут же снова разбил его. Однажды он исчез, а когда вернулся, в его зубах повисли женские трусики. Я даже не стал ломать себе голову вопросом, где он их взял.

Дженни все чаще давала псу прописанные доктором успокоительные таблетки, скорее, для собственного спокойствия, однако страх перед грозами становился сильнее день ото дня. Теперь даже при крапающем дожде Марли панически убегал. Если мы находились дома, он попросту приклеивался к нам, пачкая слюной нашу одежду. Если он оставался один, то искал укрытия своими привычными способами: делал подкопы под двери и сдирал штукатурку и линолеум. Чем больше я чинил, тем больше он крушил. За ним просто нельзя было угнаться! Это должно было доводить меня до бешенства, но я знал, что Дженни зла на нас обоих. Поэтому мне пришлось начать маскировать следы его активности. Если находил изжеванные туфлю, книгу или подушку, то прятал улики, прежде чем их находила она. Когда Марли врвался в наш маленький дом, как слон в посудную лавку, я шел по пятам, расправляя ковры на полу, поправляя журнальные столики и вытирая слюну, которую он разбрызгивал по стенам. Прежде чем Дженни успевала что-то заметить, я хватался за пылесос и собирал щепки в гараже, где он снова пытался выломать дверь. Я не ложился спать до глубокой ночи, замывая следы и отчищая грязь, чтобы утром, когда проснется Дженни, малейшее повреждение было исправлено. «Ради бога, Марли, ты что, ищешь своей гибели? – спросил я его однажды ночью, когда он стоял возле меня, виляя хвостом и облизывая мое ухо, пока я пытался залатать очередной погром. – Завязывай с этим».

И вот однажды вечером дело дошло до наказания. Я открыл входную дверь и увидел, как Дженни с кулаками набрасывается на Марли. Она истощно рыдала и колотила его так, будто стучала по барабану.

– Почему? Зачем ты все это делаешь? – орала она. – Почему ты все крушишь?

В этот момент я заметил, в чем провинился Марли: диванная подушка была разорвана, а набивка просыпалась. Марли стоял, понурив голову и расставив лапы, словно переживал ураган. Он не пытался удрать или уклониться от ударов; он стоял перед Дженни и сносил каждый удар без стонов и жалоб.

– Эй-эй-эй! – закричал я, хватая ее за запястья. – Ну же, остановись. Стоп.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
Стоп.

Она тяжело дышала сквозь всхлипывания.

– Стоп, – повторил я.

Я встал между ней и Марли и посмотрел в глаза Дженни. Казалось, на меня смотрел посторонний человек. Чужой взгляд.

– Уведи его отсюда, – в ее голосе слышались нотки недавней вспышки гнева. – Уведи его сейчас же.

– Хорошо, я уведу его, – сказал я, – только успокойся.

– Уведи его, и пусть он больше сюда не суется, – повторила она решительно.

Я открыл входную дверь, и Марли выскочил на улицу. Когда я собрался взять его поводок, Дженни добавила:

– Я больше не могу. Хочу, чтобы он исчез. Пусть он навсегда уйдет отсюда.

– Ну хватит, – отмахнулся я. – Ты же не имела это в виду.

– Именно это, – настаивала она. – Я сыта по горло этой собакой. Или ты найдешь ему новый дом, или это сделаю я.

Она не могла так думать. Она любила Марли. Она обожала его, несмотря на массу его недостатков. Да, она была расстроена, ее уровень стресса дошел до крайней точки. Но вскоре она отойдет и передумает. В тот момент мне показалось, что самое благоразумное – дать ей время остыть. И вышел, не сказав ни слова. Марли носился перед домом, подпрыгивая и лязгая челюстями, стараясь вырвать поводок у меня из рук. Он был прежним весельчаком, и на его настроение побои явно не повлияли. Я знал, что Дженни не причинила ему вреда. Должен признаться, временами я лупил его еще сильнее, когда мы играли с ним, и ему это нравилось, поэтому он даже требовал добавки. Терпимость к боли – отличительная черта этой породы; пес состоял из мышц и сухожилий. Однажды я мыл машину на подъездной дорожке, а он сунул голову в ведро с мыльной водой. Его морда застряла. Перепугавшись, пес вслепую пустился по газонам и бежал, пока со всего маха не врезался в бетонную стену. Однако удар не нанес ему вреда. Но стоило в состоянии гнева слегка шлепнуть его по заду ладонью или строго поговорить с ним – и пес выглядел глубоко уязвленным. Для туповатого недотепы, коим и был Марли, у него была слишком восприимчивая натура. Удары Дженни не причинили ему физического урона, но глубоко задела его чувства. Дженни значила для него все, она была его лучшим другом, и вдруг теперь неожиданно изменила свое отношение к нему. Она – его хозяйка, а он – ее верный слуга. Если она считала нужным наказать его, он покорно принимал эти удары. На фоне других собак он вовсе не идеален, но чего у него не отнимешь, так это преданности. И теперь мне предстояло уладить конфликт.

На улице я прицепил поводок к ошейнику и приказал: «Сидеть!» Он сел. Я поднял сдерживающий ошейник повыше, чтобы приготовиться к прогулке. Положил руку на голову Марли и помассировал ему шею. Он поднял нос и уставился на меня. Его язык свешивался чуть ли не до середины шеи. Казалось, что он уже не помнил об инциденте с Дженни, и мне оставалось надеяться, что она тоже успокоилась. «Что же мне теперь с тобой делать, дурачок?» – спросил я его. Он распрямился, словно пружина, и лизнул меня в губы.

Тем вечером мы с Марли прошли несколько километров, и, когда я наконец открыл дверь, он готов был тихо рухнуть от усталости в углу. Дженни кормила Патрика из баночки с детским питанием, а Конор лежал у нее на коленях. Она выглядела спокойной и, похоже, вернулась к своему обычному настроению. Я отцепил поводок Марли, и он долго пил воду, вытесняя жидкость к краям миски. Я вытер пол и бросил взгляд в сторону Дженни: она казалась невозмутимой. Кажется, кризис миновал. Видимо, она передумала. Возможно, она сама уже стыдилась своей вспышки гнева и искала слова, чтобы извиниться. Но когда я прошел мимо нее (Марли следовал по пятам), она сказала спокойным, тихим голосом, не глядя на меня:

– Я говорила серьезно. Больше не хочу его здесь видеть.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
* * *

Следующие несколько дней она повторяла свой ультиматум достаточно часто. Так, чтобы я понял, что это не просто слова. Она не просто выпустила пар и вовсе не собиралась сдаваться. Мне стало не по себе. Как бы пафосно это ни звучало, у нас с Марли возникла настоящая мужская дружба. Он был непослушным, своенравным, инакомыслящим, политически некорректным свободным художником – мне всегда хотелось стать таким, будь у меня достаточно смелости, поэтому я так радовался его необузданной энергии. Не важно, насколько трудной стала жизнь, но самим своим существованием он напоминал мне о простых житейских радостях. Пес никогда не давал забыть, что сознательное непослушание иногда обходится слишком дорого. В мире, где полно начальников, он был сам себе хозяин. При мысли, что с ним придется расстаться, мне становилось плохо. Но ведь сейчас у меня было двое детей, которые нуждались в моей заботе, и жена, в которой нуждался я. Мы все были связаны тончайшими нитями. Если расставание с Марли так важно для жены, как я мог проявить неуважение к ее желанию?

Я начал зондировать почву, открыто спрашивая друзей и коллег, не хотят ли они взять очаровательного энергичного двухлетнего лабрадора. От кого-то из знакомых я узнал, что по соседству с нами живет человек, помешанный на собаках, который не оставит ни одного пса в беде. Но даже он отказался. К сожалению, дурная слава Марли бежала впереди него.

Каждое утро я штудировал специализированные разделы газет в надежде увидеть там невероятное объявление: «Ищу дико энергичного, неконтролируемого лабрадора с множеством фобий. Разрушительные способности не помеха. Заплачу приличную сумму». Я находил бойкие предложения о продаже молодых подращенных щенков, почему-то не пользовавшихся спросом. Многие из них были чистокровными, за которых хозяева несколько месяцев назад выложили несколько сотен долларов. Теперь же их отдавали почти даром или вовсе бесплатно. Подозрительно большое количество этих никому не нужных собак принадлежали к породе лабрадоров.

Объявления публиковались почти ежедневно. Они были одновременно и душераздирающими, и смешными до нелепости. На моей стороне были преимущества опытного человека, поэтому я видел попытки скрыть истинную причину продажи собак. Объявления пестрели яркими эвфемизмами, за которыми скрывался хорошо мне известный тип поведения. «Живой... любит людей... ему нужен большой сад... нужно место, где бы мог резвиться... энергичный... горячий... мощный... уникальный». В итоге складывался портрет собаки, не поддающейся контролю. Собаки, которая стала помехой для нормальной жизни. Собаки, от которой отрекается ее собственный хозяин.

Я невольно улыбнулся: уловки в некоторых объявлениях были просто смешны. Когда я читал: «неистово преданный», то понимал, что продавец имеет в виду «кусаются». «Верный товарищ» означало «боится одиночества», а «хорошая сторожевая собака» следовало читать как «громко и постоянно лает». Когда я видел словосочетание «лучшая цена», то понимал: отчаявшийся владелец собаки на самом деле спрашивал: «Сколько надо приплатить, чтобы вы избавили меня от этой твари?» Все это слишком печально, чтобы быть забавным. Я не боялся трудностей, и мне не верилось, что всегда оптимистично настроенная Дженни изменилась. Мы были не из тех, кто выносит свои проблемы в рекламные объявления. Бесспорно, у нас возникали трудности с Марли. Он абсолютно не походил на тех достойных собак, рядом с которыми прошло наше детство. У него множество вредных привычек и скверных манер. Этот вердикт вынес бы ему любой присяжный. Однако он уже не был тем несмышленым щенком, которого мы привезли домой два года назад. Он тоже старался, как мог. Как хозяева мы были обязаны вышколить его под свои запросы, но, с другой стороны, необходимо было научиться принимать сущность Марли. Не просто принимать, а ценить его нрав и неукротимый собачий дух. Мы принесли домой живое, сопящее существо, а не модный аксессуар, чтобы он красовался в углу. Хорошая или плохая, но это наша собака. Он был членом нашей семьи и, несмотря на все его недостатки, сполна отвечал на нашу доброту. Такую преданность не купишь ни за какие деньги.

я не был готов бросить его.

Пока я между делом подыскивал новый дом для Марли, то продолжал настойчиво тренировать его. Моя личная «Миссия невыполнима» заключалась в следующем: перевоспитать эту собаку и доказать Дженни, что наш пес достоин жить с нами. Клянясь недосып, я вставал с рассветом, усаживал Патрика в прогулочную коляску и

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru направлялся на побережье, чтобы подвергнуть Марли новому испытанию. «Сидеть!» «Стоять!» «Лежать!» «Рядом». Мы повторяли команды снова и снова. В моем голосе звучало отчаяние, и Марли, похоже, это чувствовал. Сейчас ставки оказались слишком высоки, и положение было серьезным. Когда он не хотел понимать этого, я произносил жесткую фразу: «Мы пришли не ради того, чтобы тратить время впустую, Марли. Понимаешь? Вперед». И мы отработывали все команды заново, а мой помощник Патрик хлопал ручонками и кричал своему большому палевому другу: «Пиятель! Уэээ-о!»

К тому времени, когда я снова записал Марли на занятия, он уже перестал быть тем малолетним хулиганом, который когда-то отличился там своим поведением. Он все еще был диким, как кабан, но теперь он уже усвоил: я – его хозяин, а он – мой подчиненный. На этот раз почти не было позывов побежать к другим собакам и никаких неконтролируемых обнюхиваний. Все восемь занятий я держал его на коротком поводке, а он был на седьмом небе от счастья поработать вместе. На последнем занятии наш инструктор – спокойная женщина, полная противоположность мисс Строгий Взгляд – сказала нам выйти вперед. «Итак, – произнесла она, – покажите, чему вы научились».

Я приказал Марли сесть, и он аккуратно опустился на землю. Я поднял сдерживающий ошейник твердым рывком и приказал ему идти рядом. Потом мы пробежали до автостоянки и обратно. Марли трусил рядом, его плечо терлось о мою ногу, согласно требованиям инструкции. Я снова приказал ему сесть, встав прямо перед ним и указывая пальцем на его лоб. «Сидеть», – сказал я уверенным тоном и отпустил поводок. Затем сделал несколько шагов назад. Его большие карие глаза внимательно следили за мной, ожидая малейшего знака с моей стороны, но не тронулся с места. Я сделал круг. Марли трепетал от возбуждения и крутил головой, не отрывая взгляда, однако не прыгал вперед. Вновь поравнявшись с ним, ради смеха я щелкнул пальцами и крикнул: «Ко мне!» Он сорвался с места так, словно увидел вкусную косточку. Инструктор прыснула со смеху. Это было добрым знаком. Повернувшись к нему спиной, отошел на три метра. Я чувствовал, как его взгляд буравит мне спину, но он удержался. А когда повернулся, пса била дрожь. Вулкан готовился к извержению. Затем, расставив ноги пошире, я принял боксерскую стойку и приказал: «Марли... – я выдержал паузу, – ко мне!» Он бросился ко мне во весь опор, и я приготовился. В последний момент мне удалось ловко отпрянуть в сторону с грациозностью тореадора, и он пронесся мимо, а затем повернул назад и уткнулся в меня носом сзади.

– Хороший мальчик, Марли! – вырвалось у меня, и я опустился на колени. – Молодец, молодец, молодец, мой мальчик! Хороший мальчик!

Он танцевал вокруг меня, будто мы только что вместе покорили Эверест.

Чуть позже инструктор подозвала нас и выдала Марли диплом. Собака прошла базовый курс дрессировки, заняв седьмое место в группе. Какое имеет значение, что занятия посещали всего восемь собак, и восьмым стал питбуль-психопат, который, казалось, при первой возможности убьет человека? Меня вполне устраивало, что Марли, мой безнадежный, недисциплинированный пес, который плохо поддавался обучению, сдал экзамен. Я был так горд, что хотел заплакать от радости, и я реально прослезился бы, если бы Марли не подпрыгнул и мгновенно не схватил свой диплом.

По дороге домой я в полный голос распевал *We Are the Champions*.^[17] Марли передались мои радость и гордость, и он облизал мне ухо. Большая редкость – я не возражал.

* * *

Конечно, я еще многому не научил Марли. Мне нужно было искоренить наихудшую из его привычек – привычку набрасываться на людей. Неважно, был ли это приятель или чужой человек, ребенок или взрослый, электрик, снимающий показания счетчика, или водитель службы курьерской доставки. Марли приветствовал всех одинаково: несся на полной скорости к двери, скользил по полу, подпрыгивал и клал передние лапы на грудь или плечи, одновременно облизывая лицо гостя. Когда он был милым щенком, это умиляло, но теперь стало невыносимо, даже ужасно для некоторых объектов его навязчивой симпатии. Он путался под ногами у детей, пугал гостей, пачкал рубашки и блузки наших знакомых, а однажды едва не сбил с ног мою ослабевшую маму. Никому это не нравилось. Я безуспешно пытался отучить его прыгать, используя стандартные приемы дрессировки. Пес не понимал, чего от него

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru хотят. И вот один уважаемый мною опытный владелец собаки как-то посоветовал:

– Если хочешь отучить его от этого, в следующий раз, когда он прыгнет на тебя, дай ему легонько коленкой под дых.

– Но я не хочу причинять ему боль, – возразил я.

– Не волнуйся, ему не будет больно. Несколько хороших тычков коленом, и гарантирую, он перестанет прыгать.

Это был тяжелый период. Марли предстояло или измениться, или покинуть нас. Вернувшись на следующий вечер с работы, я нарочно крикнул, стоя в дверях: «Я дома!» Как обычно, Марли на полной скорости помчался по деревянному полу, чтобы поприветствовать меня. Последние метры он проехал, как по льду, а потом поднялся, чтобы упереться лапами мне в грудь и чмокнуть меня в нос. Как только он коснулся меня лапами, я легонько ударил его коленом, целясь под дых. Он заскулил и опустился на пол, растерянно глядя на меня и стараясь понять, что на меня нашло. Он всегда насккивал на меня. За что этот неожиданный удар?

На следующий вечер я повторил наказание. Пес прыгнул, я толкнул его коленом, и он упал на пол, откашливаясь. Мне не хотелось становиться тираном, но если это единственный способ спасти Марли, то дело нужно было довести до конца. «Прости, приятель, – извинился я и наклонился к нему, чтобы он мог облизать меня, стоя всеми четырьмя лапами на полу. – Это ради твоего же блага».

В третий раз он выбежал мне навстречу из-за угла и, приближаясь, начал свой коронный номер со скольжением. Однако тогда Марли изменил своей привычке. Вместо того чтобы прыгнуть, он, не отрывая лап от пола, врезался головой в мои колени, едва не сбив меня с ног. Я расценил это как победу. «Ты сделал это, Марли! Ты сделал это! Хороший мальчик! Ты не прыгнул!» И я присел, чтобы он мог облизать меня без риска получить вероломный удар под дых. Я был потрясен. Марли удалось убедить.

Однако проблема оставалась. Возможно, он больше не будет насккивать на меня, но это не означало, что он будет вести себя так же и с остальными. Пес был достаточно сообразителен, чтобы понять: только я представляю для него реальную угрозу, а на других представителей породы людей он может и дальше безнаказанно прыгать. Мне требовалось закрепить урок, и с этой целью я позвал своего коллегу и близкого друга, корреспондента Джима Толпина. Джим был спокойным лысеющим книголюбом в очках, который не отличался крепким телосложением. Если и был человек, на кого Марли мог бы прыгать без всяких последствий для себя, так это Джим. Однажды в офисе я изложил ему свой план. Он должен был зайти ко мне после работы, позвонить в дверь и войти. Когда Марли прыгнет на него, чтобы поцеловаться, Джим даст ему максимально возможный отпор. «И не стесняйся, – наставлял я приятеля. – Когда дело касается Марли, никаких нежностей».

Джим позвонил в дверь тем же вечером. Естественно, Марли попался на удочку и помчался навстречу так, что уши прижимались к голове. Как только он сделал рывок, чтобы прыгнуть на Джима, тот с непритворным старанием последовал моему совету. Не желая выглядеть слабаком, он нанес сокрушительный удар, угодив коленом в солнечное сплетение Марли, и чуть не выбил из него дух. Гулкий звук удара был слышен даже в комнате. Марли громко простонал и, закатив глаза, рухнул на пол.

– О боже, Джим, – сказал я. – Ты что, изучал кунг-фу?

– Ты же сам просил: никаких нежностей, – ответил он.

И он оказался прав. Марли поднялся, отдышался и поприветствовал Джима подобающим собаке образом, стоя на четырех лапах. Если бы он мог говорить, клянусь, он бы сейчас вслух признал свое поражение. Больше Марли никогда ни на кого не бросался, по крайней мере в моем присутствии, и больше никто не бил его коленом ни в грудь, ни куда еще либо.

* * *

Однажды утром, вскоре после того, как Марли покончил со своей привычкой прыгать на людей, я проснулся и увидел свою прежнюю жену. Моя Дженни, любимая женщина, которая на время затерялась в густом тумане грусти, снова была рядом.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Послеродовая депрессия закончилась так же внезапно, как и началась. Дженни будто избавилась от своих демонов. Они исчезли, к нашей радости. Она была сильной и оптимистичной и не просто справлялась со всеми обязанностями молодой матери двух детей, но шла вперед. Марли снова ощутил ее благосклонность. Держа обоих детей на руках, она наклонялась, чтобы поцеловать его. Кидала ему палки и выливала в его миску подливку, оставшуюся от бифштекса. Кружила с ним по комнате под хорошую музыку. Иногда по ночам, когда Марли успокаивался, я видел, как она ложилась рядом с ним на полу, положив голову ему на шею. Дженни вернулась. Слава богу, она снова с нами.

Глава 16 Кинопроба

В жизни случаются поразительные вещи, слишком невероятные, чтобы такое можно было придумать. Когда Дженни позвонила мне на работу и сказала, что Марли приглашают на кинопробы, я знал, что она не могла это сочинить. Тем не менее отнесся к новости недоверчиво.

- Куда приглашают? – переспросил я.
- На кинопробы.
- Ты имеешь в виду сниматься в кино, да?
- Да, сниматься в фильме, глупыш, – ответила она. – В полнометражном фильме.
- Марли? В полнометражном фильме?

Некоторое время диалог продолжался в том же ключе, поскольку я пытался соединить образ нашего туповатого пожирателя гладильных досок с образом знаменитой Лэсси, спасающей детей из горящих зданий.

- Нашего Марли? – спросил я снова, чтобы окончательно удостовериться.

Оказалось, это правда. Неделю назад нам позвонила начальница Дженни и сказала, что у нее есть подруга, которая хочет попросить нас об услуге. Этой подругой была Колин Макгарт, местный фотограф, которую нью-йоркская киностудия Shooting Gallery привлекла к работе над фильмом. Первоначально съемки были запланированы в Лейк-Уорте. Этот городок находился южнее нас. В обязанности Колин входило подыскать «типичное семейство в Южной Флориде» и все детально сфотографировать, любую бытовую мелочь: книжные полки, магниты на холодильнике, даже шкафы – в общем, все убранство дома, чтобы помочь режиссерам воссоздать колорит.

- В съемочной группе веселые и милые люди, – сказала Дженни ее босс. – Они хотят показать жизнь местных семей с детьми.
- Что-то вроде социологического исследования, – подметила Дженни.
- Именно.
- Идет, – согласилась Дженни, – если только к их приезду мне не придется наводить глянец в доме.

Колин приехала к нам и принялась фотографировать, причем она снимала не только наши вещи, но и нас самих, чтобы запечатлеть, как мы одеваемся, причесывались, как нежились на диване. Она снимала даже зубные щетки на раковине. Она щелкнула детей, спящих в кроватках. Не остался без внимания и «типичный» для семьи кастрированный пес. По ее замечанию, высказанному позднее, «он – яркое пятно в вашей жизни».

Марли, разумеется, пребывал в восторге. Впервые после рождения детей его желание попасть в фокус внимания (не важно, по какой причине) исполнилось. Колин нравились крупные животные, не пугали «потоки слюны», и она уделяла собаке достаточно времени, даже боролась с ней, встав на колени.

Пока Колин занималась делом, я предавался мечтам. Мы не просто позволили создателям фильма увидеть изнутри жизнь нашей семьи. По существу, нам устроили кинопробу. Я слышал, что актеров второго плана и участников массовок будут набирать среди местных жителей. Что, если режиссер заметит настоящую звезду

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru среди кухонных магнитов и постеров? Порой происходят невероятные вещи.

Я представил себе режиссера в облике Стивена Спилберга, который склонился над столом с разбросанными по нему сотнями фотографий. Он торопливо переворачивает их, бормоча: «Мусор! Отстой! Это никуда не годится». И вдруг замирает, глядя на очередное фото – на нем обычный женатый мужчина чистит ковер. Режиссер тычет в фотографию и кричит своим помощникам: «Приведите мне этого человека! Он должен сыграть в моем фильме!» Когда они наконец находят меня, по скромности сначала нахожусь в замешательстве, но спустя некоторое время соглашаюсь сыграть главную роль. Пусть шоу продолжается.

Колин поблагодарила нас за гостеприимство и ушла. Она не дала ни малейшего повода надеяться, что с нами свяжется представитель киногоруппы. Со своей стороны мы сделали все возможное. Тем не менее, когда через несколько дней Дженни позвонила мне на работу и сообщила: «Я только что говорила по телефону с Колин Макгarr. Ты НЕ поверишь, что она сказала», я не сомневался: моя звезда зажглась. Сердце готово было выскочить из груди.

– Не поверю чему? – спросил я.

– Она говорит, что режиссер хочет попробовать Марли.

– Марли? – переспросил я, словно ослышался. Но она, похоже, не почувствовала в моем голосе смятения.

– Именно! Он ищет на роль домашнего животного огромного, глупого, чудаковатого пса, и Марли его заинтересовал.

– Чудаковатого? – переспросил я.

– Так передала его слова Колин. Огромный, глупый и чудаковатый.

Что ж, в таком случае режиссер не ошибся адресом.

– А Колин не говорила, случайно, режиссер упоминал обо мне?

– Нет, – ответила Дженни. – С какой стати?

На следующий день Колин увезла Марли. Понимая всю важность первого выхода на съемочную площадку, пес пустился навстречу через гостиную, чтобы радостно поприветствовать ее, и притормозил, чтобы схватить зубами ближайшую подушку, – ведь никогда не знаешь, когда вечно занятой режиссер захочет вздремнуть, и, если это случится, Марли будет на месте.

Как только его лапы опустились на деревянный пол, он переключился на режим скольжения, который продолжался, пока Марли не врезался в журнальный столик. Столкнувшись со стулом и приземлившись на спину, Марли покатился, выдерживая траекторию; все закончилось лобовым столкновением с ногами Колин.

– Вы точно не хотите, чтобы мы дали ему успокоительное? – уточнила Дженни.

Режиссеру была нужна его непринужденность, естественность, упорствовала Колин, и она сразу же отправилась с нашим безмерно счастливым псом на пробы, посадив его на переднее сиденье своего огромного джипа красного цвета.

Через два часа Колин и ее спутники вернулись, заявив, что кинопроба Марли утверждена. «Да ну! – воскликнула Дженни. – Не может быть!» Наш восторг не померк, когда Колин сказала, что Марли был единственным претендентом на роль, и даже когда добавила, что его роль будет единственной неоплачиваемой в фильме.

Я поинтересовался, как проходила кинопроба.

– Я посадила Марли в машину и всю дорогу чувствовала себя так, словно находилась в джакузи. Он обнюхивал все вокруг. К тому времени, когда мы доехали, на мне не осталось сухого места.

Съемочная группа разместилась в отеле Gulf Stream, обветшалой туристической достопримечательности прошлых лет, которая возвышалась над Береговым каналом.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Марли произвел на группу неизгладимое впечатление: выскочив из машины, он стал метаться по стоянке, словно вот-вот начнется бомбардировка.

– Он носился как ненормальный, – заключила Колин. – Полный псих.

– Да он просто немного перевозбудился, – сказал я, желая защитить Марли.

По рассказу Колин, в какой-то момент Марли выхватил чековую книжку из рук одного из членов съемочной группы и попытался удрать, выписывая на асфальте восьмерки. Очевидно, он решил таким образом выбить для себя ставку.

– Мы называем его лабрадор-бегун, – извиняющимся голосом вступилась Дженни, сияя улыбкой гордой матери.

Наконец Марли угомонился в достаточной мере, чтобы убедить всех: он сможет справиться с ролью, которая в основном заключалась в том, чтобы сыграть самого себя. Фильм назывался «Последняя пробежка на базу». Эта лента – фантазия на тему бейсбола: 79-летний обитатель дома престарелых на пять дней превратился в 12-летнего мальчишку ради своей мечты – сыграть в лиге детских бейсбольных команд. Марли исполнил роль гиперактивного пса тренера одной из команд лиги, на роль которого пригласили ушедшего из спорта кетчера высшей лиги Гари Картера.

– Они действительно хотят, чтобы Марли снимался в фильме? – продолжал сомневаться я.

– Он всем понравился, – ответила Колин. – Он идеален.

В оставшиеся до съемок дни мы заметили едва обозначившуюся перемену в поведении Марли. Он стал до странности спокойным. Слово утверждение его кинопробы придало ему уверенности. В его манере подавать себя появилось что-то величавое. «Может, он просто нуждался в том, чтобы кто-то в него поверил?» – спросил я у Дженни.

Моя жена совершенно преобразилась. Теперь она была Матерью Выдающегося Актера. Накануне съемок она искупала Марли, расчесала его, подрезала когти и почистила уши.

В утро первого съемочного дня, выйдя из спальни, я увидел Дженни и Марли. Они сплелись в клубок, перекатывающийся по комнате, словно сошлись в рукопашной схватке. Дженни зажала пса ногами, плотно обхватив его ребра, и одной рукой крепко держала за ошейник. Марли сопротивлялся и извивался. Казалось, я стал свидетелем родео.

– Ради бога, что ты делаешь? – спросил я.

– А на что похоже? – ответила она вопросом на вопрос. – Чищу ему зубы!

Действительно, в руке Дженни держала зубную щетку и изо всех сил пыталась почистить его крупные белые зубы, а Марли, распространяя вокруг пену, нацелился эту щетку проглотить. В тот момент он явно напоминал бешеного пса.

– Ты что, взяла зубную пасту? – любопытно спросил я, а потом задал еще один, более важный вопрос:

– А каким же образом ты заставишь его сплюнуть?

– Это пищевая сода, – ответила Дженни.

– Ну слава богу, – обрадовался я. – Значит, это не бешенство?

Через час мы выехали в отель Gulf Stream; мальчики сидели в детских креслах, а Марли, как всегда пыхтевший, устроился между ними. Его дыхание было непривычно свежим. Нам сказали приехать к девяти утра, но, проехав квартал, мы попали в пробку. Дорога впереди была перекрыта, и полицейский отводил движение подальше от отеля. Съемки освещались в прессе с большой помпой – это было величайшим событием для сонного Лейк-Уорта со времен съемок фильма «Жар тела» 15-летней давности. Рядом собралось множество зевак. Полиция их сдерживала, как могла. Мы перемещались с черепашьей скоростью, и, когда наконец подъехали к полицейскому, я высунулся из окна и сказал:

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

– Нам надо проехать.

– Туда нельзя, – последовал ответ. – Продолжайте движение. Вперед.

– Но мы из съемочной группы, – возразил я.

Он скептически оглядел пассажиров, сидящую в машине пару с двумя детьми, которые едва научились ходить, и собаку в придачу.

– Сказано: двигай! – огрызнулся он.

– Но наш пес снимается в фильме, – не унимался я.

Тут он посмотрел на меня с искренним уважением.

– Так у вас собака? – спросил он. Собака значилась в списке.

– Да, у меня собака, – сказал я. – Пес Марли.

– В роли себя самого, – вставила Дженни. Полицейский повернулся и торжественно подал сигнал свистком.

– У него собака, – крикнул он полицейскому, стоявшему на полквартила впереди. – Пес Марли!

И тот крикнул еще кому-то: «У него собака! Пес Марли прибыл!»

– Пропустить! – крикнул издали третий полицейский.

– Пропустить! – отозвался второй.

Полицейский подошел к заграждению, показывая, что мы можем проехать.

– Вот сюда, – вежливо указал он. Я чувствовал себя королем. Когда мы проезжали мимо, он повторил, словно не мог в это поверить: «У него собака».

На автостоянке возле отеля полным ходом шла подготовка съемочной группы. По тротуару протянулись провода, стояли штативы камер, повсюду мелькали микрофоны. На лесах были установлены прожекторы. На вешалках в трейлерах висели костюмы. Для съемочной группы и артистов в тени были накрыты два стола с закусками и напитками. Вокруг, с важным видом, суетились люди в темных очках. Режиссер Боб Госс поздоровался с нами и вкратце рассказал о снимаемом эпизоде. Минивэн останавливается на обочине, хозяйка Марли, которую играла актриса Лиза Харрис, сидит за рулем. Ее дочь Даниэль – на эту роль взяли миловидную девушку из местной школы актерского мастерства, и сын, также подающий надежды актер лет восьми, сидят на заднем сиденье со своим домашним любимцем, то есть с Марли. Дочка открывает дверь машины и выпрыгивает, ее брат следует за ней, держа Марли на поводке. Они проходят мимо камеры. Конец сцены.

– Все довольно просто, – сказал я режиссеру. – Надеюсь, он справится с этим и проблем не будет.

Я отвел Марли в сторону, дожидаясь команды режиссера посадить его в машину.

– Итак, ребята, слушайте сюда, – сказал Госс, обращаясь к съемочной группе. – Пес немного необычный, понятно? Но пока он не выполнит свою задачу как надо, будем делать дубли.

Он объяснил свое понимание этой сцены: Марли – типичная семейная собака, и цель оператора – снять поведение типичной семейной собаки на типичном семейном пикнике. Здесь не требовалось никакой игры или наставлений, только киношная правдивость.

– Просто дайте псу расслабиться, – сказал он, – и постоянно работайте с ним.

Когда все были готовы начать съемку, я посадил Марли в фургон и передал нейлоновый поводок мальчику, который, видимо, побаивался собаку.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

– Он очень дружелюбный, – успокоил я его, – просто ему хочется облизать тебя, видишь? – Чтобы продемонстрировать это, я сунул свою кисть в пасть Марли.

Дубль первый. Минивэн останавливается на обочине. В то мгновение, когда дочь открывает дверь, огромный ком палевой шерсти вылетает из машины, как ядро из пушки, и проносится перед камерами, а сзади развевается красный поводок.

– Стоп!

Я побежал за Марли на автостоянку и притащил его обратно.

– Так, попробуем еще раз, – объявил Госс. Наклонившись к мальчику, он сказал: – Собака довольно дикая. Постарайся на этот раз держать поводок покрепче.

Дубль два. Минивэн останавливается. Дверь открывается. Дочь не успела выйти, а Марли высунул голову и перепрыгнул через нее, на сей раз прихватив с собой бледного от страха мальчика с побелевшими пальцами.

– Стоп!

Дубль три. Минивэн останавливается. Дверь открывается. Выходит дочь. Затем, держа поводок, вылезает мальчик. Он отходит от машины, поводок натягивается, но собаки не видно. Мальчик начинает изо всех сил дергать поводок. Ничего не происходит. Тикают длинные, впустую потраченные секунды. Мальчик корчит рожицу и поворачивается на камеру.

– Стоп!

Я заглянул в минивэн и увидел, как изогнувшийся Марли вылизывает себя там, где не подобает это делать ни одному мужчине. Он поднял голову и вопросительно посмотрел на меня: «Ты что, не видишь, я занят?»

Дубль четыре. Я сажаю Марли на заднее сиденье минивэна вместе с мальчиком и закрываю дверь. Прежде чем крикнуть: «Мотор!», Госс объявляет перерыв на несколько минут, чтобы посоветоваться с помощниками. В конце концов сцену начинают снимать. Минивэн останавливается. Дверь открывается. Выходит дочь. Затем появляется мальчик, но со странным выражением лица. Он смотрит прямо в камеру, протягивая свою руку, в которой зажата половина обшлюявленного и перегрызенного поводка.

– Стоп! Стоп! Стоп!

Мальчик рассказал, что, пока он сидел в машине в ожидании команды, Марли начал грызть поводок. Съёмочная группа и актеры недоверчиво смотрели на изгрызенный поводок, на их лицах появилось выражение почтительного трепета и ужаса, словно они только что стали свидетелями какого-то загадочного природного явления. А вот я почти не удивился. Марли отправил в мусор столько поводков и веревок, что я потерял им счет. Ему даже удалось перегрызть прорезиненный стальной кабель, в рекламной брошюре которого говорилось, что он «используется авиакомпаниями для буксировки самолетов». Вскоре после рождения Конора Дженни принесла домой новый ошейник для перевозки собак, который позволял цеплять Марли к ремню безопасности в машине, чтобы пресечь его поползновения прогуляться по движущемуся автомобилю. Марли хватило девяноста секунд, чтобы перегрызть не только сам ошейник, но и ремень безопасности нового авто.

– О'кей, давайте сделаем перерыв, – крикнул Госс. Повернувшись ко мне, он спросил на удивление спокойным голосом:

– Сколько времени нам потребуется, чтобы найти новый поводок?

Я представлял, во сколько режиссеру обходится каждая минута простоя, пока актеры и съёмочная группа сидят без дела.

– Отсюда метров восемьсот до зоомагазина, – сказал я. – Вернусь через пятнадцать минут.

– И на этот раз принесите что-нибудь покрепче, что он не сможет перегрызть, –

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru добавил режиссер.

Я вернулся с громоздкой цепью, своим видом она напоминала те, что используют дрессировщики львов, и съемки возобновились – один неудачный дубль за другим. Каждый новый дубль был хуже предыдущего. В какой-то момент Даниель, игравшая роль девочки-подростка, пронзительно крикнула от отчаяния и воскликнула с неподдельным ужасом:

– О господи! Он выставил свою штуку!

– Стоп!

В другой сцене Марли настолько громко пыхтел у ног Даниель, когда она звонила своему приятелю, что инженер звукозаписи с отвращением снял наушники и вслух пожаловался:

– Я ни слова не слышу из того, что она говорит. Только тяжелые собачьи вздохи. Прямо как озвучка для порнофильма.

– Стоп!

Так прошел первый съемочный день. Марли был сущим бедствием. С одной стороны, я защищал его: а чего они собственно ждали задаром? Лэсси? – но, с другой – был обижен. Глядя на съемочную группу и актеров, ясно читал на их лицах: «Откуда взялся этот монстр и как его спровадить?» В конце дня один из ассистентов с блокнотом на планшетке сообщил, что расписание съемок на завтрашнее утро еще не утверждено.

– Завтра можете не приезжать, не утруждайте себя, – сказал он. – Если потребуется участие Марли, мы позвоним. – И чтобы не оставалось никаких сомнений, добавил: – Так что без приглашения не появляйтесь. Ясно?

Все понятно, ясно как божий день. Госс поручил своему подчиненному проделать грязную работу. Актерской карьере Марли пришел конец. И у меня не было оснований никого винить. Марли, очевидно, был настоящим кошмаром для кинорежиссеров. Никто не знает, сколько тысяч долларов потеряно по его вине из-за ненужных пауз и его ужасной игры. Он перепачкал множество костюмов, набросился на стол с закусками и едва не опрокинул камеру стоимостью 30 000 долларов. Удалив нас с площадки, они защитили себя от новых потерь. Я прекрасно понимал, что означают слова: «Не звоните нам, мы сами перезвоним».

– Марли, – сказал я, когда мы оказались дома, – у тебя был шанс, и ты его упустил.

* * *

На следующее утро, когда я предавался сожалениям по поводу рухнувших надежд стать знаменитостью, раздался звонок. Звонил помощник режиссера, который попросил как можно скорее привезти Марли в отель.

– Вы хотите сказать, что берете его обратно? – спросил я.

– Именно так, – ответил он. – Боб хочет, чтобы он снялся в следующем эпизоде.

Я приехал через полчаса, все еще не веря, что нас пригласили еще раз. Госс был крайне взволнован. Он посмотрел отснятый накануне материал и пришел в полный восторг.

– Очень смешной пес! – выпалил он. – Невероятно забавный. Настоящий сумасбродный гений!

Я почувствовал, как спина моя распрямляется, а грудь раздувается от гордости.

– Мы всегда знали, что он самородок, – произнесла Дженни.

Съемки в Лейк-Уорте продолжались еще несколько дней, и Марли успешно снимался. Мы слонялись за кулисами вместе с родителями и поклонниками актеров, беседуя, общаясь и мгновенно замолкая всякий раз, когда рабочий сцены выкрикивал: «Приготовиться к съемке!» Когда же раздавалась команда: «Стоп!», общение

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru возобновлялось. Дженни даже удалось взять автографы у Гари Картера и Дэйва Уинфилда (в свое время последний был включен в Зал славы бейсбола, его сняли в эпизоде); они подписали мячи для наших сыновей.

Марли купался в лучах славы. Члены съемочной группы, особенно дамы, ласкали его. Стояла страшная жара, и на одного из помощников была возложена ответственная миссия – бегать за Марли с миской и бутылкой воды и поить его, когда пес захочет. Казалось, абсолютно все угощали его закусками со стола. Я оставил его со съемочной группой на пару часов, чтобы появиться на работе, а когда вернулся, увидел, как Марли вальяжно развалился на земле, задрав лапы, а одна очень красивая гримерша с нежностью почесывала его живот. «Он такой лапочка!» – ворковала она.

Я тоже подхватил звездную болезнь. И представлялся как Хозяин собаки Марли, и бросался фразами типа: «Надеемся, что в следующем фильме ему достанется роль лающего пса».

Как-то раз во время перерыва между съемками я направился в вестибюль отеля, чтобы позвонить из автомата. В нескольких метрах от меня Марли, который был без поводка, обнюхивал мебель. Консьерж, по ошибке приняв мою кинозвезду за бездомного пса, попытался выгнать его из холла. «А ну-ка пошел вон! Фу!» – пугал он.

– Эй, – заступился я, прикрыв ладонью телефонную трубку и смерив консьержа испепеляющим взглядом. – Вы вообще представляете, с кем говорите?

Мы провели на съемках четыре полных дня, и, когда нам сказали, что все эпизоды с участием Марли уже отсняты и его услуги больше не потребуются, я и Дженни воспринимали себя сотрудниками компании Shooting Gallery. Единственными, кто не получил за съемки денег, но все же сотрудниками. «Мы любим вас, ребята! – крикнула Дженни всем, кто мог услышать, пока мы загоняли Марли в машину. – Ждем не дождемся выхода фильма!»

Ждать пришлось довольно долго. Один из продюсеров попросил нас перезвонить им через восемь месяцев. Они обещали отправить нам копию фильма до премьеры. Но когда я позвонил, секретарь попросила подождать, а через несколько минут сообщила: «Попробуйте перезвонить через пару месяцев». Я ждал и пробовал, ждал и пробовал, но меня неизменно просили перезвонить позже. Я стал ощущать себя настырным преследователем и легко представлял, как секретарша в приемной, прикрывая трубку рукой, шепчет Госсу, сидящему рядом за монтажным столом: «Это опять тот чокнутый парень с собакой. Что ему сказать на этот раз?»

В конце концов я перестал названивать, смирившись с тем, что никогда не увижу «Последнюю пробежку на базу», придя к выводу, что никто ее не увидит, а проект забросили, положив на полку в монтажной, поскольку из каждой сцены нужно было вырезать проклятую собаку. Лишь спустя два года у меня появилась возможность оценить актерские способности Марли.

Однажды я зашел в видеопрокат и неожиданно для самого себя спросил о фильме «Последняя пробежка на базу». Оказалось, эта лента есть в прокате. И по счастливой случайности кассета была в наличии.

Чуть позже я узнал всю грустную правду. Компания Shooting Gallery не смогла найти общенационального дистрибьютора для проката картины, и у нее не оставалось много выбора, как передать дебютную картину Марли непосредственно в видеопрокат. Таким образом, судьба фильма оказалась незавидной. Но мне было все равно. Я помчался домой и крикнул Дженни и детям, чтобы все быстро собрались у видео. Марли мелькал на экране не больше пары минут, но, надо сказать, это были самые лучшие сцены. Мы смеялись! Мы плакали! Мы веселились!

– Пятиль, это ты! – кричал Конор.

– Мы знамениты! – вторил ему Патрик.

Но Марли, который никогда не претендовал на что-то особенное, это не впечатлило. Он зевнул и устроился под журнальным столиком. К тому времени, как пошли титры, он уже впал в глубокий сон. Мы же с замиранием сердца следили за мелькавшими на экране именами актеров. На минуту мне подумалось, что наша собака не будет

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru упомянута. Но вот на экране появилась надпись большими буквами: «Пес Марли... в роли себя самого».

Глава 17

В стране Бокахонтас

Через месяц после окончания съемок фильма мы попрощались с Вест-Палм-Бич. В пределах квартала от нашего дома произошло еще два убийства. На самом деле даже не эти происшествия, а поднятая шумиха вокруг этих событий вынудила нас принять решение покинуть наш маленький домик на Черчилль-роуд. Большую часть наших вещей составляли детские игрушки. Башни из коробок высились до потолка, и наш дом стал напоминать склад игрушечной фабрики. К тому времени Марли весил 44 килограмма, и он просто не мог повернуться, чтобы не опрокинуть чего-нибудь. В доме было две спальни, и мы наивно полагали, что мальчики прекрасно уживутся в одной комнате. Однако когда они начали будить друг друга, удваивая наши ночные хлопоты, мы переместили Конора в узкий коридорчик, соединяющий кухню с гаражом. Вообще-то официально это место считалось моим «кабинетом», где я играл на гитаре и планировал семейный бюджет. Однако никого из тех, кому довелось наблюдать эту картину, это не умиляло, ведь по существу мы поселили нашего ребенка в коридоре. Звучит ужасно. Коридор, кстати, располагался возле гаража, который, в свою очередь, скорее служил собачьей конурой. И что же это за родители, если они поместили своего ребенка в собачью конуру? В коридорах, как правило, были сквозняки, грязь, уличная обувь, аллергены, насекомые. Вдобавок здесь мы оставляли миски с водой и едой для собаки даже после того, как там поселился Конор, и не потому, что так было удобно, а из-за сложившейся у Марли привычки.

Наша детская-коридор напоминала жилища героев Диккенса, но на самом деле была не так уж плоха, даже по-своему очаровательна. Изначально здесь был наружный проход между домом и гаражом, но несколько лет назад прежние владельцы соорудили навес. Перед тем как оборудовать здесь детскую, я заменил старые износившиеся рамы на современные, плотно подогнанные окна. А также сменил шторы и заново покрасил стены. Дженни постелила на пол мягкие коврики, повесила веселые рисунки, а с потолка теперь свешивались затейливые вертушки. Но как это выглядело со стороны? Наш сын спал в коридоре, и пес полностью распоряжался спальней хозяина.

Кроме того, Дженни стала работать на полставки из дому, пытаясь совместить карьеру и воспитание детей. Для нас определенно имело смысл перебраться поближе к моему месту работы. И мы решили переехать.

Жизнь полна сюрпризов, и вот один из них: после нескольких месяцев поиска нового места мы остановили свой выбор на доме в том городке Южной Флориды, над которым я обыкновенно открыто глумился. Это был Бока Ратон, что в переводе с испанского дословно означает «Рот крысы». И, признаться, ротик был что надо!

Бока Ратон являл собой респектабельный республиканский район, который преимущественно населяли недавние обитатели Нью-Джерси и Нью-Йорка. Все они обогатились сравнительно недавно и понятия не имели, как распорядиться большими суммами, не выставив себя на посмешище. Бока Ратон был миром роскошных седанов и красных спортивных машин, а у стоявших за высокими оградями покрытых розовой штукатуркой особняков дежурили охранники. Местные мужчины предпочитали носить льняные брюки и итальянские мокасины, которые надевали без носков, и тратили уйму денег на якобы важные звонки друг другу по мобильным телефонам. А дамы загорали до цвета своих сумок от Gucci, оттеняя кожу крашеными волосами неестественных серебристых и платиновых оттенков.

Город буквально кишел пластическими хирургами: у них были самые большие дома и самые широкие улыбки. Силиконовые импланты для большинства женщин Боки стали негласным подтверждением их права на жительство здесь. Женщины помоложе ограничивались операцией на груди, а женщины постарше добавляли к ней еще и подтяжку лица. Удаление жира с ягодиц, складок с живота, операции по выпрямлению носа и татуаж сделали ненужными косметические средства, придав населению города женского пола вид ходячих солдат из армии анатомически идеальных надувных кукол. Моя подпись к карикатуре в газете гласила: «Липосакция и силикон – лучшие друзья девушек в Бока Ратоне».

В своей колонке я нередко высмеивал образ жизни обитателей Боки, начиная с названия города. Жители Бока Ратона на самом деле никогда не называли свой город полным именем. Они просто сокращали его до привычного – Бока. Но они произносили это слово на особый манер, а не так, как требует норма, с долгим звуком «о»:

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru БО-ка. Скорее, их произношение напоминало особенность звучащей речи в Джерси и было назальным, с легким придыханием. Слово произносили как Бооу-ка, например: «О, как красивы подстриженные кусты в Бооу-ке!»

В это время в кинотеатрах шел диснеевский мультфильм «Покахонтас», и я написал пародию под названием «Бокахонтас». Моя главная героиня, облаченная в золотое одеяние, была туземной принцессой из пригорода. Она водила розовый «ВМВ», а ее твердые, увеличенные хирургическим путем груди упирались в руль, позволяя обходиться без помощи рук. Во время поездки в солярий в одной руке она держала мобильник, а другой – поправляла волосы, смотрясь в зеркало заднего вида. Бокахонтас жила в спроектированном модным дизайнером вигваме пастельного цвета, каждое утро начинала с занятий в тренажерном зале племени, но, конечно, только в том случае, если находила место для парковки не дальше, чем за три метра от входной двери. Вечера она посвящала шопингу, выискивая меха диких животных со своим верным другом – картой American Express в охотничьем заказнике, больше известном как Центральный городской гипермаркет.

«Похороните мою карту Visa в Мицнер-парке, самом фешенебельном месте для шопинга!» – торжественно произносит Бокахонтас в одной из моих статей. В другой заметке, посвященной нашей героине, она поправляет свой бюстгальтер из оленьей кожи и агитирует за исключение расходов на пластическую хирургию из суммы налогов.

Мои описания были жесткими и могли показаться некрасивыми, но на самом деле не сильно отличались от правды. Реальные принцессы Бокахонтас были верными читательницами этих колонок и постоянно старались угадать, с кого из них я срисовал вымышленную героиню на этот раз. (А я никогда не признавался.) Меня нередко приглашали выступить перед членами социальных и общественных организаций, и неизменно кто-нибудь вставал и спрашивал: «За что вы так ненавидите Бооу-ку?» «Во мне нет ненависти к Боке, – отвечал я, – просто в своих описаниях я люблю доводить ситуацию до абсурда». И ни к одному другому месту на свете он не подошел бы лучше, чем к милому розовому Крысиному Ротику.

Мы с Дженни остановили свой выбор на доме, который располагался в месте, забытом жителями Боки, – между поместьями вдоль побережья восточного Бока Ратона и надменными, отгородившимися ото всех заборами жителями западного Бока Ратона. (Эта часть территории не входит в список городов округа Палм-Бич; именно поэтому я сполна позлорадствовал их тревоге по поводу почтового индекса.) Наш новый район представлял собой одну из немногих частей города, где обитал средний класс, и его жители любили пошутить, что они живут в бедном квартале. Кроме того, здесь проходили две железные дороги: одна определяла восточную границу района, а другая – западную. Ночью можно было услышать шум товарных поездов, следующих в Майами.

– Ты что, с ума сошла? – сказал я Дженни. – Мы не можем поехать в Боку! Меня вышлют из города, а мою голову пустят на производство органических удобрений.

– Прекрати, – ответила она. – Ты, как всегда, утрируешь.

Газета Sun-Sentinel была лидером продаж в Бока Ратоне, значительно опережая по тиражу Miami Herald, Palm Beach Post и даже местную Boca Raton News. Мои статьи читали и в центральном, и в новых западных районах, а поскольку мое фото обязательно размещалось прямо над колонкой, меня часто узнавали. Не думаю, что сильно преувеличивал.

– Они заживо сдерут с меня кожу и вывезут мой скелет перед ювелирным магазином Тиффани, – добавил я.

Как бы то ни было, мы потратили на поиск жилья несколько месяцев, и это был первый дом, который отвечал всем нашим запросам. Он был нужного размера, находился в нужном месте и продавался по нужной цене, располагаясь между обоими офисами, куда мне приходилось мотаться. Средние школы здесь были не хуже, чем в Южной Флориде, а что касается экологии, то в городе Бока Ратоне были прекрасные парки, а также самые чистые пляжи во всем округе Майами-Палм-Бич. Я с трепетом и содроганием согласился на покупку, ощущая себя раскрытым агентом, который внедрился в стан неприятеля. Тот, кто вечно высмеивал Боку, хотел ворваться на их вечеринку у бассейна и мог ее испортить. Кто стал бы осуждать их за то, что они не хотели меня видеть?

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Когда мы в первый раз оказались в городе, я буквально крался по городу, пребывая в убеждении, что все смотрят на меня. У меня горели уши – мне казалось, что люди перешептываются, проходя мимо. Когда я написал сам себе приглашительное письмо (чувствуя себя при этом, мягко говоря, неловко) и напечатал его в своей колонке, то получил кучу писем, в которых писали примерно так: «Вы смешали наш город с грязью, а теперь хотите жить здесь? Какое лицемерие!» Нужно признать, они были правы. Мой коллега, горячий защитник Боки, теперь сполна отыгрался на мне. «Итак, – произнес он с ликованием, – ты решил, что вульгарная Бока в итоге не такое уж и дурное место, да? Парки, налоги, школы, пляжи, деление на районы – все это оказывается не так уж плохо, если собираешься купить здесь дом, правда?» Мне оставалось лишь отвернуться, признав свое поражение.

Вскоре я обнаружил, что большинство моих соседей, обитающих на островке между железными дорогами, были вполне доброжелательными читателями моих печатных нападок на Боку, в частности, разделяли мою точку зрения в вопросе «бестактности и вульгарности в нашей среде». Очень скоро я почувствовал себя как дома.

* * *

Мы поселились в старомодном доме 1970-х годов постройки. В нем было четыре спальни, по площади он превосходил наш прошлый дом в два раза, но был полностью лишен уюта. Однако он давал простор для творчества, и вскоре мы сделали из него райский уголок. Сняли грубый ковролин, заменив его дубовым полом в гостиной и итальянской плиткой в остальных комнатах. Поменяли уродливые раздвижные стеклянные двери на лакированные створчатые. Медленно, но неуклонно преобразался и заброшенный сад перед домом. Я посадил имбирь и другие экзотические растения, которые привлекали внимание и бабочек, и прохожих.

Два основных преимущества нового места жительства не были связаны с самим домом. Из окна гостиной открывался вид на небольшой городской парк, обустроенный детскими площадками под высокими соснами. Дети его обожали. А на заднем дворе прямо за новыми дверьми помещался бассейн. Поначалу в нем не было нужды, потому что мы беспокоились за мальчиков. Когда риелтор предложила наполнить бассейн водой, Дженни бросила на нее такой устрашающий взгляд, что той стало не по себе. Первое, что мы сделали в день новоселья, – огородили бассейн метровой решеткой, достойной самой надежной тюрьмы. Мальчиков – трехлетнего Патрика и полуторагодовалого Конора – тянуло к воде, как дельфинов. Парк неподалеку от дома был для нас чем-то вроде садика позади нашего прежнего дома, а бассейн, как мы оценили впоследствии, значительно скрашивал жаркие летние месяцы, казавшиеся бесконечными.

Никто не любил бассейн на заднем дворе так, как наш водоплавающий пес, горделивый потомок собак рыбаков, бороздивших просторы океанов вдоль берегов Ньюфаундленда. Если решетка бассейна была открыта, Марли бросался в воду. Он начинал свой разбег из гостиной, летел через стеклянные двери и, одним прыжком преодолев выможенный камнем дворик, плюхался животом в воду, вызывая этим большие брызги во все стороны. Плавание с Марли представляло собой смертельно опасное путешествие, как плавание поблизости тихоокеанского лайнера. Барабаня передними лапами по воде, он мог с силой врезаться в человека. Ты ожидаешь, что пес в последний момент свернет с курса, а он просто налетает на тебя и пытается забраться. Стоило высунуть голову из воды, как он начинал топить тебя. «Ну и на кого я теперь похож? На мокрую курицу?» – спрашивал я, сдерживая пса руками, чтобы он угомонился. Пока Марли слизывал капли с моего лица, его передние лапы по-прежнему продолжали загребать воображаемую воду.

Одна из проблем заключалась в том, что в нашем новом жилище отсутствовал «марлинепробиваемый» бункер. Бетонный одноместный гараж в старом доме считался почти несокрушимым. К тому же в нем имелось два окна, поэтому даже в разгар лета внутри было прохладно. У дома в Боке был двухместный гараж, но он не годился для Марли, да и для любого другого живого существа, которое не переносит температуру выше +60 градусов. В этом гараже не было окон, и там царили зной и духота. К тому же стены, построенные из пеноблоков (а не из бетона), как мы знали по опыту, Марли способен разнести вдребезги. А между тем, несмотря на прием успокоительного, его приступы паники, вызванные грозой, становились все опаснее.

В первый раз мы заперли его дома одного в подсобке рядом с кухней, оставив подстилку и большую миску с водой. Когда через несколько часов вернулись, он уже успел исцарапать дверь. Ущерб оказался минимальным, однако мы только что

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru заложили наши жизни на следующие тридцать лет для того, чтобы приобрести этот дом, так что не видели в этом ничего приятного.

– Может, он просто привыкает к новой обстановке, – высказал я предположение.

– Сейчас на небе ни облачка, – скептически подметила Дженни. – Что же будет, когда начнется гроза?

Когда в следующий раз пса оставили взаперти, мы получили ответ на свой вопрос. Увидев, что сгущаются тучи, мы поспешно прервали свою прогулку и помчались домой, но было слишком поздно. Дженни двигалась немного впереди и, открыв дверь подсобки, остолбенела: «О боже мой!». Она сказала это таким тоном, словно увидела труп, висящий на светильнике. И повторила: «О... боже... мой!». Я заглянул через ее плечо: все оказалось хуже, чем я думал. Марли тяжело дышал. По лапам и из пасти у него сочилась кровь. Повсюду валялись клоки шерсти. Погром, учиненный Марли на этот раз, не шел ни в какое сравнение с его прежними приступами паники. Была разрушена целая стена, уничтожена полностью, до потолка. Повсюду валялись щепки, куски пластика и сломанные когти. На полу лежал оголенный электрический провод, а пол и стены перепачканы кровью. Все выглядело так, словно здесь только что кого-то в упор расстреляли из дробовика.

– О боже мой, – выдавила в третий раз Дженни.

– О боже мой, – повторил я следом. У нас не нашлось иных слов.

После того как мы молча простояли несколько секунд, созерцая поле сражения, я наконец произнес:

– Ладно, мы справимся. Все это можно починить.

Дженни недоверчиво посмотрела на меня: ей были известны мои способности чинить.

– Я вызову мастера, и он все починит, – уточнил я. – Сам даже не стану браться за эту работу.

Я дал Марли таблетку успокоительного, а в глубине души у меня зарождалась тревога, как бы последние события не повергли Дженни в депрессию, которую она пережила после рождения Конора. Однако та апатия была пройденным этапом. Дженни на удивление философски отнеслась к инциденту.

– Несколько сотен баксов, и комната будет как новенькая, – проговорила она.

– Полностью с тобой согласен, – откликнулся я. – Организую дополнительные выступления, чтобы подзаработать. Так и оплатим ремонт.

Через несколько минут Марли успокоился. Его веки отяжелели, а глаза покраснели – под действием лекарств всегда наступала такая реакция. Сейчас он напоминал поклонников рок-группы Grateful Dead.[18] Я не мог видеть его в таком состоянии – просто не выносил этого, поэтому всегда возражал против таблеток успокоительного. Но прием лекарства помогал ему справиться с ужасом и обуздать мнимую смертельную угрозу. Если бы Марли был человеком, то я назвал бы его клиническим психопатом. Он страдал навязчивыми состояниями, паранойей и верил в существование какой-то темной злой силы, которая приходит с небес, чтобы забрать его. Он свернулся на коврике перед раковиной на кухне и глубоко вздохнул. Я опустился рядом с ним на колени и погладил собачью шерсть, испачканную запекшейся кровью. «Ну, песик, – произнес я. – Что же нам с тобой делать?» Не поднимая головы, он посмотрел на меня налитыми кровью, остекленевшими, невыразимо печальными глазами. Словно пес хотел поделиться чем-то важным, что мне было необходимо понять. «Я знаю, – проговорил я. – Знаю, что ты не можешь сдержаться».

* * *

На следующий день мы с Дженни взяли мальчиков, отправились в зоомагазин и купили гигантскую клетку. Там были клетки разных размеров, но когда я описал габариты Марли, продавец подвел нас к самой большой.

Она была настолько огромной, что даже лев мог стоять и свободно поворачиваться в ней. Она была изготовлена из тяжелой стали, имела два засова, чтобы дверь

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru надежно закрывалась, и тяжелый стальной лоток, закрепленный на днище. Это был наш ответ Марли, наш мобильный карцер. Конор и Патрик забрались внутрь, а я задвинул засовы, заперев их на минуту.

– Ну что, ребята? Как вы думаете, выдержит эта клетка нашего суперпса? – спросил я.

Конор покачал дверь клетки, просовывая пальцы сквозь прутья решетки, словно бывалый заключенный, и сказал:

– Я в тюйме.

– Пятыль будет нашим заключенным! – поддержал разговор Патрик. Подобная перспектива ему понравилась.

Вернувшись домой, мы поставили клетку возле стиральной машины. Мобильный карцер занял около половины площади подсобки.

– Марли, иди сюда, – позвал я, когда мы окончательно установили клетку. Я кинул игрушку, и он с удовольствием бросился за ней. Пока он ее грыз, не подозревая о новом испытании на своем жизненном пути (подобные эксперименты психиатры называют «принудительным вмешательством»), я закрыл за ним дверцу, заперев ее на засов.

– Твое место теперь здесь, когда нас не будет дома, – весело пояснил я.

Марли стоял, довольный и пыхтящий, без признаков озабоченности на морде, а затем, вздохнув, он улегся.

– Добрый знак, – отметил я. – Очень хороший знак.

В тот вечер мы решили испытать на практике собачью тюрьму строгого режима. На этот раз мне даже не понадобилось заманивать Марли. Я просто открыл дверцу, свистнул, и он сам забежал туда, стуча хвостом по металлическим прутьям.

– Будь хорошим мальчиком, Марли, – сказал я.

Когда мы посадили сыновей в минивэн, чтобы отправиться пообедать, Дженни сказала:

– Знаешь что?

– Что? – спросил я.

– Впервые за все время, что мы оставляем Марли одного, у меня не ноет под ложечкой, – призналась она. – До сегодняшнего дня я не осознавала, насколько это раздражает.

– Понимаю, – сказал я. – Обычно мы всегда гадали, что же Марли разрушит на сей раз.

– Да или во что нам обойдется этот короткий вечер, проведенный в кино.

– Это как русская рулетка.

– Думаю, клетка – наша самая полезная покупка, – добавила она.

– Нам следовало ее купить гораздо раньше, – согласился я. – Душевное спокойствие превыше всего.

Мы прекрасно пообедали, а потом задержались, чтобы полюбоваться закатом на пляже. Мальчики плескались в волнах, бегали за чайками, бросали горсти песка в воду. У Дженни был непривычно умиротворенный вид.

То обстоятельство, что Марли сидит в безопасности в карцере, то есть там, где он не может нанести увечье ни себе, ни причинить урон чему-либо другому, действовало на нас подобно целительному бальзаму.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru – Какой чудесный пикник мы устроили! – улыбнулась Дженни, когда мы подъезжали к дому.

Я собрался согласиться с ней, но вдруг боковым зрением заметил что-то странное. Повернув голову, взглянул в окно возле входной двери. Жалюзи закрыты – как всегда, когда мы уходили куда-нибудь. Но чуть выше подоконника пластины жалюзи были подняты, и сквозь них что-то просвечивало.

Что-то черное. И мокрое. Прижатое к стеклу.

– Какого... – начал я. – Как он мог... Марли?

Стоило открыть дверь, навстречу мне, разумеется, бросился наш пес. Он вился ужом в прихожей, невероятно счастливый, что хозяева снова вернулись домой. Мы прочесали весь дом, проверяя каждую комнату, каждый шкаф на предмет следов типичного поведения Марли, который был предоставлен сам себе. Дом находился в порядке, имущество не пострадало. Мы зашли в подсобку. Дверь клетки была распахнута, словно тайный сообщник Марли прокрался в дом и выпустил заключенного. Я присел на корточки, чтобы осмотреть замки. Засовы были отодвинуты, и с них стекала собачья слюна.

– Это сделано изнутри, – пришел я к выводу. – Каким-то образом наш Гудини[19] «пролизал» себе путь из Большого Домика.

– Быть такого не может, – сказала Дженни. Позже она добавила еще одно словцо, и я обрадовался, что дети находятся далеко и не слышат его.

Мы всегда считали, что у Марли мозга не больше, чем у инфузории, но он проявил достаточно сообразительности, чтобы понять, как с помощью своего длинного языка можно аккуратно сдвинуть засов. Он «пролизал» себе путь к свободе и в течение последующих недель доказал, что легко может повторить этот трюк, когда пожелает. Тюремного строгого режима на деле оказалась просто колонией. Бывали дни, когда мы возвращались и находили его мирно спящим в клетке, в другие он поджидал нас у окна. Марли практически невозможно было заставить что-либо сделать, если он сам этого не хотел.

Мы начали привязывать оба засова к прутьям толстыми электрическими кабелями. На какое-то время это сработало, но однажды, услышав отдаленные раскаты грома, мы примчались домой и обнаружили, что нижний угол дверцы клетки отогнут, будто его вскрыли огромным консервным ножом, а Марли с окровавленными лапами в панике застрял в дырке, наполовину высунувшись из клетки. Я, как мог, выпрямил стальную дверцу, а потом мы начали привязывать уже не только засовы, но и все четыре угла дверцы. А позднее нам пришлось усилить укрепление углов самой клетки, по мере того как Марли прикладывал все больше усилий, чтобы выбраться наружу. За три месяца блестящая стальная клетка, которую мы считали несокрушимой, приобрела такой вид, будто в нее прицельно стрельнули из гаубицы. Прутья были скручены и перевязаны, каркас утратил всякую форму, дверца вообще ни на что не похожа, а стенки выгнулись. Я продолжал укреплять конструкцию доступными мне способами, но она с трудом выдерживала напор Марли. Чувство защищенности, которое новое приобретение давало нам вначале, бесследно пропало. Каждый раз, покидая дом даже на полчаса, мы опасались, что наш заключенный с повадками маньяка начнет снова буйствовать, разрывая диваны, сокрушая стены и выгрызая двери. Прощай, душевный покой!

Глава 18

Обед на свежем воздухе

Марли вписался в пейзаж Бока Ратона не лучше меня. В городе жила (и, уверен, живет до сих пор) огромная свора мелких, твякающих, изнеженных собачонок – таких питомцев Бокахонтас носили с собой в качестве модного аксессуара. Они были любимыми маленькими игрушками, часто украшенные бантиками, порой от них пахло парфюмом, а у отдельных особей даже был маникюр. Их можно было увидеть там, где меньше всего ожидаешь встретить. Одна высовывается из дизайнерской дамской сумочки, пока ее хозяйка покупает бублики, другая дремлет на хозяйских полотенцах на пляже, а третья бежит на поводке со стразами следом за хозяйкой в дорогой антикварный магазин. Но обычно собачек можно было наблюдать в «Лексусах», «Мерседесах» и «Ягуарах», колесивших по городу, где они, как истинные аристократки, нежились на коленях своих хозяек, сидевших за рулем. По сравнению с Марли эти собачонки, конечно, казались крошечными. Мелкие интриганки

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru с утонченным вкусом. Марли был огромным, неуклюжим любителем обнюхивать чужие гениталии. Он искал приглашения стать членом их сообщества, но они от него отворачивались.

Занятия на собачьей площадке пошли Марли на пользу, и теперь им можно было неплохо управлять во время прогулок. Но если в поле его зрения попадало нечто достойное его внимания, он без колебаний бросался вслед, забывая о страхе удушья. Когда мы отправлялись на прогулку по городу, встреча с аристократичными собачками всегда заканчивалась приступом удушья. Заметив одну из них, он пускался следом за ней на полной скорости, таща меня или Дженни за собой на поводке, хотя у него на шее затягивалась петля и ему было трудно дышать. И всякий раз на порыв Марли отвечали нескрываемым пренебрежением, причем оно исходило не только от миниатюрной собачки из Боки, но и от ее хозяйки, которая быстро подхватывала малышку Фифи, Сьюзи или Шери с таким видом, словно вынула ее из пасти крокодила. Но Марли, похоже, это не останавливало. Когда в поле зрения попадала другая малышка, он проделывал то же самое, забывая о прежнем фиаско. Я восхищался его упорством, поскольку и сам ненавидел, когда меня отвергают.

Обеды на свежем воздухе были очень популярны среди жителей Боки, поэтому во многих ресторанах столики стояли прямо под пальмами. Их стволы и листья украшали нити гирлянд с маленькими белыми огоньками. Здесь можно было и себя показать, и на других посмотреть, потягивая латте и болтая по мобильному, пока твой спутник рассеянным взглядом изучал небо. Миниатюрные собачки были неотъемлемой частью атмосферы обедов под открытым небом. Пары брали с собой своих собачек и привязывали их поводки к металлическим столам. Там собачки с блаженством устраивались возле ног хозяев, а иногда их даже усаживали за стол, и они высоко задирали носы и принимали величественную позу, будто их раздражала нерасторопность официантов.

Однажды воскресным вечером мы с Дженни решили, что было бы здорово провести время за семейным обедом в одном из небольших ресторанчиков. «Живешь в Боке – будь как все», – произнес я. Мы посадили мальчиков и Марли в минивэн и направились в Мицнер-парк, центральную торговую площадь в итальянском стиле, с широкими тротуарами и множеством ресторанов и кафе. Припарковав машину, мы прошли примерно три квартала, а затем повернули обратно. Наша компания выглядела невероятно колоритно. Дженни везла мальчиков в коляске для двойняшек, сильно смахивавшей на грузовую тележку, – так много там было детских вещичек – от яблочного пюре до носовых платков. Я шел рядом, с трудом удерживая Марли на поводке, поскольку пес находился в состоянии полной боеготовности и выискивал глазами миниатюрных собачек. Он предвкушал возможность оказаться возле одной из маленьких чистокровок, которые прогуливались с надменным видом, и был возбужден, поэтому я крепко вцепился в поводок. Язык свешивался из пасти Марли, он пыхтел, как паровоз.

Мы выбрали один из ресторанов (цены в меню показались нам более или менее доступными) и погуляли, пока официант накрывал нам столик на свежем воздухе. Он располагался в тени, оттуда открывался вид на центральный фонтан на площади. Мы были уверены, что стол достаточно тяжелый, чтобы удержать лабрадора, который весил больше 40 килограммов. Я привязал конец поводка Марли к одной из ножек, и для начала мы заказали два пива и два яблочных сока.

– За прекрасный вечер с моей чудесной семьей! – произнесла тост Дженни. Мы чокнулись бутылками пива, а мальчишки – чашками. Тут-то все и завертелось. Все случилось так быстро, что мы, откровенно говоря, даже не сразу поняли, что стряслось. Помнили только, что сидели за симпатичным столиком на свежем воздухе, наслаждаясь замечательным вечером, а в следующее мгновение наш стол пришел в движение, пробивая себе дорогу сквозь множество других столов; он врзался в ни в чем не повинных людей и издавал отвратительный, резкий скрежет, который часто можно услышать на стройке, когда по бетонным плитам волокут металл. В первый миг, пока мы не осознали, какое бедствие на нас свалилось, казалось, наш стол стал одержимым и пытался сбежать от семьи неухоженных чужаков, посягавших на жизненный уклад Боки. Однако в следующий миг стало ясно: это вовсе не стол спасается от погони, напротив, он преследует нашего пса. Марли бежал впереди, изо всех сил волоча за собой наш столик. Поводок был натянут, словно струна рояля.

А через долю секунды я увидел, куда устремился Марли, взяв на буксир столик. В пятнадцати метрах от нас, задрав нос кверху, рядом с хозяйкой сидел потрясающий

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
французский пудель.

Черт возьми, думал я про себя, чем его так привлекают пудели? И так, мы с Дженни сидели с напитками в руках, а мальчики – рядом в коляске. Воскресный вечер проходил превосходно, за исключением того, что наш столик таранил толпу. Через мгновение мы вскочили, закричали, побежали, на ходу извиняясь перед гостями заведения. Я первым догнал ускользавший столик, но это удалось уже после того, как он со скрипом поехал по площади. Я ухватился за него, упершись ногами в землю, и потянул на себя изо всех сил. Вскоре ко мне присоединилась Дженни. Я ощущал себя героем боевика, который силой своих мускулов удерживает поезд, чтобы состав не сошел с рельсов и не разбился о скалы. Посреди этого бедлама Дженни крикнула детям: «Мы сейчас вернемся, мальчики!» Мы сейчас вернемся? Эта фраза прозвучала так просто и естественно, будто моя жена планировала подобное развитие событий и мы часто проделывали подобные фокусы. Словно всю жизнь развлекались таким образом, попутно глаза на витрины, прежде чем приступить к аперитиву.

Когда мы наконец остановили стол и Марли, пошатываясь, замер в 30 сантиметрах от пуделя и его впавшей в ступор хозяйки, я обернулся, чтобы проверить, как там мальчики, и в ту секунду впервые обратил внимание на лица посетителей ресторана. Немая сцена напоминала рекламный ролик, в котором шумная толпа замирает в ожидании совета по поводу выгодных инвестиций. Мужчины прервали свои разговоры и застыли с мобильниками в руках. Женщины смотрели на нас, открыв рот от изумления. Обыватели Боки пребывали в состоянии шока. Наконец Конор прервал молчание: «Пиятиль посел на пьогулку!» – закричал он в восторге.

Ко мне бросился официант, который помог вернуть стол на место, пока Дженни мертвой хваткой держала Марли, все еще жадно пожиравшего глазами объект своего вождения.

– Подождите, я накрою столик в другом месте, – сказал официант.

– Не стоит, – равнодушно отозвалась Дженни. – Мы заплатим за напитки и пойдем.

* * *

Вскоре после нашего забываемого выхода в свет в библиотеке мне попала книга известного британского инструктора Барбары Вудхаус под названием «Нет плохих собак». Как следовало из названия книги, автор придерживалась тех же взглядов, что и мисс Строгий Взгляд, первый инструктор Марли: для неисправимой собаки единственной помехой на пути к воспитанности был нерешительный, слабовольный хозяин. Проблема вовсе не в собаках, утверждала Вудхаус, она – в людях. Глава за главой автор описывала примеры самого вопиющего поведения собак, какое только можно вообразить: постоянное завывание, рытье земли, наскоки на людей, спаривание, укусы. Среди собак были такие, кто ненавидел исключительно мужчин или невзлюбил всех женщин, кто таскал вещи у хозяев, и собаки, которые из ревности набрасывались на беспомощных детей. Описывались даже экзemplяры, которые поедали собственные экскременты. Слава богу, подумал я, по крайней мере, хоть это не имеет отношения к Марли.

Пока читал книгу, мое мнение о нашей туповатой псине изменилось в лучшую сторону. Раньше мы считали Марли самой ужасной собакой на свете. Но теперь-то я знал, что у собак существует куча еще более кошмарных привычек, которых не водилось у Марли. Он не был жадным. И почти не лаял. Не кусался. Не кидался на других собак, если не считать любовного порыва. Он считал всех людей своими лучшими друзьями. А самое главное – он не ел экскрементов. К тому же, успокаивал я себя, плохих собак не существует, есть только такие бестолковые, неосведомленные владельцы, как мы с Дженни. И это наша вина, что Марли вырос таким.

Но вот я добрался до главы 24 «Если у вас умственно отсталая собака». Когда читал ее, у меня ком застрял в горле. Вудхаус описывала именно Марли, причем с таким тонким пониманием сути, что готов поклясться: она сидела в одной клетке с подобным существом. Автор отмечала маниакальные, эксцентричные выходки, тягу все крушить, оставаясь в одиночестве, упоминала исцарапанные полы и изжеванные коврики. Она описывала попытки хозяев таких животных «укрепить какое-либо место, скажем дом или двор, чтобы сделать его собакоустойчивым». Она даже упоминала успокоительные лекарства в качестве последней (и в большинстве случаев неэффективной) попытки хозяев вернуть своего умственно отсталого пса в русло

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru нормальной жизни.

«Некоторые из них не уравновешены от рождения, некоторые становятся такими под действием обстоятельств, но итог всегда одинаков: вместо того чтобы дарить своим хозяевам радость, собаки приносят одни заботы, расходы, а иногда и порождают отчаяние», – писала Вудхаус. Я посмотрел на Марли, задремавшего у моих ног, и спросил: «Ну что, приятель, похоже на тебя?»

В следующей главе, называвшейся «Ненормальные собаки», Вудхаус заметила: «Я не стану подчеркивать, что, если вы захотите оставить у себя не вполне адекватную собаку, это чревато постоянными ограничениями в вашей жизни». Она имеет в виду жить, опасаясь выйти из дома даже за бутылкой молока? «Впрочем, вы можете полюбить умственно неполноценную собаку, – продолжала Барбара, – но она не должна мешать другим людям». Другим людям, например, обедающим в кафе на свежем воздухе в воскресный день в Бока Ратоне, штат Флорида?

Вудхаус блестяще описала характер Марли и наше грустное, зависимое существование. Все признаки были налицо: злополучные, слабовольные хозяева, психически неуравновешенная, неконтролируемая собака, уничтоженное имущество, раздраженные посторонние люди и соседи, которым мы причиняли неудобства. Мы послушали хрестоматийным примером. «Поздравляю, Марли, – сказал я псу. – Вот твой диагноз: ты ненормальный». Услышав свое имя, он открыл глаза, потянулся и перевернулся на спину лапами кверху.

Я ожидал от Вудхаус, что она предложит отличное решение владельцам подобного бракованного товара, даст несколько полезных советов, которые после должной проработки помогут даже самых сумасшедших животных превратить в выставочные экземпляры. Но она закончила свою книгу на минорной ноте: «Только хозяева неуравновешенных собак знают, где проходит граница между здоровой собакой и душевнобольной. Никто не может решать за хозяина, что делать, если ему попалась больная собака. Но даже мне, заядлой собачнице, представляется, что лучше всего их усыпить».

Усыпить? Ого. На тот случай, если она выразилась не совсем четко, автор добавила: «Конечно, когда надежда на тренировки и помощь ветеринаров иссякнет и станет ясно, что животное никогда не сможет вести нормальный образ жизни, то наилучшее решение для собаки и ее хозяина – усыпление пса».

Даже любительница животных Барбара Вудхаус, успешный тренер тысяч собак, которых их хозяева считали безнадежными, признавала: некоторым собакам просто невозможно помочь. Если бы решать выпало ей, она гуманным способом отправила бы их на тот свет, в большой собачий рай.

– Не волнуйся, мой мальчик, – сказал я и наклонился, чтобы почесать живот Марли.
– В нашем доме ты будешь спать только тем сном, после которого можно проснуться.

Марли тяжело вздохнул и снова погрузился в сновидения, где видел породистых пуделей в жаркие летние дни.

* * *

Примерно тогда же мы узнали, что не все лабрадоры одинаковы. У этой породы есть две подгруппы: английские и американские лабрадоры. Первые, как правило, меньше по размерам и более приземистые; у них крупная голова, а также мягкий, спокойный характер. Эти собаки обычно участвуют в выставках. Американские лабрадоры значительно крупнее и сильнее и выглядят более благородно. Они славятся своей неиссякаемой энергией и хорошим настроением, идеальны для охоты. Но эти же качества затрудняют их содержание в доме. Избыток энергии, как предупреждала книга, не стоит недооценивать.

В книге одного собаковода из Пенсильвании «Горные лабрадоры» я прочитал: «Многие люди спрашивают, в чем состоит различие между английскими и американскими лабрадорами. Различие, причем как в телосложении, так и в характере собаки, настолько велико, что правильнее было бы разделить эту породу на две. Если вы ищете охотничью собаку – выбирайте американского лабрадора. Они атлетичные, высокие, поджарые, но у них ОЧЕНЬ возбудимый нрав, который не позволяет им стать добродушными семейными любимцами. Английские лабрадоры, напротив, приземистые, крепкие, меньше размером. Очень добрые, спокойные, славные, ласковые собаки».

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Потребовалось совсем немного времени, чтобы понять, к какой линии относится Марли. Похоже, ситуация начала проясняться. Мы вслепую выбрали вид лабрадора, который наилучшим образом подходит для того, чтобы весь день носиться на свежем воздухе. Но это далеко не все. Из всего многообразия мы выбрали умственно отсталую, недисциплинированную собаку, на которую не действуют ни тренировки, ни транквилизаторы, ни кинологическая психиатрия. Это был вид ненормальных собак, которых опытный инструктор Барбара Вудхаус предлагала усыплять. Прекрасно, подумал я. Теперь все понятно.

* * *

Книга Вудхаус открыла нам глаза на душевную болезнь Марли. Вскоре после этого сосед попросил нас приютить на неделю своего кота, пока он с семьей будет в отпуске. Конечно, согласились мы, без проблем. По сравнению с собаками с кошками управлять гораздо проще. Им не требуется постоянное внимание, а этот кот вообще был скромным и незаметным, особенно в присутствии Марли. Он мог весь день прятаться под диваном и выходить поесть, только когда мы ложились спать. (Кошачий корм мы прятали от Марли.) Он ходил в лоток, который мы предусмотрительно замаскировали около бассейна. Кот не доставлял нам никаких хлопот. Марли даже не подозревал о его соседстве.

Однажды я проснулся утром от громких ритмичных ударов по кровати. Это был Марли. Его трясло от возбуждения, и он быстро-быстро бил хвостом по матрацу. Тук! Тук! Тук! Я потянулся, чтобы погладить пса, но он стал убежать. Пес прыгал и гарцевал возле кровати. Мамба Марли.

– Ладно, что там у тебя? – спросил я, протирая глаза спросонья. В ответ он гордо положил свое богатство на белоснежные простыни, всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Не до конца проснувшись, я, впрочем, мгновенно понял, что это. Предмет был маленький, темный, бесформенный, весь испачканный песком. А потом до моих ноздрей донесся запах – острый, едкий, зловонный. Я выпрямился и толкнул Дженни, чтобы разбудить ее. Я указал ей на подарок от Марли на простынях.

– Это не... – начала было Дженни с отвращением в голосе.

– Да, именно это, – сказал я. – Он разграбил кошачий лоток.

Вряд ли Марли больше распирало от гордости, даже если бы он принес нам самый крупный бриллиант в мире. Как и предсказывала мудрая Барбара Вудхаус, наша умственно отсталая, ненормальная собака вступила в новую фазу своей жизни – фазу поедания экскрементов.

Глава 19

Удары молний

После появления на свет Конора все наши знакомые, за исключением моих родителей, которые были ревностными католиками и постоянно молились о маленьких Грогэнах, считали, что мы свою миссию выполнили. Для семьи с двумя работающими родителями один ребенок был нормой, двое – рассматривалось как некоторое излишество, а трое – непомерная роскошь. Учитывая то, насколько тяжелой была вторая беременность Дженни, нас не понимали: зачем еще раз подвергать себя такому ужасному испытанию. Но с первых дней брака, когда мы губили растения, прошло много времени. В нас проснулись родительские чувства. Двое мальчуганов принесли нам гораздо больше радости, чем мы ожидали. Теперь именно они определяли нашу жизнь. Порой нам действительно не хватало простого ленивого отдыха, вальяжных субботних вечеров, проведенных за чтением, и романтических ужинов, которые затягивались до поздней ночи. Но сейчас нам гораздо больше удовольствия доставляли пролитое яблочное пюре, отпечатки крохотных носиков на стеклах окон и прекрасные звуки босых ножек, шлепающих по коридору на рассвете. Даже в самые мрачные дни почти всегда находился повод улыбнуться, поскольку мы знали то, что рано или поздно постигает всякий родитель: изумительный период раннего отцовства и материнства – с попками в подгузниках, первыми зубками и невнятным бормотанием – яркие, краткие вспышки на длинном жизненном пути.

Мы оба закатывали глаза, когда моя мама, дама старой закалки, кудахтала: «Радуйтесь им, пока можете, потому что они вырастут быстрее, чем вы это заметите». Прошло всего несколько лет, но теперь мы поняли, как она была права. Она озвучила прописную истину, однако вскоре мы поняли, что она имеет к нам непосредственное отношение. Мальчишки действительно росли очень быстро, и с каждой прошедшей неделей заканчивалась очередная маленькая главка, к которой уже

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru невозможно вернуться. Вчера Патрик сосал большой палец, а на следующей неделе он избавился от этой привычки. Вот Конор лежит в детской кроватке, а вскоре она уже служит ему трамплином. Патрик не выговаривал звук «р», и, когда женщины ворковали над ним, а происходило это часто, он сжимал кулачки, выпячивал губу и говорил: «Пелестаньте! Плеклатите! Хватит». Я хотел записать все это на пленку, но однажды «р» у него зазвучал чисто, и запись стала ненужной. Мы месяцами не могли заставить Конора снять пижаму Супермена. Он носился по всему дому в развевающейся накидке и кричал: «Я Стюпмен!» А потом внезапно перестал – мы опять упустили момент.

Дети были хронометром, который отсчитывал наше время, и его невозможно было не замечать. Этот хронометр фиксировал непрерывное течение жизни по морю минут, часов, дней и лет, которое без него показалось бы бесконечным. Наши дети росли быстрее, чем нам того хотелось, и этим частично объясняется, почему спустя год, после того как обосновались в Боке, мы задумались о третьем ребенке. Я сказал Дженни: «Слушай, у нас же теперь четыре спальни, почему бы и нет?» Нам хватило всего двух попыток. Никто из нас не произносил вслух, что хотим именно девочку, но это, несомненно, было так, несмотря на привычные рассуждения во время беременности, как прекрасно иметь троих сыновей. Когда же УЗИ подтвердило наши тайные ожидания, Дженни положила руки мне на плечи и прошептала: «Я так счастлива, что смогу подарить тебе маленькую дочку». Я тоже был счастлив.

Но не все друзья разделяли наш энтузиазм. Большинство из них на новость о беременности реагировало тупым вопросом: «А зачем?» Они не верили, что третья беременность – это не случайность. А если это вовсе не досадная оплошность, как заявляли мы, то им непременно нужно было настоять на своем. Одна знакомая в порыве резкой критики зашла так далеко, что сделала Дженни замечание за то, что та позволила мне опять ее «обрюхатить». Она обратилась к Дженни таким тоном, какого заслуживает безумец, только что пожертвовавший свое состояние сектантам: «О чем ты только думала?»

Нас это не волновало. Девятого января 1997 года Дженни преподнесла мне припозднившийся подарок на Рождество: румяную девочку весом в три с половиной килограмма, которую назвали Колин. Только тогда мы почувствовали, что у нас полная семья. Если ожидание Конора стало временем стрессов и волнений, то эта беременность протекала идеально, к тому же сервис общественной больницы в Бока Ратоне оказался на высоком уровне. На другом конце коридора от нашей палаты располагалась комната отдыха, где имелся бесплатный автомат с капучино – как это характерно для Боки! Когда ребенок появился на свет, я принял такую дозу кофеина, что едва сумел перерезать пуповину.

* * *

Колин исполнилась неделя, и Дженни впервые вынесла ее из дома. День выдался свежий и ясный; мы с мальчиками сажали цветы в саду. Марли привязали цепью к стоящему неподалеку дереву, и он тоже с радостью лежал в тени, наблюдая за нами. Дженни села на траву возле него, поставив переносную колыбельку со спящей Колин между собой и собакой. Через несколько минут мальчики позвали маму посмотреть на их работу, и, пока Колин дремала в тени возле Марли, они повели Дженни показывать клумбы. Мы находились за высоким кустарником, поверх которого могли видеть ребенка, но с улицы эта часть сада была не видна. Когда мы повернули обратно, я замер и подозревал Дженни. На улице остановилась в замешательстве пожилая пара и пялилась поверх забора на сцену в нашем саду. Поначалу я даже не понял, что привлекло их внимание. А потом до меня дошло: со своего места они видели только хрупкого новорожденного младенца по соседству с огромной палевой собакой, которая, казалось, была единственной няней ребенка.

Мы молча ждали реакции, сдерживая смех. Марли напоминал египетского сфинкса: он лежал со скрещенными передними лапами и поднятой головой и от удовольствия сопел, каждые несколько секунд вытягивая морду, чтобы обнюхать головку ребенка. Бедные старики, вероятно, решили, что ребенок лишился родителей. Они были уверены, что родители сейчас сидят и пьют где-нибудь в баре, оставив малыша на попечение соседского лабрадора, который и должен качать младенца в колыбельке. Марли как будто тоже включился в розыгрыш, без наших подсказок сменил позу, положил морду на животик Колин и издал глубокий вздох, будто спрашивая: «Когда же объявится эта парочка?» Его голова была больше, чем тельце девочки. Казалось, он охранял ее; вполне возможно, что именно так и было, хотя уверен, что он просто наслаждался запахом ее подгузника.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Мы с Дженни стояли в кустах и обменивались улыбками. Жаль было расставаться с мыслью о Марли-няне. Хотелось продлить этот момент и посмотреть, чем все закончится, но тут мне пришло в голову, что в одном из вариантов сценария есть звонок в службу спасения. На нас никто не жаловался, когда мы не раз оставляли Конора в коридоре прежнего дома, но как мы объясним нынешнюю ситуацию? («Да, знаю, как это, должно быть, выглядит, офицер, но он удивительно ответственный пес...») Мы вышли из-за кустов и помахали пожилым супругам, заметив явное облегчение на их лицах. Слава богу, ребенка не оставили на попечение собаки.

– Похоже, вы очень доверяете своему псу, – сказала женщина с опаской, что выдало ее предубеждение: все собаки жестоки и непредсказуемы, и им не место возле беспомощного младенца.

– Пока он никого не съел, – пошутил я.

* * *

Через два месяца после рождения Колин я отмечал свой 40-летний юбилей, причем самым неприятным образом – иными словами, в одиночестве. Эта огромная четверка с нулем знаменовала некий важный поворотный момент в жизни, когда ты прощаешься с неспокойной юностью и встречаешь предсказуемые преимущества среднего возраста. Если какой-нибудь день рождения и заслуживал праздничного застолья, то именно сороковой, но только не в моем случае. Теперь мы были ответственными родителями с тремя детьми, один из которых младенец. Существовали и более важные вещи, требовавшие наших забот. Я приехал с работы вечером. Дженни была измотана до предела. Доев остатки ужина, я искупал мальчиков и уложил их в постель, а Дженни в это время укачивала Колин. К половине девятого и дети, и моя жена заснули. Я открыл бутылку пива и расположился во дворе, глядя на переливающуюся голубую гладь бассейна. Верный Марли, как всегда, сидел рядом со мной, и, пока я почесывал у него за ухом, мне пришла в голову мысль: а ведь для него тоже наступил поворотный момент. Мы привезли его домой шесть лет назад. По человеческим меркам, ему сейчас около сорока. Он незаметно вступил в средний возраст, хотя сохранил повадки щенка. За исключением ушных инфекций, которые требовали постоянного вмешательства доктора Джея, он был здоров. Казалось, он не собирался успокаиваться или остепеняться. Я никогда не задумывался о Марли как об образце для подражания, но в тот вечер, сидя во дворе и потягивая пиво, подумал, что ему наверняка известен секрет счастливой жизни. Никогда не снижай темпа, никогда не оглядывайся, проживай каждый день с энергией, пылом, любопытством и игривостью подростка. Если ты считаешь себя по-прежнему молодым щенком, видимо, так оно и есть, несмотря на дату в календаре. Не такая уж плохая жизненная философия, хотя лично я не стал бы портить диваны и учинять погром в подсобке.

– Ну что, старина, – сказал я, прикоснувшись своей бутылкой к его морде, словно чокаясь с ним. – Сегодня только мы вдвоем. За сорокалетие! За средний возраст! За то, чтобы прожить всю жизнь с большими собаками.

Пес свернулся калачиком и заснул.

Несколько дней меня мучила хандра из-за моего одинокого дня рождения, и вдруг Джим Топлин, мой старинный приятель, когда-то отучивший Марли от привычки бросаться на людей, неожиданно позвонил и спросил, не хочу ли я встретиться и выпить с ним по бутылочке пива следующим вечером, в субботу. Джим забросил газетный бизнес и нацелился стать дипломированным юристом примерно в то же время, когда мы переехали в Бока Ратон, поэтому мы не общались несколько месяцев. «Конечно», – ответил я, не переставая удивляться.

Мы встретились в шесть часов, и Джим отвез меня в английский паб. Там мы выпили по бутылке пива и поделились друг с другом новостями о своей нынешней жизни. Мы сидели как в старые добрые времена, пока бармен не кликнул меня:

– Здесь есть Джон Грогэн? По телефону спрашивают Джона Грогэна.

Звонила Дженни. Она была чем-то расстроена, и ее голос звучал напряженно.

– Колин плачет, мальчики расшалились, и вдобавок я только что испортила свои контактные линзы, – жаловалась она в трубку. – Ты можешь сейчас приехать?

– Постарайся успокоиться, – сказал я. – Сядь и отдохни. Скоро приеду.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
Я повесил трубку. Бармен взглянул на меня как на бедного, несчастного, тупого подкаблучника, понимающе кивнул и сказал:

– Сочувствую, парень.

– Давай я отвезу тебя домой, – предложил Джим.

Когда мы подъезжали к дому, я увидел, что по обеим сторонам улицы стоят машины.

– У кого-то вечеринка, – отметил я.

– Похоже на то, – согласился Джим.

– Ради бога, – проговорил я, когда мы подъехали к дому. – Ты только посмотри! Кто-то припарковался на моей подъездной дорожке. Ну разве не наглость...

Джим поставил свою машину за автомобилем нарушителя, чтобы тот не смог выехать, и я пригласил его войти в дом. Я продолжал ворчать по поводу посягательства на мое место, как вдруг входная дверь распахнулась. Это была Дженни с Колин на руках. И она вовсе не выглядела расстроенной, напротив, она сияла улыбкой. Позади нее стоял музыкант с волынкой и в килте. Боже, куда это я попал?! Потом заметил, что решетку вокруг бассейна убрали, а по воде плавают свечи. Рядом стояли несколько десятков моих друзей, соседей, коллег. И в тот момент, когда до меня дошло, что скопление машин на улице возникло из-за этих людей, они хором прокричали: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, СТАРИНА!»

Что ж, моя жена не забыла.

Когда наконец я пришел в себя, то обнял Дженни, поцеловал ее в щеку и прошептал на ушко:

– С тобой мы еще разберемся.

Кто-то в поисках мусорного ведра открыл подсобку и выпустил Марли. Пес бросился в толпу, стащил с подноса закуску из моцареллы и базилика, своей мордой задрал пару мини-юбок и уже собрался нырнуть в неогражденный бассейн. Я схватил его в момент разбега, когда он намеревался исполнить его фирменный прыжок, плашмя ложась на воду, и оттащил обратно в одиночную камеру.

– Не волнуйся, – сказал я. – Потом угощу тебя остатками ужина.

* * *

Удавшаяся вечеринка была отмечена полуночным приездом полиции, которая потребовала соблюдать режим тишины. Вскоре после вечеринки-сюрприза Марли сумел доказать, что его страх перед грозами имеет основания.

Однажды воскресным вечером я вскапывал грядки. Небо хмурилось, сгущались тучи. С недавних пор садоводство стало моим серьезным хобби, и чем лучше у меня получалось, тем больше хотелось этим заниматься. Я неспешно начал обрабатывать наш задний дворик. Пока я трудился, Марли нервно бегал из стороны в сторону, видимо, его внутренний барометр показывал надвигающуюся грозу. Я тоже почувствовал ее приближение, но мне хотелось закончить работу, поэтому решил не прерываться до первых капель дождя. Между делом я время от времени посматривал на небо, наблюдая, как за несколько километров к востоку над океаном собирались зловещие черные тучи. Марли тихо скулил, уговаривая меня оставить лопату и войти в дом.

– Спокойно, – сказал я ему. – Гроза еще далеко.

Стоило этим словам слететь с моих губ, у меня появилось новое, прежде не известное мне ощущение – что-то вроде покалывания и дрожи в затылке. Небо стало подозрительного оливково-серого цвета, и внезапно возникла духота. Казалось, будто какая-то небесная сила похитила ветер. Странно, подумал я, перестал копать и, опершись на лопату, уставился в небо. И в этот момент я услышал гулкий треск, как если бы оказался между двумя высоковольтными линиями. Какой-то особый шипящий звук наполнил окружающий меня воздух, а затем на секунду все стихло. Тут я понял: что-то не так, но времени среагировать у меня уже не оставалось. В

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru следующую долю секунды небо стало ослепительно белым, и послышался такой мощный грохот, какого я прежде никогда не слышал – ни в грозу, ни во время фейерверков, ни на стройках. Волна от разряда сразила меня в грудь, словно невидимый враг. Когда открыл глаза, то потерял счет времени, не зная, как долго я пролежал на земле лицом вниз. На зубах скрипел песок, лопата валялась в трех метрах, капли дождя били по телу. Марли тоже лежал ничком и, заметив, что я поднял голову, храбро пополз ко мне на брюхе, как солдат, преодолевающий колючую проволоку. Подобравшись совсем близко, он забрался мне прямо на спину, уткнулся носом в мою шею и стал яростно лизать ее. Еще секунду я озирался по сторонам, пытаюсь прийти в себя, и вдруг увидел, что молния угодила в телеграфный столб на противоположном углу двора и промчалась по проводу, ведущему к дому, метрах в шести от меня. Счетчик на стене обуглился.

– Быстрее! – заорал я, и мы с Марли вскочили и бросились под ливнем к двери, а вокруг нас сверкали все новые вспышки молний.

Мы не останавливались, пока не оказались внутри дома. Насквозь промокший, я в изнеможении опустился на пол, а Марли, вскарабкавшись сверху, лизал мне лицо, покусывал за уши, брызгал слюной и повсюду ронял шерсть. Он совершенно обезумел от страха, и его трясло, как в лихорадочном приступе. Пытаясь успокоить пса, я обнял его. «Господи, как близко она прошла!» – сказал я и тотчас ощутил собственную дрожь. Он сочувственно посмотрел на меня, и готов поклясться, что в его больших глазах застыл немой вопрос: «Сколько лет я пытался предупредить тебя, что эта штука смертельно опасна? Но разве ты меня слушал? Ну хотя бы теперь ты будешь воспринимать меня всерьез?»

Пес оказался прав. Может, его страх перед грозой не был так уж иррационален, каким казался. Возможно, приступы паники при первых раскатах грома – это лишь способ предупредить нас о жестоких грозах во Флориде, самых неистовых на территории страны, и нам не следовало равнодушно пожимать плечами в ответ. Возможно, все те разрушенные стены, процарапанные двери и изорванные коврики были для него материалом, из которого он хотел соорудить укрытие, где мы все могли бы переждать грозу. А чем мы ему ответили? Бранью и успокоительным...

В нашем доме стояла кромешная тьма. Кондиционеры, потолочные вентиляторы, телевизоры и еще несколько предметов бытовой техники сгорели, а автомат в счетчике превратился в оплавленное месиво. Какому-нибудь электрику скоро подвалит счастье и целое состояние. Зато мы с моим закадычным другом остались живы. Джени с детьми находилась в гостиной. Они, к счастью, даже не подозревали, что в дом ударила молния. Мы все выжили. Разве что-то еще имело значение? Я посадил 44-килограммового Марли к себе на колени и торжественно поклялся: впредь не буду смеяться над его страхом перед смертоносной силой природы.

Глава 20

Собачий пляж

Как ведущий рубрики я всегда стремился отыскать интересные и необычные сюжеты. Писал по три колонки в неделю, и наибольшую трудность в моей работе представлял поиск новых тем. Каждое утро для меня начиналось с просмотра четырех ежедневных газет Южной Флориды. Я обводил и вырезал публикации, заслуживавшие внимания. Затем нужно было разобраться, что я думаю на этот счет. Моя самая первая колонка родилась благодаря заголовку на первой полосе. Машина, в которой находились восемь подростков, на полном ходу упала в канал. Из тонущего автомобиля смогли выбраться только 16-летняя девушка-водитель, ее сестра-близнец и еще одна девочка. Это была волнующая история; мне хотелось вникнуть в суть, но и как-то по-новому осветить ее. Я отправился на место аварии в поисках озарения и нашел то, ради чего приехал, не успев припарковаться. Одноклассники пяти погибших ребят превратили шоссе в сплошную эпитафию-граффити. Асфальт был разрисован на отрезке более полукилометра. Я открыл ноутбук и стал переписывать надписи. «Загубленная юность» – гласила одна из них, а нарисованная стрелка указывала на воду. Среди множества граффити нашел то, что искал: публичное покаяние Джейми Бардол, молодой девушки, которая сидела за рулем. Она написала почерком школьницы большими витиеватыми буквами: «Лучше бы это была я. Простите». Материал для колонки был найден.

Но далеко не все темы были столь трагичными. Например, одна пенсионерка получила от совладельца извещение о выселении из-за ее маленькой упитанной дворняжки. Ее вес превысил предел для домашних животных, и я помчался на встречу с этим

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru тяжеловесом. А другой пожилой горожанин, пытаюсь припарковаться, врезался в магазин и лишь по счастливой случайности никого не сбил; я приехал на место происшествия, чтобы поговорить со свидетелями. Сегодня работа забрасывала меня в поселение мигрантов, завтра – в особняк миллионера, а послезавтра – на городской перекресток. Мне нравилось разнообразие, нравились люди, с которыми встречался, но прежде всего я ценил свободу, потому что мог ехать куда хотел и когда хотел, в зависимости от темы, которая меня интересовала.

Однако мое начальство не знало, что, занимаясь журналистскими расследованиями, я старался использовать свое положение ведущего рубрики и без зазрения совести выбивал себе максимум официальных командировок.

Мой девиз: «Если хорошо журналисту, хорошо и читателю». Зачем ехать на тоскливое судебное слушание дела о неуплате налогов, коли можно в это время посидеть, скажем, где-нибудь в Ки-Уэсте в баре под открытым небом с большой кружкой пива? Кто-то ведь должен выполнять «грязную» работу, рассказывая читателям о краже солонок из ресторанов. Этим человеком мог быть и я. И я пользовался любым поводом, чтобы слоняться целый день, желательно в футболке и шортах, оценивая различные способы проведения досуга и обдумывая интересные комментарии на эту тему. В каждой профессии есть необходимый инструментарий, а в моем случае это блокнот, запас ручек и пляжное полотенце. Кроме того, я постоянно возил с собой в машине крем для загара и плавки.

Я то носился на катере по каналу, то прогуливался возле озера. Катался на велосипеде по живописной трассе, протянувшейся вдоль океанского побережья. Мне приходилось плавать под водой с маской и трубкой по рифам Ки-Ларго, над которыми нависла угроза исчезновения. Брал интервью у мужчины, ставшего жертвой двух грабежей; вместе со мной он расстрелял кучу патронов в тире и поклялся, что в следующий раз сможет дать достойный отпор. Сегодня я вальяжно расслаиваю на рыболовецком судне, а завтра отправляюсь на тусовку с группой постаревших рокеров. Как-то раз я взобрался на дерево и просидел там несколько часов, наслаждаясь своим одиночеством. Один застройщик планировал сровнять с землей лесок, где росло это дерево, чтобы возвести элитные дома, и я подумал: самое малое, что могу сделать, – это устроить островку природы посреди бетонных джунглей достойную эпитафию. А вот самое успешное мое предприятие: я убедил главного редактора отправить меня на Багамы, чтобы с места событий следить за ураганом, приближавшимся к Южной Флориде. Ураган ушел в море, а я провел три дня на пляже роскошного отеля, потягивая пина-коладу под голубым небом.

Наконец, мне пришла в голову мысль: для проведения очередного журналистского расследования взять на пляж Марли. Побережье Южной Флориды было забито отдыхающими, и городские власти запретили приводить животных на пляж, причем для такого решения имелись серьезные основания. Мокрая, испачканная в песке собака, которая пристает к людям, писает и отряхивается, – совсем не то, что хотят видеть посетители пляжей. Знак «Купание животных запрещено» в избытке установлен буквально на каждом пляже.

Однако существовало одно местечко, одна маленькая, известная лишь немногим полоска пляжа, где не было ни знаков, ни ограничений, ни запретов на появление четвероногих любителей купания. Этот пляж находился на территории, не вошедшей в список населенных пунктов округа Палм-Бич, где-то между Вест-Палм-Бич и Бока Ратон. Он протянулся на несколько сотен метров за поросшей травой дюной в конце улочки-тупика. Здесь не было ни мест для парковки, ни туалетов, ни службы береговой охраны. Только полоска песка вдоль бескрайнего океана. С годами среди владельцев животных этот пляж в Южной Флориде приобрел славу последнего рая на земле, где еще можно отпускать собак порезвиться в волнах и не нарваться на штраф. У этого местечка даже не было официального названия, но в обиходе все называли его Собачьим пляжем.

Собачий пляж функционировал по собственным неписаным правилам, которые временами менялись в зависимости от обстоятельств. Это был своеобразный тайный сговор владельцев собак, посещавших этот пляж. Нарушителей правил встречали неодобрительными взглядами, которые обычно сопровождались крепкими выражениями. Хозяева собак сами поддерживали порядок, чтобы ни у кого не возникало соблазна навязать новый устав. Правила пляжа были простыми, и их было немного. Агрессивных собак следовало привязывать, а спокойные могли свободно бегать. Хозяева были обязаны иметь при себе пластиковые пакеты и убирать любые следы пребывания своих собак на пляже. Также полагалось убирать за собой весь мусор,

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru включая упакованные собачьи испражнения. Владелец собаки должен был обеспечить ее чистой водой. Помимо всего прочего, запрещалось загрязнять воду отходами. Этикет предписывал следующее: сначала хозяева с питомцами должны отойти к краю дюны, подальше от океана, и оставаться там, пока собака не нагуляется. Затем требовалось упаковать отходы и после этого можно отправляться к воде.

Я слышал о Собачьем пляже, но ни разу там не был. И теперь решил наверстать упущенное. Этот забытый кусок земли был частью исчезающей старой Флориды. Он существовал еще до появления здесь кооперативных высоток, стоявших вдоль береговой линии, платных автостоянок и стремительно растущих небоскребов и находился в тот момент под прицелом журналистов. Окружная чиновница, которая отвечала за развитие инфраструктуры, недолюбливала этот неподведомственный кусочек суши и интересовалась, почему правила, которые применяются на всех других пляжах округа, здесь не действуют. Она четко дала понять: в рамках закона необходимо убрать отсюда животных и сделать данный ценный ресурс достоянием людей.

Я оперативно ухватился за эту историю, поскольку это был идеальный предлог, чтобы провести рабочий день на пляже. Погожим июньским утром я надел плавки и шлепанцы и направился с Марли к Береговому каналу. Я захихнул в машину столько полотенец, сколько смог найти, и их в точности хватило на поездку. Марли, как всегда, свешивал язык из пасти, разбрызгивая всюду слюну. Я пожалел тогда, что автомобильные дворники находятся снаружи, а не внутри.

Согласно правилам Собачьего пляжа, я припарковался в нескольких кварталах от него, где меня не стали бы штрафовать, и отправился пешком через спальный район, застроенный старомодными домами в стиле 1960-х годов. Марли бежал впереди. Примерно на середине пути меня кто-то окликнул хриплым голосом: «Эй, мужчина с собакой!» Я застыл, будучи уверенным, что сейчас на меня набросится агрессивный местный житель, который мечтает о том, чтобы мы с моей собакой держались подальше от его пляжа. Но голос принадлежал другому собачнику. Держа своего огромного пса на поводке, он подошел ко мне и попросил подписать петицию, где содержался призыв к окружающим уполномоченным оставить в покое Собачий пляж. У нас завязалась беседа, и мы бы еще долго болтали, но я заметил, с каким интересом Марли и вторая собака кружат друг возле друга. Я знал: им достаточно нескольких секунд, чтобы затеять драку. Я поспешил позвать Марли, попрощался с хозяином собаки и продолжил путь. Только мы добрались до дорожки на пляж, Марли присел в кустах и опорожнил свой кишечник. Прекрасно. По крайней мере одна общественная норма была им соблюдена. Я собрал в пакет улики и объявил: «А теперь на пляж!»

Когда мы вышли на вершину дюны, я увидел несколько человек, плескавшихся на мелководье, и удивился, что их собаки были крепко привязаны на берегу. Тогда из-за чего столько шума? Я-то думал, что собаки здесь могут свободно бегать, без привязи. «Тут только что был помощник шерифа, – объяснил мне один угрюмый собачник. – Он сказал, что с этого момента они вводят обязательное ношение поводка, и нас оштрафуют, если собаки будут бегать без привязи». Похоже, я опоздал с приездом, для того чтобы в полной мере насладиться всеми прелестями Собачьего пляжа. Руками полиции административные структуры, настроенные против Собачьего пляжа, намеревались затянуть петлю. Я послушно прошелся с Марли вдоль воды вместе с другими собачниками, словно был не на последней неподконтрольной властям Южной Флориды полоске песка, а находился на прогулке арестантов во дворе тюрьмы.

Я вернулся с собакой за полотенцем и только налил Марли в миску воды из фляги, прихватив с собой, как из-за дюны показался мужчина с обнаженным торсом, весь в татуировках, в укороченных синих джинсах и грубых ботинках. На толстой цепи рядом с ним трусил мускулистый свирепый питбуль. Эти собаки известны своей агрессивностью, а в те времена к ним было приковано особое внимание жителей Южной Флориды. Эту породу выбирали бандиты, головорезы и хулиганы, а собак часто тренировали как бойцовых. Газеты кишели репортажами о беспричинных, причем иногда с летальным исходом, нападениях питбулей как на животных, так и на людей. Видимо, хозяин, заметив мою реакцию, решил успокоить меня и крикнул: «Не бойтесь, Киллер не кусается. Он даже не бросается на других собак». Едва я выдохнул с облегчением, как он с нескрываемой гордостью добавил: «Но видели бы вы его с диким кабаном! Он может уложить его и распороть брюхо за пятнадцать секунд!»

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Марли и Киллер, убийца кабанов, натянули свои поводки и закружили, яростно обнюхивая друг друга. Марли никогда в жизни не участвовал в бою, а поскольку он был гораздо крупнее большинства собак, то их вызовы не пугали его. Даже когда собака пыталась навязать ему драку, он, казалось, этого не замечал и неожиданно принимал игровую позу: поднимал зад, вилял хвостом, с глупым видом скалился. Но никогда прежде ему не приходилось встречаться с натасканным убийцей, охотником за дичью. Я уже представлял, как Киллер без предупреждения вцепится в горло Марли и уже не отпустит его. Его хозяин, напротив, был совершенно спокоен:

– Если вы не дикий кабан, он будет лизать вас до полусмерти, – сказал он.

Я рассказал ему, что здесь только что были копы и они намерены штрафовать всех, кто не подчинится их требованию обязательной привязи.

– Это абсурд! – закричал он, сплюнув в песок. – Я водил своих собак на этот пляж годами. Да и зачем их привязывать на Собачьем пляже?! Чушь какая-то!

С этими словами он отстегнул тяжелую цепь, и Киллер помчался по песку в воду. Марли то вставал на задние лапы, то опускался. Он посмотрел на Киллера, а затем перевел взгляд на меня. Потом снова взглянул на Киллера и опять на меня. Его лапы нервно топтались в песке, и он издал тихий, приглушенный стон. Догадываюсь, о чем бы он спросил, если бы мог говорить. Я оглянулся на границу дюны – в пределах видимости копов не было. Посмотрел на Марли. Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! Я буду хорошо себя вести. Обещаю.

– Ну, давай же, – сказал хозяин Киллера, – собака не должна проводить свою жизнь на привязи.

– Конечно, какого черта! – ответил я, отстегивая поводок.

Марли бросился в воду, осыпав нас песком. Он врезался в огромную волну, которая накрыла его с головой. Через секунду его морда снова появилась на поверхности, а стоило ему только встать на лапы, он тут же кинулся, увлеченный игрой, на Киллера, убийцу кабанов, и обе собаки вновь скрылись под водой. Я, задержав дыхание, спрашивал себя, не нарушил ли Марли ту границу, за которой Киллер превращается в неконтролируемую убийцу. Но вот собаки вынырнули. Они виляли хвостами и дружески скалились. Киллер прыгнул на спину Марли, а Марли влез на спину Киллера, челюсти собак лязгали. Псы бегали друг за другом по берегу, поднимая фонтаны брызг. Они прыгали, танцевали, боролись, ныряли. Не думаю, что когда-либо я видел такой неподдельный восторг.

Другие владельцы последовали нашему примеру, и вскоре все собаки, их было около десятка, бегали по пляжу. Они прекрасно ладили между собой, а их хозяева уважали неписанные правила. Это был Собачий пляж, каким он и должен быть. И это была настоящая Флорида, чистая и свободная, Флорида былых, ныне забытых времен, неподвластная прогрессу.

Однако возникла одна проблема. Время шло, а Марли продолжал глотать соленую воду. Я бегал за ним с миской пресной воды, но он слишком перевозбудился и не пил ее. Несколько раз я подводил его прямо к миске и тыкал носом, но он презрительно отводил морду, словно это был уксус, и жаждал только одного: поскорее вернуться к своему новому лучшему другу Киллеру и другим собакам.

На мелководе он остановился и хлебнул соленой воды.

– Стой, дурачок! – закричал я на него. – Тебя же...

Я не успел договорить. Его взгляд стал стеклянным, и по горлу пошли спазмы. Он изогнул спину, несколько раз открывал и закрывал пасть. Его плечи поднялись, а живот втянулся. Я поспешил закончить фразу: «... вырвет».

Стоило мне это сказать, как Марли исполнил пророчество и совершил самое страшное преступление на Собачьем пляже. ГАААААААААК!

Я запоздало бросился вытаскивать его на берег. Все уже шло наружу. ГАААААААААК! На поверхности воды плавал собачий корм, который он проглотил вчера вечером, поразительно, что он выглядел совсем как новый. Между кусочками корма на воде покачивались непереваренные зерна кукурузы, которые Марли слизал с детских

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru тарелок, колпачок от бутылочки молока и покалеченная головка маленького пластмассового солдата. Полное очищение заняло не больше трех секунд, и, как только его желудок опустел, он снова выглядел весело, по-видимому, оправившись от тошноты. Марли словно хотел сказать: «Теперь, когда я с этим разобрался, кто хочет покачаться на волнах?» Я нервно оглянулся, но, казалось, никто ничего не заметил. Остальные собачники стояли далеко от нас и были заняты своими делами. Одна сидевшая ближе других мамаша вместе со своим ребенком увлеченно строила песочный замок, а несколько любителей загара, рассеянные по всему пляжу, спокойно лежали на спинах с закрытыми глазами. «Слава богу!» – подумал я, шагнул в рвотное пятно Марли и начал с непринужденным видом плескаться, чтобы скрыть улики. Что же последует? В любом случае, внушал я себе, хотя формально мы нарушили правило № 1 Собачьего пляжа, однако не причинили никакого реального вреда. В конце концов, это всего лишь непереваренная пища, и рыбки будут нам благодарны за корм, не так ли? Я даже подобрал колпачок от бутылки молока и головку пластмассового солдата, чтобы не оставлять мусора.

– Послушай, – сказал я сурово и схватил Марли за ошейник, заставив его посмотреть мне в глаза. – Прекрати пить соленую воду. Какая же собака не знает, что эту воду пить нельзя?

Я уже подумывал увести его с пляжа, но пес выглядел отлично. У него в его животе не могло ничего остаться. Да, мы нанесли урон, но отделались легким испугом. Я отпустил его, и он сломя голову помчался к своему другу Киллеру.

Однако я кое-чего не учел: если желудок Марли мог оказаться совершенно пустым, то это не относится к его кишечнику. Солнечные блики на воде слепили, но краешком глаза видел, как Марли резвится с другими собаками. Пока я наблюдал за ним, он неожиданно прервал свою игру и начал выписывать небольшие окружности на мелководе. Это движение с кругами мне отлично знакомо. Он проделывал это каждое утро в саду на заднем дворе, когда собирался опорожнить кишечник. Это был ритуал, к тому же далеко не всякое место подходило для его подношения миру. Иногда бег по кругу занимал минуту и больше, пока Марли не примечал подходящее местечко. А теперь он кружил на мелководе, той зоне Собачьего пляжа, где ни одна собака не осмеливалась сбросить свои экскременты. Он уже приготовился принять нужную позу. На этот раз даже зрители появились. Хозяин Киллера и еще несколько собачников стояли всего в нескольких метрах. Мама с дочкой, оторвавшись от своего замка, смотрели на море. К нам приближалась пара, которая гуляла вдоль кромки воды, держась за руки.

– О нет, – прошептал я. – Господи, пожалуйста, только не это.

– Эй! – крикнул кто-то. – Уберите свою собаку!

– Остановите его! – взвизгнул еще один.

Как только прозвучали настороженные голоса, загорающие привстали, чтобы посмотреть, что вызвало переполох.

Я бросился бежать во весь опор, чтобы успеть схватить его, пока не поздно. Если мне удастся добежать до него и успею оттащить, прежде чем его кишечник придет в движение, то смогу прервать постыдный процесс и отвести Марли в дюну. Бросившись к нему, неожиданно почувствовал, как все это выглядит со стороны. Позорная сцена прокручивалась в сознании, как в замедленной съемке. Казалось, каждый мой шаг длится целую вечность. Ноги глухо шлепали по песку, руки в такт раскачивались в воздухе, а лицо исказилось, как в предсмертных муках. Пока я бежал, медленно проплывали кадры вокруг меня: молодая загорающая женщина приподнялась, одной рукой придерживая купальник на груди, а другой прикрывая рот; мама схватила ребенка и побежала прочь от воды; собачники скривили лица от отвращения, а отдыхающие показывали пальцами; на шее хозяина Киллера вздулись вены, он что-то кричал. Марли уже остановился, присел и уставился в небо. И тут я услышал собственный крик, непривычный, гортанный, искаженный, протяжный, который перекрывал царивший шум:

– Нееееееееееееееееееет!

Я был почти на месте, буквально в 30 сантиметрах от него.

– Нет, Марли, нет! Нет! Нет! Нет!

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Все впустую. Только я добежал до него, его пронесло. Все с отвращением отпрянули. Хозяйева собак бросились к своим питомцам. Загоравшие собирали полотенца. Все, это конец. Марли быстро выскочил из воды, радостно отряхнулся и, счастливый, повернулся, пытаясь, чтобы посмотреть на меня. Я достал из своего пакета пластиковую сумку, но понял, что при сложившихся обстоятельствах толку в ней мало. Волны накатывались, разнося жижу Марли по воде и прибрежному песку.

– Эй, чувак, – крикнул хозяин Киллера таким тоном, что я на миг представил себе диких кабанов перед последним, фатальным прыжком питбуля, – это не круто!

Да уж, это не было круто. Мы с Марли нарушили священное правило Собачьего пляжа. Мы загрязнили воду, и не один раз, а два, и всем испортили утро. Надо было быстро сматывать удочки.

– Извините, – пробормотал я хозяину Киллера, надевая поводок на Марли. – Он наглотался морской воды.

Когда мы сели в машину, я накинул на Марли полотенце и стал вытирать его. Он отряхивался, и вскоре я весь покрылся песком, брызгами и шерстью. Я злился на него. Я хотел его задушить. Но после драки кулаками не машут. Да и кому бы не стало плохо, когда в желудок попал почти литр соленой воды? Как и в большинстве проступков, совершаемых моим псом, на сей раз с его стороны не было никакой заготовки или злого умысла. Ведь Марли не выполнил команду вовсе не из-за сознательного желания унижить меня. Ему потребовалось кое-что сделать, и он сделал это. Правда, в неподходящем месте, в неподходящее время и перед неподходящими людьми. Я понимал, что он просто жертва своих недалеких умственных способностей. На пляже он стал единственным псом, который по собственной глупости жадно пил соленую воду. Моя собака была умственно отсталой. Как мог я винить за это Марли?

– Тебе нечем гордиться, – сказал я, перемещая его на заднее сиденье. Однако пес светился от счастья. Он бы не выглядел более довольным, даже если бы я подарил ему остров в Карибском море. Марли даже не подозревал, что его лапы ступали на пляж в последний раз. Его дни, точнее часы, в качестве пляжного мачо были сочтены.

– Ну что ж, Солёный Пес, – сказал я, возвращаясь домой, – на этот раз это сделал именно ты. И если собак прогонят с Собачьего пляжа, мы будем знать за что.

Через несколько лет именно так и случилось.

Глава 21

Самолет взял курс на север

Вскоре после того, как Колин исполнилось два года, я невольно совершил ряд поступков, которые изменили нашу судьбу и привели к тому, что мы покинули Флориду. И все это сумел проделать одним щелчком мыши. Я закончил колонку рано утром, и мне нужно было как-то убить полчаса, оставшиеся до прихода редактора. Я решил посмотреть сайт журнала, на который подписался после покупки дома в Вест-Палм-Бич. Он назывался «Органическое садоводство». Журнал издавался с 1942 года под редакцией чудаковатого Дж. А. Родейла и стал библией движения, пропагандировавшего «возвращение к земле», расцвет которого пришелся на 1960–1970-е годы.

Родейл, бизнесмен из Нью-Йорка, специализировался на продаже электровыключателей, и в какой-то момент его здоровье пошатнулось. Он не стал уповать на помощь современной медицины, покинул город, поселился на маленькой ферме близ городка Эммаус, штат Пенсильвания, и занялся садоводством. Он питал крайнее недоверие к передовым достижениям агрономии, полагая, что популярные фермерские технологии (а почти во всех используются пестициды и химические удобрения) лишь вредят американскому сельскому хозяйству. Теория Родейла сводилась к тому, что со временем химикаты начинают отравлять людей и загрязняют почву. Он стал экспериментировать с естественными методами ведения хозяйства. На своей ферме для создания компоста он сложил гниющие растения в большие кучи. Как только биоматериал превращался в питательный черный перегной, он использовал его как удобрение и основу для почвы. Он покрывал землю между деревьями в своем саду толстым слоем соломы, это избавляло от появления сорняков и удерживало влагу. Он сажал клевер и люцерну, а затем вспахивал их, чтобы восполнить запас питательных

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru веществ в грунте. Вместо инсектицидов использовал на своих полях сотни божьих коровок и других полезных насекомых, которые поедали вредителей. Он был немного чудачковат, но его теории получили подтверждение на практике. Хозяйство его процветало, а состояние здоровья улучшилось. О своем успехе он заявил во всеуслышание на страницах своего журнала.

К тому времени, когда я пристрастился читать «Органическое садоводство», Дж. А. Родейла уже давно не было в живых, как, впрочем, и его сына Роберта, который превратил дело своего отца, то есть компанию Rodale Press, в издательство, приносящее сотни миллионов долларов. Но журнал не отличался высоким уровнем публикаций; складывалось впечатление, что сотрудники редакции – преданные последователи философии Родейла и опытные агрономы, но полные дилетанты в журналистике. Позже я узнал, что именно так все и было, просто раньше не обращал на это внимания. Я уважительно относился к органическому удобрению, особенно после выкидыша Дженни, причины которого мы связывали с использованием нами вредных пестицидов. К моменту появления Колин наш садик стал органическим оазисом в море пригородных участков, где применялись химические удобрения. Прохожие часто останавливались, чтобы полюбоваться нашими безупречными посадками, за которыми я усердно ухаживал. Мне всегда задавали один и тот же вопрос: «Что вы распыляете, чтобы они так хорошо выглядели?» Когда же я отвечал: «Ничего», на меня смотрели с тенью тревоги, будто только что обнаружили бомбу в упорядоченном жирующем конформистском Бока Ратоне.

Итак, в тот день я зашел на сайт organicgardening.com и наткнулся на раздел «Вакансии». И открыл его, не до конца осознавая, зачем это делаю. Мне была по душе моя должность ведущего рубрики, нравились ежедневное общение с читателями, свобода в выборе темы и подходе к изложению материала – серьезном или с юмором. Мне нравилось быть в курсе злободневных тем. Я не испытывал желания сменить работу в газете на сонное издательство, которое находилось невдалеке. Тем не менее я просмотрел вакансии скорее из праздного любопытства, нежели по какой-то другой причине, и вдруг замер на середине страницы. Журнал «Органическое садоводство», флагманский журнал компании, искал нового главного редактора. Мое сердце сжалось. Я часто размышлял о существенных переменах к лучшему, которых может добиться профессиональный журналист именно в журнале, и вот он – мой шанс. Это было смешно и казалось безумием. Работа сводилась к редактированию статей про цветную капусту и компост. И почему мне хочется этим заняться?

В ту ночь я рассказал Дженни о сделанном мной открытии, внутренне готовый к тому, что она сочтет меня сумасшедшим за подобные сумасбродные мысли. Но она предложила послать резюме, чем удивила меня. Идея покинуть жаркую, влажную, многолюдную и криминальную Южную Флориду и вести размеренную жизнь в деревне понравилась Дженни. Она тосковала по четырем временам года и холмам, по опадающим листьям и весенним нарциссам. Соскучилась по сосулькам и яблочному сидру. И хотела, чтобы наши дети и, как бы нелепо это ни звучало, Марли увидели настоящую метель.

– Марли никогда не бегал по снегу, – сказала она, поглаживая его шерсть босой ступней.

– Весомый повод, чтобы сменить место работы, – засмеялся я.

– Тебе нужно отправить резюме, просто чтобы удовлетворить свое любопытство, – сказала она. – Посмотри, что из этого получится. Если они предложат место, ты в любой момент можешь отказаться.

Должен признаться, я разделял ее мечту о переезде на север. Несмотря на все радости жизни в течение всех этих лет, проведенных в Южной Флориде, я оставался северянином и всегда скучал по трем вещам: покатым холмам, смене времен года и открытому пространству. Да, я полюбил Флориду, ее теплые зимы, пикантную кухню и забавное смешение национальностей, но никогда не переставал мечтать о бегстве в личный рай. Не об участке размером не больше почтовой марки в сердце сверхдорогого Бока Ратона, а о нормальном наделе земли, где я мог бы копаться в грязи, колоть дрова и носиться по лесу вместе со своим псом.

Я отправил резюме, по-прежнему убеждая себя, что это ровным счетом ничего не значит. Через две недели раздался звонок от Марии Родейл, правнучки Дж. А. Родейла. Письмо было адресовано службе персонала компании, поэтому удивился тому, что слышу голос самого владельца, и переспросил ее фамилию. Мария

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru заинтересовалась журналом, основанным ее дедушкой, и загорелась желанием вернуть ему былую славу. Она была уверена, что для этого ей нужен не просто рьяный садовод-органик, а профессиональный журналист. Ей хотелось печатать в своем журнале больше увлекательных и познавательных материалов об окружающей среде, генной инженерии, разведении скота и птицы промышленными способами и растущем движении сторонников органического садоводства.

Я ехал на собеседование с настроением основательно набить себе цену, но попался на крючок, как только свернул от аэропорта на двухполосную сельскую дорогу. На каждом повороте передо мной открывался новый красивый пейзаж: здесь – каменный фермерский дом, там – крытый мост. Наполовину уже оттаявшие ручьи журчали, стекая с возвышенностей, а вспаханные поля тянулись до горизонта. Стояла весна, и каждое дерево в долине Лихай вступило в восхитительную пору цветения. Остановившись возле довольно странного в сельской местности знака «Стоп», я вышел из автомобиля, взятого напрокат, и встал на дороге. Повсюду зеленели леса и луга – ни машин, ни людей, ни зданий. Из первого же попавшегося по пути телефона-автомата я позвонил Дженни: «Ты не поверишь, какие тут места!» – сказал я ей.

* * *

Через пару месяцев грузчики сложили содержимое нашего дома в Бока Ратоне в огромный грузовик. Машину и минивэн погрузили в автомобильный перевозчик. Мы передали ключи от дома новым владельцам и свою последнюю ночь в Южной Флориде провели у соседей, лежа прямо на полу. Марли растянулся между нами. «Пикник в комнате», – смеялся Патрик.

На следующее утро я встал пораньше и вывел Марли на его последнюю прогулку по земле Флориды. Пока мы совершали круг по кварталу, он сопел, рвался вперед и вставал на дыбы, поднимая лапу на окрестные кусты и почтовые ящики, мимо которых мы проходили. Он даже не догадывался о той разительной перемене в жизни, которая его ожидала. Чтобы перевезти его на самолете, я купил прочную пластиковую клетку, и по совету доктора Джея после прогулки всыпал в пасть псу двойную дозу успокоительного. К тому времени, когда наш сосед подвез нас до международного аэропорта Палм-Бич, глаза у Марли покраснели, и сам он стал апатичным. Он не оказал бы сопротивления, даже если бы его привязывали к ракете.

На терминале клан Грогэнов просто невозможно не заметить: двое перевозбужденных мальчишек, носившихся по кругу, проголодавшаяся малышка в коляске, пара усталых родителей и одна на редкость заторможенная собака. Довершали картину прочие обитатели зверинца: две лягушки, три золотые рыбки, рак-отшельник, улитка Лентяйка и живые сверчки в коробке – корм для лягушек. Пока мы стояли в очереди на регистрацию, я приготовил пластиковую клетку. Среди всего, что было в продаже, эта оказалась самой большой, однако когда подошла наша очередь, сотрудница в форме посмотрела на Марли, перевела взгляд на клетку, потом снова на Марли и сказала:

- Мы не можем взять на борт собаку в этой клетке. Пес слишком велик для нее.
- В зоомагазине мне сказали, что эта клетка для крупных собак, – удивился я.
- Согласно правилам Федерального авиационного агентства собака должна свободно стоять и поворачиваться в клетке, – объяснила сотрудница и скептически добавила:
- Ну-ка, попробуйте.

Я открыл дверцу и позвал Марли. Но он не собирался добровольно заключать себя в эту переносную клетку-тюрьму. Я толкал его, уговаривал и обхаживал, однако лапы пса словно приросли к земле. Куда подевалось печенье, когда оно так нужно? Я порылся в карманах, пытаюсь найти хоть что-то, чем его можно было бы соблазнить, в итоге достал коробку с мятными жевательными драже. Все же лучше, чем ничего. Достал драже и поднес к его носу.

– Хочешь освежиться, Марли? Ну-ка, поймай драже! – и кинул лакомство в клетку. Как и ожидалось, он клюнул на наживку и вошел в клетку.

Служащая аэропорта оказалась права: клетка не совсем соответствовала габаритам Марли. Во-первых, ему приходилось пригибаться, чтобы не биться головой о потолок, во-вторых, его нос упирался в заднюю стенку, а в-третьих, его зад

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru торчал из дверцы. Я подогнул ему хвост и закрыл дверцу, слегка втиснув Марли внутрь.

– Ну, что я вам говорил! – похвастал я в надежде, что она все же сочтет эту емкость приемлемой для Марли.

– Он должен иметь возможность повернуться, – спокойно ответила сотрудница.

– Малыш, повернись, – кивнул я ему, чуть слышно присвистнув. – Давай же повернись.

Пес посмотрел на меня осоловевшим взглядом. Его голова терлась о потолок, словно он раздумывал, как же совершить такой подвиг. Если он не сможет повернуться, то авиакомпания не пропустит его на борт. Я взглянул на часы. У нас оставалось двенадцать минут, чтобы пройти контроль службы безопасности, пройти через зал ожидания и сесть в самолет.

– Иди сюда, Марли, – сказал я с нарастающим отчаянием. – Давай же!

Я щелкал пальцами, стучал по дверце, причмокивал.

– Ну, пожалуйста, – умолял я его. – Повернись.

Я уже был готов упасть на колени, как вдруг услышал треск и вслед за тем голос Патрика.

– Упс, – сказал он.

– Лягушки выскочили! – вскрикнула Дженни, бросаясь за ними в погоню.

– Фрогги! Кроки! Вернитесь! – хором кричали мальчики.

Моя жена уже опустилась на пол и на четвереньках ползала за лягушками, но они коварно сохраняли дистанцию в один прыжок. Пассажиры останавливались и таранились на нас. На расстоянии лягушки были не заметны, и создавалось впечатление, что по полу ползает ненормальная тетка с пачкой подгузников на шее, которая, очевидно, перебрала с самого утра. Судя по выражению лиц прохожих, их вовсе не удивило бы, если бы вдруг Дженни завывала.

– Извините, я на секунду, – спокойно сказал я сотруднице аэропорта и, встав на четвереньки, присоединился к Дженни.

Нам удалось поймать фрогги и кроки в тот момент, когда они собирались сделать свой последний рывок на свободу через автоматические двери. Наблюдая за нашими действиями, присутствующие получили массу удовольствия. Едва мы вернулись, я услышал шум, раздавшийся в собачьей клетке. Она пошатнулась и закачалась. Я увидел, что Марли каким-то образом удалось повернуться.

– Видите, – сказал я сотруднице. – Он поворачивается без проблем.

– Ладно, – сурово ответила она. – Будем считать, что вам повезло.

Двое рабочих поставили клетку с Марли на тележку и увезли. Опоздавшие пассажиры ринулись к самолету. Мы подбежали в тот момент, когда выход на посадку закрывался. Мне вдруг пришло в голову, что, если опоздаем на рейс, Марли полетит в Пенсильванию один. И мне страшно было даже думать о дальнейшем развитии событий.

– Стойте! Мы здесь! – заорал я, толкая вперед коляску с Колин. Дженни с мальчиками бежала в пятнадцати метрах позади меня.

Я позволил себе выдохнуть, только когда все заняли свои места. Мы впили Марли в клетку. Поймали лягушек. И вот уже сидим в самолете. Следующая посадка в городе Аллентаун, штат Пенсильвания. Теперь можно наконец расслабиться. Посмотрев в иллюминатор, я увидел, как к самолету подъехала тележка с собачьей клеткой.

– Смотрите, – сказал я детям, – вон там наш Марли. Они помахали в окошко и

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru крикнули ему:

– Пывет, пятиль!

Когда запустили двигатели, а бортпроводница сообщила о мерах безопасности, я достал журнал. Тут вдруг заметил, что Дженни, сидевшая передо мной, напряженно вслушивалась. Я тоже услышал кое-то. У нас под ногами, из недр лайнера донесся приглушенный, но отчетливый стон. Это был жалостный, унылый звук, напоминавший вой, который начинался с низких нот и постепенно повышался. О нет, Господи Иисусе, Марли воет внизу! Общеизвестно, что лабрадоры выть не умеют. Воют гончие. Воют волки. Лабрадоры – нет. Во всяком случае, у них это плохо получается. Раньше Марли дважды пытался выть, и оба раза были ответной реакцией на включенную сирену проезжавшего полицейского автомобиля. Пес запрокидывал голову, округлял пасть и издавал самый жалостливый звук, которым мне приходилось когда-либо слышать. Но теперь Марли точно выл.

Пассажиры оторвались от своих газет и романов. Бортпроводница, в тот момент раздававшая подушки, остановилась в недоумении. Женщина, сидевшая через проход от нас, посмотрела на своего мужа и сказала:

– Прислушайся. Ты тоже слышишь? По-моему, это воет собака.

Дженни смотрела прямо перед собой. Я уткнулся в журнал. Если кто-нибудь спросит, мы будем отрицать, что это наша собака.

– Пятилю гьютно, – сказал Патрик.

Нет, сынок, хотелось мне поправить его, это какой-то странной собаке, которую мы никогда не видели, грустно. Но я лишь поднял журнал повыше, чтобы спрятать свое лицо. Реактивные двигатели заревели, заглушая жуткие вопли Марли, и самолет выехал на взлетно-посадочную полосу. Представил себе состояние нашего пса. Темное багажное отделение. Он там один, напуганный, растерянный, к тому же напичканный лекарством, не может ни встать, ни сесть. Ревущие двигатели самолета в извращенной фантазии Марли могли превратиться в бесконечные раскаты грома, который хочет выбить его из привычной колеи. Бедняга. Я не был готов вслух признать, что это мой пес, но знал, что весь полет буду переживать за него.

Едва самолет оторвался от земли, я вновь услышал тихий треск. Теперь уже Конор сказал: «Упс». Я посмотрел вниз и тотчас опять уткнулся в журнал. Через несколько минут украдкой огляделся по сторонам. Убедившись, что никто на нас не смотрит, потянулся вперед и шепнул Дженни на ухо: «Представляешь, сверчки сбежали».

Глава 22

В краю «карандашей»

Наш новый дом стоял на отшибе, а площадь надела земли, простиравшегося по склону холма, составляла почти гектар. Возможно, это даже была маленькая гора – местные жители спорили об этом. Мы стали владельцами лужайки, где можно было собирать лесную малину, участка леса, где, к своему удовольствию, я мог колоть дрова, и небольшого ручья, который весной становился полноводным, там дети и Марли могли перепачкаться с головы до ног. У нас появились камин и неограниченные возможности заниматься садом, а осенью, когда опадали листья, из окна кухни открывался вид на белую колокольню и церковь, стоявшую на соседнем холме.

В придачу к новому дому мы получили колоритного соседа; казалось, он только что делал кинопробы. Это был рыжебородый огромный мужик, своим видом напоминавший медведя; он жил в каменном доме на ферме постройки 1790-х годов. По воскресеньям сосед обычно усаживался на заднее крыльцо и развлекал себя стрельбой из винтовки по лесу, вызывая ужас у Марли. В первый же день, как только мы появились в новом доме, сосед пришел к нам с бутылкой домашней вишневой наливки и корзиной очень крупной черной смородины. Он назвал себя Землекопом. На этом основании мы решили, что он зарабатывает на жизнь, вскапывая землю. Если потребуется выкопать яму или вспахать землю, наставлял он нас, стоит только свистнуть, и он явится вместе с любым из своих тракторов.

– А если собьете оленя своим минивэном, тоже зовите, – добавил Землекоп, хитро подмигнув. – Мы забьем его и поделим мясо, прежде чем полицейские пронюхают об этом. – Да, это не Бока.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Только одного мы не учли, обустроивая новую жизнь на лоне природы. Мы уже въехали на подъездную дорожку, когда Конор растерянно посмотрел на меня, и из его глаз брызнули большие слезинки.

– Я думал, в Пенсильвании будет много карандашей! [20]

Для наших сыновей, которым исполнилось семь и пять лет, это было настоящим потрясением. Они судили по названию штата, куда мы переезжали, и оба рассчитывали увидеть яркие желтые палочки для рисования, которые растут прямо на деревьях и кустах, как спелые ягоды, и поджидают, когда кто-то соберет их. Мальчики были сильно расстроены.

Несмотря на досадное отсутствие предполагаемых канцелярских принадлежностей, для детей это с лихвой восполнялось местными обитателями – скунсами, опоссумами, лесными сурками, а также ядовитым плющом, который обвивал деревья на лесных опушках. Однажды утром, заваривая кофе, я выглянул из окна и увидел, что на меня смотрит прекрасный пятнистый олень. На другое утро в наш сад забрели кудахтавшие дикие индейки. Как-то раз в субботу мы с Марли отправились к подножию холма через лес и наткнулись на капкан для норок. Капкан для норок! Практически у меня в саду! Принцессы Бокахонтас ничего бы не пожалели за такое единение с природой!

Жизнь в деревне была спокойной, милой, но в то же время немного уединенной. Пенсильванские голландцы были вежливы, но настороженно относились к чужакам. После толп людей и очередей в Южной Флориде я должен был бы наслаждаться таким одиночеством. Вместо этого, по крайней мере на первых порах, я скептически воспринимал наше решение переехать в такую глушь.

А Марли подобные сомнения не терзали. Если не считать пальбы Землекопа, новый деревенский образ жизни ему понравился. Да и что могло не устраивать собаку, у которой энергии больше, чем мозгов? Он носился по лужайке, пробирался через заросли ежевики, плескался в ручье. Пес задался целью поймать одного из многочисленных кроликов, которые считали мой огород своей закуской. Стоило Марли заметить грызуна, жующего салат, он бросался за ним с холма и преследовал его. В такие моменты его уши развевались на ветру, лапы барабанили по земле, а в воздухе раздавался звонкий лай. Марли был слишком приметным, вроде взвода солдат на марше, поэтому ему никогда не удавалось приблизиться к жертве меньше чем на четыре метра – кролик мгновенно бросался наутек к лесу, в безопасное место. Но Марли был неисправимым оптимистом: он возвращался и, виляя хвостом и ничуть не огорчаясь, через пять минут проделывал то же самое с другим кроликом. Хорошо, что он был не более удачливым и в охоте на скунсов.

Наступила осень, а с ней пришло время для новой озорной игры с кучей опавшей листвы. Во Флориде осенью деревья не сбрасывали листву, и Марли был уверен, что сыплющиеся с небес листья – это персональный подарок для него. Пока я сгребал граблями желтые и оранжевые листья в огромные кучи, Марли сидел и терпеливо наблюдал, выжидая подходящего момента, чтобы броситься на них. А когда куча становилась целой горой, он подкрадывался к ней, припадая к земле. Сделав несколько шагов, пес останавливался, поднимал переднюю лапу и нюхал воздух, как лев, преследующий невинную газель. Я, опираясь на грабли, прерывал работу, чтобы оценить полученный результат, а Марли устремлялся вперед. Он делал несколько прыжков через лужайку, а последние метры пролетал, шумно плюхаясь животом прямо в середину кучи. Там он рычал, катался на спине, лупил листья, чесался и непонятно зачем ожесточенно гонялся за собственным хвостом, разметывая собранные листья по лужайке. А потом усаживался посреди своей работы, весь усеянный клочьями листьев, и осчастливливал меня довольным взглядом, мол, без его помощи не обойтись и кучи не собрать.

* * *

Наше первое Рождество в Пенсильвании должно было быть снежным. Мы с Дженни старательно убеждали Патрика и Конора, что решение покинуть Флориду и переехать было удачным. И одним из главных преимуществ переезда мы называли снег. Причем не просто видимость снега, а глубокие, пушистые сугробы, какими их обычно изображают на открытках, и тихо падающие с неба крупные хлопья снега, из которого можно слепить снеговика. Снегопад на Рождество был лучшим подарком, Святым Граалем [21] северной зимы. Мы опрометчиво расписали детям сказочную картинку, заставив их поверить, что рождественским утром они проснутся и увидят белоснежное нетронутое одеяло со следами саней Санты перед входной дверью.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

За пару дней до грандиозного события все трое детей устроились возле окна. Они могли сидеть там часами, неотрывно глядя на свинцовое небо, будто бы это ускорило снегопад. «Ну давай же, снег, иди!» – уговаривали они. Дети никогда не видели настоящего снега, а мы с Дженни – последнюю четверть нашей жизни. Нам всем хотелось снега, но облака не сдавались. За несколько дней до Рождества всей семьей сели в минивэн и отправились на ферму, расположенную недалеко от нас. Там мы срубили ель, бесплатно прокатились на возе с сеном и с удовольствием попили горячего яблочного сидра, греясь у костра. Это были те важные составляющие северного праздника, по которым мы соскучились, и теперь не хватало лишь одного. Куда запропастился чертов снег? Мы с Дженни начали уже жалеть о том, что поспешили расхваливать приближавшийся первый снегопад. Когда мы везли наше срубленное дерево домой и сладковатый запах свежей смолы наполнил воздух, дети пожаловались, что их обманули. Сначала никаких карандашей, потом никакого снега. О чем еще солгали им родители?

В рождественское утро они нашли под елкой новые санки и кучу одежды для снежной зимы. Этого количества хватило бы для путешествия в Антарктиду, но пейзаж за окнами оставался прежним: голые ветви, жухлая трава, коричневые кукурузные поля. Я подкинул дров в камин и попросил детей набраться терпения. Когда выпадет, тогда и выпадет.

Наступил Новый год, а снега все не было. Казалось, даже Марли волновался и постоянно подбегал к окну, выглядывая на улицу и жалобно поскуливая, словно его тоже намеренно ввели в заблуждение. После каникул у детей начались занятия в школе, но снег так и не выпал. По утрам, сидя за столом, они недовольно смотрели на меня как на предателя. Я попытался неубедительно оправдаться:

- Наверное, маленьким детишкам в других деревнях снег нужен больше, чем нам.
- Да, конечно, пап! – сердито ответил Патрик.

Прошло три недели, и снегопад в конце концов спас меня от угрызений совести. Снег выпал ночью, когда все спали. Первым поднял тревогу Патрик. На рассвете он прибежал в нашу спальню и раздвинул шторы.

- Смотрите! – провизжал он. – Снег выпал!

Мы с Дженни приподнялись на кровати, чтобы увидеть свидетельство нашей невиновности. Белая скатерть покрыла холмы и кукурузные поля, уходящие за горизонт.

- Конечно, выпал, – ответил я с наигранной небрежностью. – Я же тебе говорил.

Высота снежного покрова достигла около 30 сантиметров, а снег все валил с небес. Вскоре, вздыхая и волоча за собой одеяла, в прихожую пришли Конор и Колин. Марли тоже вскочил, потянулся и стал колотить хвостом по всему, что оказалось на его пути, почувствовав прилив сил. Я повернулся к Дженни и сказал:

- Похоже, отправлять их спать – не решение.

Она согласилась. Тогда я повернулся к детям и крикнул:

- Ну что, снежные зайчики, всем одеваться!

Следующие полчаса мы боролись с молниями, носками, пряжками, капюшонами и перчатками. Когда закончили одеваться, дети стали смахивать на мумий, а наша кухня – на раздевалку участников зимних Олимпийских игр. В дисциплине «Дураки на ледяной горке» в весовой категории больших собак выступал... пес Марли! Я открыл парадную дверь, и, прежде чем кто-либо успел сделать шаг, Марли пронесся мимо нас и по неосторожности сбил с ног сильно закутанную Колин. Как только его лапы почувствовали странное белое покрытие («Ой, мокро! Ой, холодно!»), он, недооценив ситуацию, попытался сделать оборот вокруг своей оси. Любопытно, кто водил машину во время снегопада, знает: резкое торможение в сочетании с разворотами не приведет ни к чему хорошему.

Марли занесло, и он покатился задом наперед. Он быстро перевалился на бок и снова вскочил на все лапы, соскользнул со ступеньки и въехал головой в сугроб.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Когда он выбрался оттуда, то походил на гигантский пончик, посыпанный сахарной пудрой. За вычетом черного носа и двух карих глаз он стал совершенно белым. Кошмарная снежная собака! Марли не знал, как быть с этим налипшим веществом. Он сунул нос в глубокий сугроб и громко чихнул. Пес подпрыгнул и снова залез мордой в сугроб. А затем, словно невидимая рука с небес вколола ему дозу адреналина, он на предельной скорости принялся носиться по саду огромными, размашистыми прыжками, которые нарушались кувырками или неожиданными падениями. Снег дарил ему столько же радости, сколько нападение на мусорный бак соседей.

Если проследить следы лап Марли, оставленные на снегу, то можно было увидеть его изощренную логику. Проложенный им путь изобиловал резкими заносами и разворотами, ломаными петлями и «восьмерками», спиральями и тройными лутцами. [22] Он следовал какому-то непостижимому алгоритму, понятному только ему. Вскоре дети последовали его примеру и стали скользить и кружиться. Снег проник во все складки их верхней одежды и попадал под нее. Дженни вынесла из дома тосты, намазанные маслом, кружки горячего какао и объявила: на сегодня школа отменяется. Я знал, что у меня не получится быстро выехать на своем маленьком переднеприводном «Ниссане» с подъездной дорожки, не говоря уж о поездке по неровным сельским дорогам, поэтому решил присоединиться к дню снега.

Я выгреб снег из каменного круга, который выложил прошлой осенью для костров на заднем дворе, и вскоре у нас уже потрескивал огонь. Дети катались на санках с горки, проезжая мимо костра, и останавливались у опушки леса, а Марли носился за ними. Взглянув на Дженни, я спросил:

– Если бы тебе год назад сказали, что ты с детьми будешь съезжать с заднего крыльца на санках, ты бы поверила?

– Никогда в жизни! – ответила она, тотчас слепила снежок и запустила его мне в грудь.

На волосах Дженни искрился снег, щеки покрылись румянцем, а изо рта шел пар.

– Иди сюда, поцелуй меня, – позвал я ее.

Позже, пока дети согревались у костра, я решил тоже сесть на санки. Последний раз я катался на них еще подростком.

– Присоединишься? – спросил я у Дженни.

– Извини, Жан-Клод, давай как-нибудь без меня, – ответила она.

Я поставил санки на вершине холма, лег на них спиной, уперся локтями, зафиксировал ноги спереди и начал раскачиваться для разгона. Нечасто Марли доводилось смотреть на меня сверху вниз и тем более чтобы такая проделка осталась безнаказанной. Он неуверенно приблизился ко мне и обнюхал мое лицо.

– Чего тебе? – спросил я, что стало для него сигналом к приглашению.

Он вскарабкался на меня и распластался.

– Уйди отсюда, жирный олух! – заорал я.

Но было уже поздно. Мы тронулись, набирая скорость.

– Счастливого пути! – прокричала Дженни. Пока мы летели вниз, Марли энергично облизывал мое лицо.

Наш общий вес оказался гораздо больше, чем вес детей, поэтому мы проехали ту точку, где заканчивался санный след.

– Держись, Марли! – заорал я. – Мы катим прямо в лес!

Мы пронеслись мимо раскидистого орехового куста, потом проскочили между двумя вишнями, чудом избежав все твердые объекты, продрались сквозь подлесок и ежевику. И тут я вспомнил, что поблизости начинался берег еще не замерзшего ручья. Я попытался выставить вперед ноги, чтобы использовать их в качестве тормоза, но ботинки застряли. Берег был крутым, почти отвесным, а мы продолжали

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru мчатся вперед. Я успел лишь вцепиться в Марли, зажмуриться и закричать: «Аааааааа!»

Санки соскользнули с обрыва и повисли на моих ботинках. Это напоминало классическую сценку в мультиках, когда герои несколько секунд парят в воздухе, прежде чем упасть на землю. Только в нашем «мультике» я вцепился в безумного слюнявого лабрадора. Мы крепко держались друг за друга и когда плюхнулись в сугроб на берегу, и потом, когда покатались к воде. Санки наконец-то остановились. Я открыл глаза и попытался оценить свое состояние. Пошевелил пальцами ног и рук и покрутил головой – вроде ничего не было сломано. Марли уже слез с меня и стоял рядом, сгорая от нетерпения еще раз пережить забавное приключение. Я встал и, отряхиваясь, сказал ему:

– Староват я для таких приключений.

Последующие месяцы показали, что Марли тоже для этого староват.

* * *

К концу нашей первой зимы в Пенсильвании я стал замечать, что Марли постепенно переходит из среднего возраста в предпенсионный. В декабре ему исполнилось девять лет, и он начал понемногу сдавать. Скачки необузданной энергии, заставлявшей адреналин играть у него в крови, случались все реже и становились короче. Теперь Марли предпочитал весь день дремать, а на прогулках уставал раньше меня, что было совсем на него не похоже. Как-то раз в конце зимы, когда температура была около нуля градусов, а в воздухе уже веяло весной, я спустился со своим псом с нашего холма и взобрался на соседний, более крутой. На вершине возвышалась белая церковь, а рядом находилось кладбище, где были похоронены ветераны Гражданской войны. [23] на самом деле мы гуляли подолгу довольно часто, и еще прошлой осенью Марли справлялся с маршрутом без особых усилий, несмотря на крутизну склона. Но на этот раз пес отстал от меня. Всю дорогу я подбадривал его, но он напоминал заводную игрушку, у которой садилась батарейка, из-за чего движения становились замедленными. Марли уже не хватало сил, чтобы добраться до вершины холма. Я остановился, чтобы дать ему немного отдохнуть, чего прежде не случалось.

– Ты же не подведешь меня, правда? – спросил я, нагнулся и погладил пса.

Марли посмотрел на меня. Глаза у него блестели, нос был влажным, и казалось, он не замечал тревожных сигналов своего организма. Морда Марли была скорее довольной, чем усталой, словно на свете нет ничего лучше сиделок рядом с хозяином на тропинке морозным утром в конце зимы.

– Если рассчитываешь, что я понесу тебя, забудь об этом, – предупредил я его.

На солнце стало заметно, как много седых волос появилось на рыжевато-палевой морде. На его светлой шерсти седина почти не бросалась в глаза, но она несомненно появилась. Вся морда и большая часть бровей из темно-желтых превратились в белесые. Мы и оглянуться не успели, как наш вечный щенок стал пожилым псом.

Кстати сказать, эти перемены вовсе не отразились на его поведении. Марли был всегда готов исполнить любую свою фирменную проделку, просто теперь совершал ее немного медленнее. Он по-прежнему таскал еду с детских тарелок. Открывал носом мусорное ведро на кухне и тщательно изучал его содержимое. И все еще натягивал поводок и глотал предметы домашней утвари.

Пес все так же лакал из унитаза и проливал воду из своей миски. Едва небо темнело и начинал греметь гром, он по обыкновению впадал в панику, а остававшись в одиночестве, крушил все вокруг. Однажды мы приехали домой и увидели, что Марли нервно носится по комнатам, а из матраса Конора торчат пружины.

С годами мы стали философски относиться к нанесенному ущербу. Правда, теперь флоридские грозы были далеко от нас, и Марли стал реже портить вещи. Если в доме живет собака, то неизбежно где-то отвалится штукатурка, какие-то подушки будут разорваны, какие-то ковры будут испорчены. Как у любых отношений, у этих имелась своя цена, и мы с ней согласились. Она поддерживала баланс между радостью, забавами, защитой и дружескими отношениями, которыми нас одаривал Марли. Тех денег, которые мы тратили на содержание нашей собаки и на ремонты, хватило бы на

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru скромную яхту. Но какой мерой нужно оценивать преданное ожидание твоего возвращения домой на протяжении всего дня? И чего стоит момент, когда твоя собака запрыгивает тебе на колени или спускается с тобой с горки на санках, облизывая лицо?

Марли заслужил свое место в нашей семье – как чудаковатый, но всеми любимый дядюшка. Он такой, как есть. И никогда бы не стал Лэсси или участником выставки. Теперь мы это знали. Но мы принимали пса со всеми его причудами и любили его за это еще больше.

– Эх ты, старый чудаковатый, – сказал я псу в тот день в конце зимы, почесывая ему шею. Целью нашей прогулки было кладбище, расположенное в нескольких шагах от нас. Однако, как бывает в жизни, путешествие куда важнее конечной точки. Я опустил на колено, поглаживая Марли, и сказал:

– Давай просто посидим здесь.

Когда пес отдохнул, мы отправились домой.

Глава 23

Парад домашней птицы

Той весной мы решили попробовать себя на поприще животноводства. Теперь у нас был целый гектар земли, и можно было завести животное или даже пару. Кроме того, я работал главным редактором журнала «Органическое садоводство», который пропагандировал содержание домашнего скота и использование навоза в цветущем гармоничном садике.

– Было бы здорово завести корову, – предложила Дженни.

– Корову? – переспросил я. – Ты в своем уме? У нас даже коровника нет, как же мы можем завести корову? И где ты предлагаешь ее держать? Уж не в гараже ли?

– Ну а как насчет овечки? – подумав, она умерила свой пыл. – Овечки очень милые.

Я посмотрел на нее взглядом практичного человека, который считает своего собеседника слабоумным.

– Ладно, давай заведем козу. Козы просто очаровательны!

В итоге мы остановили свой выбор на домашней птице. Любому садовнику, который отказался от применения пестицидов и удобрений, домашняя птица принесет только пользу. Птица недорогая и не требует больших средств на свое содержание. Для полного счастья достаточно маленького курятника и нескольких чашек зерна по утрам. Куры не только несут свежие яйца: когда хозяева выпускают их на прогулку, они старательно чистят их владения, поедая жучков и личинок. Склеывая клещей, они рыхлят землю, как маленькие эффективные почвофрезы, и удобряют ее, обогащая почву азотом. Каждый вечер с наступлением сумерек они сами возвращаются к своей кормушке. Что тут сложного? Курица – лучший друг садовника-органика. Куры приносят массу пользы. А кроме того, как подтвердила Дженни, они прошли тест на «симпатичность».

Итак, мы остановились на курах. Дженни подружилась с одной мамашей-фермершей из школы, которая сказала, что с удовольствием подарит нам несколько цыплят из следующего выводка. Я поделился нашими планами с Землекопом, и он тоже согласился, что несколько курочек нам не помешают. У Землекопа был большой курятник, где он выращивал кур – и несушек, и на мясо.

– Только запомните, – предостерег он, складывая на груди свои огромные ручки. – Ни в коем случае не разрешайте детям давать курам имена. Стоит только назвать по имени, как они перестанут быть домашней птицей и превратятся для вас в домашних животных.

– Конечно, – согласился я.

При разведении птицы, как мне было известно, нет места для сентиментальности. Курица может прожить до 15 лет, но несется она только первые два года. Когда куры перестают давать яйца, приходится отправлять их в кастрюлю. И это лишь часть кодекса правил любого птицевода.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
Землекоп пристально посмотрел мне в лицо, словно я пытался ему возразить, и добавил:

– Как только вы дадите им имена, пиши пропало.

– Заметано, – согласился я. – Никаких имен.

На следующий вечер, когда я вернулся с работы и припарковался на подъездной дорожке, вся троица выбежала из дома встречать меня, и каждый держал в руках новорожденного цыпленка. Дженни шла позади и держала четвертого. Ее подруга Донна завезла птичек днем. Цыплята только вылупились, и они, подняв головки, глядели на меня, словно спрашивая: «Это ты моя мама?»

Патрик был первым, кто сообщил новость:

– Я назвал своего Перышко, – сказал он.

– Моего зовут Чирик-Чирик, – подхватил Конор.

– Моя цыпа Фшистик, – прощепетала Колин.

Я вопросительно посмотрел на Дженни.

– Пушистик, – пояснила Дженни. – Она назвала своего цыпленка Пушистиком.

– Дженни, – забил я тревогу, – что нам говорил Землекоп? Это будущая курятина, а не домашние любимцы.

– О, будь реалистом, фермер Джон, – сказала она. – Ты не хуже меня знаешь, что никогда бы не смог причинить вред ни одному из них. Ты только взгляни, какие они симпатичные.

– Дженни! – взмолился я.

– Кстати, – сказала она, указав на четвертого цыпленка в ее руках. – Познакомься, это Ширли.

Перышко, Чирик, Пушистик и Ширли поселились на кухонном шкафу, в коробке, над которой висела электрическая лампочка, согревавшая их. Они ели и спали, потом еще немного ели и в результате росли с головокружительной скоростью. Через несколько недель после появления птичек в доме что-то разбудило меня на рассвете. Я сел на кровати и прислушался. Слабый крик доносился снизу. Он был скрипучим и грубым и напоминал кашель больного туберкулезом. Крик прозвучал снова: ку-ка-ре-ку! Через несколько секунд он раздался снова, такой же слабый, но звучал несколько иначе: рук-ру-рук-ру-ру!

Я потряс Дженни и, когда она открыла глаза, спросил:

– Когда Донна принесла цыплят, ты попросила ее еще раз проверить, все ли они курицы, верно?

– А ты что, можешь их отличить? – спросила она, перевернулась на другой бок и снова заснула.

Это называлось определение пола. Фермеры, знающие толк в своем деле, могут посмотреть на новорожденного цыпленка и с точностью до 80 процентов определить, мальчик это или девочка. На фермерском рынке птица определенного пола стоила дороже. Бюджетным вариантом считалось купить птиц неизвестного пола. В таком случае молодых петушков забивали на мясо, а курочек оставляли, чтобы они несли яйца. Но это требовало умения убивать, ощипывать и потрошить любых ненужных петушков, которые могли обнаружиться позже. Любому, кто хоть раз разводил кур, известно: два петуха в стае – это перебор.

Как выяснилось, Донна даже не удосужилась определить пол наших цыплят, и три из них оказались петухами. Коробка на кухне стала напоминать приют для мальчигов-сирот. Основная проблема содержания петухов заключается в том, что все они хотят быть вожаками и не желают уступать другому. Если у вас равное

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru количество кур и петухов, вы можете подумать, что они разойдутся по парам. Это заблуждение. Петухи начнут нескончаемый бой, жестоко расцарапывая друг друга, чтобы выяснить, кто будет главным в курятнике. Победитель получит все.

Как только наши петушки подросли, они начали клювом отстаивать свой статус и кукарекали в честь победы. Учитывая, что они так и остались жить на кухне и именно там под действием тестостерона пускали в ход свои клювы, пока я на заднем дворе мастерил курятник, все это не доставляло мне никакой радости. Ширли, наша единственная пользующаяся спросом бедняжка, получала столько внимания, о чем могут мечтать самые похотливые женщины на свете.

Я думал, что постоянное пение наших петушков выведет Марли из себя. В годы его молодости хватало сладкого чириканья крошечной певчей птички в саду, чтобы он завелся до громкого лая и начал кидаться от одного окна к другому. Тем не менее эти кричащие в нескольких шагах от его миски петушки оставляли его равнодушным. Казалось, он даже не догадывался об их существовании. С каждым днем они кукарекали все громче, и в пять утра их крик эхом разносился по всему дому: ку-ка-ре-кууууу! Несмотря на переполох, Марли продолжал спать. И тогда мне впервые пришла в голову мысль: возможно, он не просто игнорирует шум, а не способен его услышать. Как-то раз, когда он дремал на кухне, я подошел к нему сзади и назвал по имени: «Марли?» Тишина. Я повысил голос: «Марли!» Нет реакции. Хлопнул в ладоши и крикнул: «МАРЛИ!» Тогда он поднял голову и уши и равнодушно огляделся, пытаясь понять, откуда доносится шум. Я повторил последнее действие – громко хлопнул и прокричал его имя. На этот раз он повернул голову настолько, чтобы краем глаза увидеть меня. А, это ты! Он вскочил, завилял хвостом от счастья, хотя, разумеется, не ожидал меня увидеть. Пес уткнулся мне в колени в знак приветствия и скромно посмотрел на меня, словно спрашивая: «Ну и зачем ты подкрался ко мне как воришка?» Похоже, пес терял слух.

Такой оборот событий был вполне реальным и предсказуемым. В последние месяцы Марли, казалось, совсем не замечал меня, чего прежде за ним не водилось. Я звал его, а он даже не смотрел на меня. Я брал его с собой, чтобы выгулять перед сном; он принюхивался в саду, не реагируя на мой свист и призыв вернуться в дом. Пес засыпал в гостиной, лежа у моих ног, и, если кто-то звонил в дверь, даже не открывал глаз.

Уши доставляли Марли неприятности с самого раннего возраста. Как и многие лабрадоры, Марли был предрасположен к ушным инфекциям, и мы потратили немало денег на антибиотики, мази, антисептики, капли и визиты к ветеринару. Псу даже пришлось сделать операцию на наружных слуховых проходах, чтобы укоротить их и предотвратить развитие болезни. До того как мы принесли домой петухов, которых просто невозможно не услышать, мне и в голову не приходило, что за эти годы проблема обострилась и наша собака постепенно привыкала жить среди приглушенного и отдаленного шепота.

Казалось, сам Марли свыкся с болячками. Он отлично справлялся со своим пенсионным возрастом, и проблемы со слухом не влияли на его размеренный сельский образ жизни. На самом деле глухота служила веским оправданием его непослушания. В конце концов, как он мог реагировать на команду, если не слышал ее? Каким бы туповатым пес ни был, готов поклясться, он сообразил, что глухота ему пошла только на пользу. Положи ему кусок мяса в миску – он прибежит из соседней комнаты, ведь его способность улавливать глухой шлепок мяса о металл никуда не делась.

Но попробуй покричать ему, когда пес гуляет, то он, скорее всего, не отзовется, напротив, весело побежит дальше, даже не взглянув виноватым взглядом, как поступал прежде.

– Мне кажется, пес жульничает, – поделился я сомнениями с Дженни.

Она согласилась с тем, что слух у Марли проявлялся избирательно, но каждый раз, когда мы проверяли его – подкрадывались сзади, хлопали в ладоши и выкрикивали его имя, он не реагировал. Зато когда бросали в его миску еду, он тотчас прибежал. Казалось, он был глух к любым звукам, кроме одного, самого приятного его сердцу, а точнее, его желудку – сигнала к обеду.

Марли был вечно голодным псом. Мы не только ежедневно насыпали ему большие порции собачьего корма, которых хватило бы, чтобы прокормить целое семейство

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru чихуа-хуа, но и стали добавлять в его рацион объедки со стола, вопреки мудрым советам в книгах о собаках. А в них говорилось следующее: поедание объедков приучает собак к человеческой еде, и животные начинают отказываться от собачьего корма. И кто станет их винить, если им приходится выбирать между остатками бифштекса и сухим кормом? Объедки способствовали ожирению собак. Лабрадоры, в частности, имеют склонность к полноте в области скул, особенно когда достигают среднего или старшего возраста. Некоторые лабрадоры, особенно английские, вырастая, становились толстыми и раздувались, как воздушные шары.

Хотя у Марли было много проблем со здоровьем, ожирение в этом списке не значилось. Неважно, сколько калорий он потреблял, он всегда сжигал больше. Вся его необузданность и возбудимость требовали огромных затрат энергии. Он напоминал высоковольтный электрический провод, который за мгновение способен превратить каждый грамм топлива в чистую энергию. Марли был необычным экземпляром – той собакой, на какую заглядывались прохожие. Он был значительно крупнее среднестатистического лабрадора, который весит 32–40 килограммов. Даже когда Марли состарился, в его массе преобладали именно мышцы, 48 килограммов подтянутых мускулов, почти без жира. Его грудная клетка напоминала маленький бочонок пива, но в области ребер под кожей не было жировой прослойки. И мы беспечно не из-за ожирения, нас тревожила его худоба. Во время наших частых визитов к доктору Джею, когда жили во Флориде, мы с Дженни высказывали одинаковые опасения: Марли поглощал чудовищное количество еды, но при этом оставался значительно более тощим, чем большинство других лабрадоров. Причем нам казалось, что он постоянно умирал от голода, даже проглотив целое ведро корма, которого, судя по всему, хватило бы даже лошади. Неужели мы морили его голодом? Доктор Джей всегда давал мне один и тот же ответ. Он проводил руками по гладким бокам Марли, после чего тот от невероятного счастья начинал плясать в тесном кабинете. А потом доктор говорил, что по физическим показателям у Марли все идеально.

– Продолжайте в том же духе, – советовал он.

А потом, когда Марли просовывал голову между его коленями или слизывал ватный тампон с тумбочки, добавлял:

– Очевидно, мне не нужно вам снова объяснять, как много он расходует нервной энергии.

Каждый вечер после ужина приходило время покормить Марли, и я наполнял его миску собачьим кормом, а потом подкладывал ему вкусные объедки с нашего стола. С тремя маленькими детьми объедки оставались каждый день. Хлебные корки, мясная подливка, крошки, остатки супа, куриная кожа, соус, рис, морковь, пюре из чернослива, сэндвичи, макароны трехдневной давности – все это отправлялось в миску Марли. Может, наш питомец и вел себя словно придворный шут, но рацион у него был как у принца Уэльского. Мы прятали от него только наиболее вредную для собак еду – молочные продукты, сладости, картошку и шоколад. Случалось, я спорил с людьми, которые покупали для своих питомцев человеческую еду, но когда сам добавлял в рацион Марли продукты, которые в противном случае пришлось бы выбросить, то чувствовал себя бережливым и милосердным благодетелем. Я вносил разнообразие в меню своего любимца, и он всегда оценивал это по достоинству.

Когда Марли еще не дорос до должности нашей семейной мусорной корзины, на него были возложены обязанности уборщика. Ни одно пятно не было для нашей собаки слишком большим. Если кто-то из детей опрокидывал на пол тарелку, полную макарон с фрикадельками, все, что требовалось сделать, это свистнуть и подождать, пока Старый Моющий Пылесос всосет в себя все до последней крошки, а потом вылизет пол до блеска. Выскользнувшие из рук горошины, упавший сельдерей, вывалившиеся из кастрюли макароны, пролитое яблочное пюре – неважно, что это было. Стоило еде попасть на пол, она мгновенно уничтожалась. К изумлению наших друзей, Марли поедал даже листья салата.

Пища попадала в желудок Марли разными путями, и порой еде было совсем необязательно падать со стола. Он был изворотливой воришкой, которого никогда не мучили угрызения совести. Чаще всего жертвами его проказ становились ничего не подозревающие дети, если только он знал, что ни я, ни Дженни не наблюдаем за ним. Дни рождения были и для него настоящим пиршеством. Он протискивался сквозь толпу пятилетних малышей, беззастенчиво выхватывая из их ручонки хот-доги. А во время одной из вечеринок он кусок за куском воровал десерт с бумажных тарелок,

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru которые дети держали на коленях, и, как мы оценили позднее, ему перепало около двух третей торта.

Неважно, сколько еды ему доставалось во время кормления и в перерывах. Ему всегда хотелось еще. Вот почему, когда Марли стал терять слух, мы не удивились, что он по-прежнему прекрасно улавливал сладостный, такой притягательный звук еды в своей миске.

Однажды я приехал с работы, когда в доме никого не было. Дженни где-то гуляла с детьми. Я позвал Марли – он не ответил. Поднялся наверх, туда, где он часто дремал, оставаясь в одиночестве, но пса нигде не было. Переодевшись, снова спустился и застал Марли на кухне в позе, которая не сулила ничего хорошего. Он находился спиной ко мне, стоял на задних лапах (передние лежали на кухонном столе) и подьедал остатки тоста с сыром. Первым моим порывом было желание громко отчитать его. Но вместо этого решил проверить, как близко смогу подкрасться, прежде чем до него дойдет, что не один в кухне. Я на цыпочках приблизился – настолько, что мог дотянуться до него рукой. Пока поедал корочки, он держал под прицелом дверь, которая ведет в гараж, так как знал, что Дженни с детьми вернутся и войдут именно отсюда. Как только дверь откроется, он упадет под стол и сделает вид, что спит. Очевидно, ему не пришло в голову, что папочка тоже должен вернуться домой и он вполне может войти через входную дверь.

– Эй, Марли? – сказал я спокойно. – Ну и что ты тут делаешь?

Он продолжал поглощать тост, не подозревая о моем присутствии. Его хвост безжизненно висел. Это явное свидетельство его уверенности в том, что в доме больше никого нет и он совершает кражу века. Конечно, он был доволен собой.

Я громко откашлялся – он по-прежнему не слышал меня. Я причмокнул губами. Тишина. Он умял первый тост, отодвинул носом тарелку в сторонку и потянулся за корочками на второй тарелке.

– Ты плохой пес, – сказал я Марли, пока он работал челюстями.

Я дважды щелкнул пальцами, и он застыл с куском в пасти. Что это было? Неужели я слышал звук открывающейся двери машины? Спустя секунду он убедил себя, что угрозы нет, и вернулся к чужой закуске.

И в этот момент я и шлепнул Марли по заду. С тем же успехом мог поджечь шашку динамита. Старый пес едва не выскочил из собственной шкуры. Он стремительно бросился вниз и, завидев меня, упал на пол и выставил свой живот в знак капитуляции.

– Ты арестован! – крикнул я ему. – Арестован!

Но мне даже не хотелось ругать его. Марли был старым глухим псом. Я не собирался его переделывать, да и вряд ли подобное возможно. Зато поймать его с поличным было невероятно забавно, и я расхохотался, когда он пулей отскочил от стола. Но теперь, когда пес лежал у моих ног, прося о прощении, мне вдруг стало грустно. Наверное, в глубине души я надеялся, что он не признается в своем прегрешении и, как в старые добрые времена, попытается удрать от меня.

* * *

Строительство курятника закончилось. Это было треугольное сооружение из клееной фанеры, напоминавшее разводной мост. Главное, что туда теперь можно было переселить петухов-агрессоров. Затем добрая Донна обменяла двух наших петушков на курочек. Теперь по двору вышагивали три девочки и один мальчик, накачанный тестостероном; он мог делать только три вещи: находиться в ожидании секса, заниматься сексом или хвастливо кукарекать о недавней случке. Дженни подметила, что, если бы мужчины повиновались исключительно своим инстинктам, пренебрегая принятыми в обществе условностями, они стали бы петухами. Мне нечего было возразить. Признаюсь, я немного завидовал петуху, этому беззаботному гаду.

Каждое утро мы выпускали птиц во двор, и Марли всегда по нескольку раз пытался заигрывать с ними, пока у него были силы. Казалось, внутренний голос посылал ему срочное послание: «Ты лабрадор, а они птицы. Может, тебе стоит за ними погоняться?» Но Марли это занятие не приносило особой радости. Вскоре птицы поняли, что неуклюжее создание палевого цвета не представляет для них никакой

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru угрозы, а Марли научился делить территорию с новыми пернатыми агрессорами. Однажды, пропальная грядки, я увидел, что Марли и куры направились к огороду. По пути куры клевали пса, а Марли в ответ лишь сопел – словно старые друзья вышли прогуляться в воскресный день.

– И после этого ты еще называешься охотничьей собакой! – пожурил я его. Марли подбежал ко мне, поднял лапу, помочился на куст помидоров и присоединился к своим новым приятелям.

Глава 24

Секретная комнатка

Даже старый пес может многому научить человека. Глядя на слабеющего на наших глазах Марли, мы понимали всю бренность человеческого бытия. Мы с Дженни пока не дотягивали даже до среднего возраста. Наши дети были еще маленькими, наше здоровье – хорошее, а старость казалась чем-то очень далеким. Проще всего было отрицать неизбежный ход времени, надеясь, что нас это не коснется. Но Марли отнял у нас роскошь такого настроения. Мы видели, как он седеет, глохнет, с трудом передвигается, и невозможно было не осознавать, что он, видимо, скоро умрет... да и мы тоже когда-нибудь. Любое живое существо рано или поздно становится немощным, но саки стареют особенно заметно. За короткий отрезок времени длиной в двенадцать лет из подвижного щенка Марли превратился сначала в неуклюжего молодого пса, потом в сильную взрослую собаку и, наконец, в дряхлого инвалида. Собачий год обычно приравнивается к семи годам человеческой жизни, то есть, по нашим меркам, сейчас ему было почти девяносто лет.

Когда-то сверкавшие белизной зубы нашего пса стерлись до коричневатых шишек. Три из четырех клыков уже отсутствовали – один за другим они ломались во время безумных атак, когда он пытался прогрызть себе путь в безопасное место. Если раньше из пасти Марли почему-то разило рыбой, то теперь от него исходило зловоние мусорного бака, который простоял на солнцепеке. Не вызывал энтузиазма и тот факт, что Марли пристрастился к сомнительному деликатесу – к куриному помету. Вызывая у нас полнейшее отвращение, он уплетал его с таким наслаждением, словно ел черную икру.

Его пищеварение было уже не таким идеальным, как раньше, а кишечник, словно завод по производству метана, начал выделять огромное количество газов. Бывали дни, когда мне казалось: стоит зажечь спичку, и весь дом взлетит на воздух. Метеоризм Марли имел свойство увеличиваться прямо пропорционально количеству приглашенных к нам на обед гостей, и комнату, где находился источник, мгновенно покидали из-за «смертельной» концентрации газов. «Марли! Опять!» – кричали хором дети и убегали. Иногда он и сам уходил. Случалось, что пес спокойно спал, но вдруг его ноздри улавливали запах. Он тотчас открывал глаза и приподнимал бровь, словно спрашивая: «О боже! Кто это сделал?» А затем Марли вставал и невозмутимо удалялся в соседнюю комнату.

Когда он не пускал газы, то выходил на улицу и делал там свои дела. Или по крайней мере думал о том, как и когда будет их делать. Его придирчивость к месту, где можно было облегчиться, разрасталась до состояния маниакальной одержимости. Каждый раз, когда я выпускал его во двор, ему требовалось все больше и больше времени, чтобы подыскать подходящее место. Он прохаживался взад-вперед, бегал кругами, принимался, останавливался, почесывался, опять кружил, блуждая в поисках места. В это время он забавно скалил зубы. А пока он прочесывал местность в поисках подходящего уголка, я ждал его на улице. Иногда накрапывал дождь, порой шел снег. Временами становилось темно. В большинстве случаев выходил босиком или в одних трусах. Но я не мог оставить пса без присмотра, так как по опыту знал: в противном случае Марли мог убежать к соседским собакам.

Кстати сказать, теперь он обожал исчезать из дома. Если выпадала такая возможность и ему казалось, что можно незаметно смыться, он удирает за границы нашего участка. Впрочем, пес не удирает в прямом значении этого слова. Он принимался и посапывал у одного куста, переходил к следующему и так далее, пока совсем не исчезал из поля зрения. Однажды поздно вечером я выпустил его погулять перед сном. Шел холодный дождь, и было очень скользко, поэтому я на минуту вернулся в дом, чтобы накинуть плащ, висевший в шкафу в прихожей. А когда вышел на улицу, обнаружил, что пес исчез. Я пошел в сад и стал громко свистеть и хлопать в ладоши. Около получаса бродил под дождем по окрестностям в эксцентричном наряде: на ногах ботинки, а под плащом только трусы – искренне

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru надеюсь, что никто меня не увидит. Чем дольше длились поиски, тем сильнее я злился. Черт возьми, где он шляется? Но постепенно мой гнев сменялся беспокойством. Мне пришли на ум те старые собаки, о которых писали в газетах, что сбегают из приютов, а через три дня их находят замерзшими в снегу. Я вернулся домой, поднялся в спальню и разбудил Дженни.

– Марли исчез, – сказал я. – Нигде не могу его найти. Он где-то под холодным дождем. – Жена мгновенно вскочила, натянула джинсы, свитер, обулась. Совместными усилиями нам удалось расширить зону поисков. Я слышал, как Дженни свистела и звала Марли, стоя на холме, а я тем временем пробирался по темному лесу, опасаясь найти бездыханное тело своего пса у ручья.

Наконец наши с Дженни пути поиска пересеклись.

– Что-нибудь нашла? – спросил я.

– Ничего, – ответила она.

Мы промокли насквозь, а мои голые ноги обжигал холод.

– Ладно, пойдем домой погреться, а потом я поеду искать его на машине, – предложил я.

Мы спустились с холма и во дворе увидели Марли. Он сидел под навесом и бурно радовался нашему возвращению. Наверное, другой на моем месте просто прибил бы его. Но я завел собаку внутрь и тщательно вытер полотенцем, а кухня наполнилась ни с чем не сравнимым запахом мокрой псины. После такой утомительной прогулки Марли буквально рухнул от усталости и проспал ночь и все утро.

* * *

Зрение Марли слабело, и теперь кролики могли резвиться в трех метрах от него без всякого риска. Он сильно линял, и Дженни приходилось ежедневно пылесосить дом, но все равно она за ним не поспевала. Собачья шерсть забивалась в каждую щелочку, налипала на каждую деталь гардероба и проникала в большую часть готовящихся в доме блюд. Конечно, он линял и раньше, но если в былые годы такие периоды можно было сравнить с небольшим снегопадом, то теперь это напоминало буран. Когда он отряхивался, вздымалось целое облако из ворсинок, которые оседали на всех поверхностях. Как-то вечером я смотрел телевизор, свесив ногу с дивана, и рассеянно гладил пса босой ступней. Во время рекламы я опустил глаза и увидел, что в том месте, где гладил, образовался ком размером с грейпфрут. Клочья собачьей шерсти переносились по деревянному полу, как перекати-поле по степи.

Особое беспокойство внушало состояние его бедер. Сильнейший артрит суставов ослаблял лапы и причинял боль Марли. Пес, который некогда мог, как лошадь, катать меня на спине, поднимать спиной тяжелый стол и носиться с ним по комнате, теперь с трудом удерживал собственный вес. Он стонал от боли, когда ложился или вставал на лапы. Я не знал, насколько ослабили его бедра, до того дня, когда несильно хлопнул Марли по спине, и он рухнул на пол как подкошенный, словно его придавил валун. Мне было больно смотреть на это.

Ему становилось все труднее забираться по ступенькам на второй этаж, однако он даже не помышлял о том, чтобы спать в одиночестве на первом этаже, хотя мы устроили ему лежанку возле лестницы. Марли любил людей, обожал путаться под ногами, ему нравилось класть свой подбородок на матрац и пыхтеть спящим в лицо; а когда мы купались, он любил просовывать голову между занавеской и ванной и пить воду. Он и сейчас не прекращал проделывать свои фокусы. Каждый вечер, когда мы с Дженни поднимались к себе в спальню, пес терся у основания лестницы, скулил, тявкал, метался взад-вперед, а потом прошупывал передней лапой первую ступеньку. Таким образом он настраивал свою волю для подъема, который сравнительно недавно не представлял для него трудности. Стоя наверху, я подбадривал его: «Давай, мой мальчик, ты справишься!» Через несколько минут он исчезал за углом, чтобы с разбега начать подъем, перенес большую часть своего веса на плечи. Иногда ему удавалось добраться до самого верха, а порой он останавливался на полпути, и ему приходилось возвращаться, чтобы все начать сначала. В наиболее тяжелых случаях у него отказывали задние лапы, и он беспомощно скатывался на животе вниз по ступенькам. Он был слишком тяжелым, чтобы я мог втащить его наверх на руках, и все чаще спускался за ним,

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru приподнимал заднюю часть его туловища при каждой ступеньке, а он ковылял на передних лапах.

Поскольку возникли проблемы с передвижением по лестнице, я подумал, что теперь Марли будет меньше подниматься и спускаться по ней. Такое решение наглядно показало бы, что в недрах его головы где-то покоится здравый смысл. Однако, несмотря на то, с каким трудом давались ему подъемы, если я спускался за книгой или выключить свет, то он, топя, следовал за мной по пятам. А потом через несколько минут снова поднимался обратно. Когда он находился наверху, нам с Дженни приходилось по очереди следить за тем, чтобы пес не пытался спуститься вслед за нами по пустякам. Мы поняли, что наблюдать за ним со спины будет несложно, поскольку его слух ухудшился, и он спал теперь дольше и крепче обычного. Но складывалось такое впечатление, будто он всегда чувствовал, если мы ушли вниз. Например, я читал книгу в кровати, а он дремал возле меня на полу, громко похрапывая. Я украдкой откидывал одеяло, вставал, на цыпочках проходил мимо него к двери и оборачивался, чтобы убедиться, что не побеспокоил его. Через несколько минут после того, как я спускался, раздавались его грузные шаги на лестнице. Он направлялся искать меня. Марли мог быть глухим, полуслепым, но чутье никогда ему не изменяло.

Так происходило не только по ночам, но и днем. Я читал газету, сидя за кухонным столом, Марли устраивался клубком у моих ног, и тут я поднимался, чтобы взять кофейник в другом конце помещения. Он видел меня и понимал, что тотчас вернусь, но тяжело поднимался и устало тащился за мной. И даже не помышлял снова лечь, пока я не возвращался на место. А еще через несколько минут я выходил в гостиную, чтобы включить музыку, и пес снова начинал борьбу со своей дряхлостью, заставляя себя встать и последовать за мной. А когда я намеревался вернуться на кухню, он, обессилевший, со стоном буквально падал возле меня. Так и продолжалось, и не только в отношении меня, но и с Дженни, и детьми тоже.

* * *

Старость брала свое. Тем не менее временами Марли удавалось заставить свое тело двигаться с прежней живостью. Порой, глядя на него, трудно было поверить, что это одна и та же собака.

Однажды весной 2002 года я вывел Марли на короткую вечернюю прогулку. Ночь стояла прохладная и ветреная. Свежий воздух придавал бодрости, и я решил пробежаться; Марли, видимо, тоже почувствовал прилив сил и потрусил рядом со мной, как в старые добрые времена. Я даже сказал ему вслух: «Смотри-ка, Марли, ты прямо как в молодости». Он запыхтел от счастья, свесил язык, его глаза заблестели. Мы побежали трусцой к двери. Перед крыльцом Марли попытался игриво перескочить сразу через две ступеньки, но лапы отказали, и он по-дурацки распластался: передние лапы оказались на крыльце, задние лежали на дорожке, а живот опустился на ступени. Он лежал, растерянно глядя на меня и недоумевая, чем вызвано подобное унижение. Я свистнул и хлопнул в ладоши, а он начал мужественно двигать задними лапами, пытаясь подняться. Тщетно. Ему не удалось поднять зад. «Ну же, давай, Марли!» – подбодрил его я, но он не смог сдвинуться с места. В итоге я подхватил его и развернул боком, чтобы он мог опереться четырьмя лапами. После нескольких неудачных попыток ему наконец удалось встать. Тогда он отошел, оценил взглядом ступеньки и прыгнул на крыльцо. С того дня его былая уверенность в себе как чемпионе по запрыгиванию на крыльцо ослабла. Он больше никогда не пытался перепрыгнуть махом эти две небольшие ступеньки и всегда останавливался и прохаживался возле них.

Старость не радость – сомневаться не приходится. Молодость уже не воротить.

* * *

Марли напоминал мне о быстротечности жизни, о ее преходящих радостях и упущенных возможностях. Напоминал о том, что каждому из нас только раз дается шанс попасть «в яблочко» и второй попытки в жизни не бывает. Сегодня ты в состоянии доплыть чуть не до середины океана, надеясь схватить удачу за хвост, а завтра с трудом наклоняешься, чтобы попить из своей миски. Мне, как и всем, дана только одна жизнь. Я постоянно мысленно возвращался к одному и тому же вопросу: «Зачем я трачу свои годы на журнал о садоводстве?» Дело было не в том, что от новой работы не получал отдачи, – я гордился произошедшими в журнале переменами. Но сильно тосковал по газетам, по людям, которые их делают, и тем, кто их читает. Мне не хватало возможности быть причастным к главной новости дня, и скучал по настрою, что могу внести свою лепту, пусть совсем скромную. Я томился без

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru скачков адреналина, которые были неизбежны, когда приходилось писать статьи за несколько часов до сдачи номера в печать, и мне не хватало ни с чем не сравнимого удовлетворения, когда утром открывал почтовый ящик, заваленный ответами на мои слова, эмоции, мысли. Но больше всего тяготило отсутствие возможности рассказывать людям истории, и лишь удивлялся собственному решению: что меня надоумило уйти с работы, которая идеально мне подходила, и пуститься в авантюру с этим журналом, с его мизерным бюджетом, вечным поиском рекламодателей (а также квалифицированного персонала) и неблагодарным трудом редактора.

Когда один из моих бывших коллег упомянул, что газете Philadelphia Inquirer требуется ведущий рубрики, я ухватился за эту возможность, не раздумывая ни секунды. Такое место получить чертовски трудно даже в маленькой газете: когда появляется вакансия, на нее сразу же назначается кто-то из сотрудников. Перо доверяют ветеранам, которые уже зарекомендовали себя хорошими журналистами. У Inquirer была прекрасная репутация, за последние годы издание получило семнадцать престижных Пулитцеровских премий в области журналистики и считалось одной из лучших газет в стране. Я был ее поклонником и вот теперь получил приглашение на собеседование. Чтобы работать здесь, мне даже не нужно было переселяться: офис находился в сорока пяти минутах езды от Пенсильванской федеральной трассы – вполне приемлемое расстояние. Я не очень-то верю в чудеса, но все это казалось слишком невероятным, чтобы быть правдой, словно вмешалось само провидение.

* * *

В ноябре 2002 года я сменил свою рабочую одежду садовника на аккредитацию журналиста Philadelphia Inquirer. Может статься, это был лучший день в моей жизни. Я оказался там, где мне и следовало быть: в редакции газеты.

Я проработал на новом месте всего несколько месяцев, когда на Филадельфию обрушился первый в 2003 году сильный буран. Снегопад начался еще в воскресенье вечером, а к тому времени, как на следующий день небо прояснилось, на земле лежали сугробы высотой около 60 сантиметров. Пока местные власти расчищали дороги, дети три дня не ходили в школу, а я посылал свои материалы из дома. Я одолжил у соседа снегоуборщик, расчистил подъездную дорожку, а заодно прокопал узкий проход к входной двери. Зная, что Марли вряд ли сможет выбраться в сад по снежным заносам, не говоря уже о том, чтобы преодолеть глубокие сугробы по пути, я расчистил ему пятачок, его собственную «секретную комнатку», как назвали ее дети. В действительности это была небольшая площадка возле главной дорожки, на которой он мог делать свои дела. Правда, когда я позвал его на улицу, чтобы опробовать его новые удобства, он долго стоял в дверном проеме и недоверчиво принохивался к снегу. У него были довольно специфические представления о подходящем месте, где можно было справить естественные потребности, и моя площадка явно не отвечала его требованиям. Он уже занес лапу, чтобы собраться помочиться, но вдруг что-то остановило его. Писать прямо здесь? Под окном? Ты что, шутишь?! Он повернулся, с огромным трудом одолел скользкие ступеньки и скрылся в доме.

В тот вечер я снова вывел его на прогулку после ужина, и на этот раз Марли было невтерпех. Ему нужно было на улицу. Он нервно прохаживался по расчищенному проходу и по «секретной комнатке», потом выходил на подъездную дорожку, стучал когтями по мерзлой земле и нюхал снег. Нет, так не пойдет. Я даже не успел остановить его, как он вскарабкался на снеговую насыпь, образовавшуюся после работы снегоуборщика, и побежал через весь сад к заснеженным елям, которые стояли метрах в пятнадцати от нас. Я не верил собственным глазам: мой большой артритом пес отважился на переход через Альпы! Через каждые пару шагов его зад утопал, а лапы проваливались в снег. Несколько секунд он лежал на животе, потом снова поднимался и продолжал борьбу. Он медленно, с большим трудом пробирался через глубокие сугробы, используя мускулы своих все еще сильных плеч. Я стоял в оцепенении на подъездной дорожке, прикидывая, как буду его спасать, если он вдруг застрянет и не сможет вылезти самостоятельно. Но пес продвигался все дальше и дальше и наконец добрался до ближайшей ели. Неожиданно меня осенило, зачем он проделал этот путь. У Марли был план, причем, надо признать, гениальный. Под густыми ветвями снега было совсем немного. Крона дерева послужила навесом, и, как только Марли оказался под ним, он мог свободно передвигаться и приседать, где ему нравится. Он привычно закружил, обнюхал все вокруг и порывился в снег, стараясь отыскать подходящее место. Однако, к моему большому удивлению, он побежал к соседнему дереву. Первое место казалось мне просто идеальным, но оно явно не отвечало высоким стандартам Марли.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

С трудом он добрался до следующего дерева, но после некоторого количества кругов решил, что здесь тоже плохо. Он убежал к третьему дереву, потом к четвертому и к пятому, каждый раз все больше удаляясь от подъездной дорожки. Я звал его, хотя понимал, что пес не слышит меня.

– Марли, ты увязнешь там, кретин! – кричал я.

Но Марли настойчиво двигался к своей цели. Наконец он добрался до последнего дерева на нашем участке – это была огромная ель с густыми ветвями. Здесь дети обычно ждали школьный автобус. Там он и нашел клочок мерзлой земли, который так упорно искал, – свой личный, чуть припорошенный снегом. Он сделал несколько кругов и со стоном присел на свои старые, измученные, разрушенные артритом лапы. Там он наконец облегчился. Ура!

Завершив свою миссию, Марли пустился в обратный долгий путь домой. Я махал руками и хлопал в ладоши, чтобы поддержать его.

– Только не останавливайся, малыш! – кричал я.

Увы, в трех метрах от подъездной дорожки Марли обессилел. Он выдохся и, понуро упав на снег, тревожно посмотрел на меня. Как быть, хозяин? Я понятия не имел. Я мог пробраться к нему по сугробам, но что дальше? Он был слишком неподъемным, чтобы перенести его на руках. Еще несколько минут я стоял на месте, подзывая его, но Марли не двигался.

– Держись, – сказал я. – Я надену ботинки и вернусь за тобой.

Мне пришла мысль: можно уложить его на санки и отвезти домой. Едва пес увидел меня с санками, он преобразился. Марли вскочил, словно его подзарядили. Единственное, что могло вызвать такой шквал эмоций, – это воспоминание о нашем незадачливом катании на санках и падение с высокого обрыва на берег ручья. Ну конечно, ему хотелось снова пережить это! Он рванул ко мне, словно лев из болота. Пока он пробирался, я двигался навстречу, протаптывая для него тропу. В конце концов мы вместе выбрались из сугробов и вышли на подъездную дорожку. Настроенный игриво и самонадеянно, Марли отряхнулся, прошелся хвостом по моим коленям и встал на задние лапы. Его бравада напоминала хвастливого путешественника, который только что вернулся из утомительного странствия по диким просторам. Даже не представлял, что он способен на такое.

На следующее утро я расчистил узкую дорожку, ведущую к дальней ели на краю нашего участка, и Марли утвердил это место в качестве своего туалета на зимний период. Кризис миновал, но один вопрос по-прежнему не давал мне покоя (как бы печально это ни было): сколько еще это будет продолжаться? Когда же боль и унижительная немощ старости окончательно сломят моего пса?

Глава 25

Наперекор трудностям

Наступили школьные каникулы. Дженни посадила детей в минивэн, и они отправились к тете, чтобы погостить неделю в Бостоне. Я не смог поехать из-за работы. Марли был предоставлен самому себе, и рядом не было никого, кто мог бы составить ему компанию и выпустить на улицу. Из всех неприятностей, сопутствующих старости, теперь его особенно беспокоил плохо контролируемый кишечник. Надо заметить, что все эти годы, несмотря на кошмарное поведение Марли, к его интимному этикету у нас никогда не возникало претензий. Это единственная черта Марли, которой мы могли похвастать. Он ни разу не нагадил в доме, даже когда оставляли его одного на 10–12 часов. Мы даже шутили, что у него мочевого пузыря из стали, а кишечник вытесан из камня.

Однако за последние месяцы все изменилось. Справив малую нужду, он мог терпеть не больше двух часов. А когда ему становилось невмоготу, а нас не было дома, у него не оставалось выбора, и приходилось опорожняться прямо на пол. Марли испытывал мучительный стыд. Возвращаясь домой, всегда знали, случилась ли «авария». Вместо того чтобы приветствовать нас у двери неумемным весельем, он стоял в глубине комнаты. Пес низко опускал голову к полу, его безжизненный хвост свисал между лапами, и по его глазам было видно, что ему очень стыдно.

Мы никогда его за это не наказывали. Как мы могли? Ему было почти тринадцать лет

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru – предельный возраст для лабрадоров. Понимали, что он просто не может терпеть, да и он сам, похоже, тоже это осознал. Убежден, умеи он говорить, то честно признал бы свою вину и заверил бы нас, что действительно старался терпеть, как мог.

Дженни купила мощный пылесос, и мы начали планировать наш день с таким расчетом, чтобы Марли не оставался в одиночестве больше чем на пару часов. В это время моя жена подрабатывала в школе, и сразу после уроков она спешила домой. Порой я уходил со званных обедов, не дождаввшись десерта, с единственной мыслью: вывести пса на улицу. Марли, конечно же, хотелось продлить прогулку, но мы его не торопили. Он успевал обойти весь сад. Друзья в шутку спрашивали: кто же настоящий хозяин в доме Грогэнов?

Я знал, что с отъездом Дженни и детей дни будут тянуться как никогда долго. С другой стороны, мне выпадала возможность погулять после работы, побродить по окрестностям и изучить городки и поселения, о которых писал. Маршрут был долгим, и я отсутствовал дома по 10–12 часов. Не могло быть и речи, чтобы оставить Марли в одиночестве на такой длительный срок. Мы решили отдать его в собачий пансион, услугами которого пользовались каждое лето, когда отправлялись в отпуск. Этот пансион состоял при большой ветеринарной клинике, где поддерживался высочайший уровень сервиса. Правда, одно обстоятельство казалось странным: каждый раз, когда мы обращались в клинику, нас встречал новый доктор, который ничего не знал о Марли, кроме записей в его личной карте. Мы никак не могли запомнить имена врачей. В отличие от нашего любимого доктора Джея во Флориде, который знал Марли почти так же хорошо, как и мы сами, и стал настоящим другом нашей семьи к моменту переезда, эти врачи оставались для нас посторонними людьми. Компетентными, но тем не менее посторонними. Впрочем, Марли, похоже, было все равно.

– Пягиль едет в собачий лагерь! – визжала Колин, и Марли, словно в подтверждение ее слов, поднимал голову.

Мы забавлялись, придумывая для Марли распорядок дня в пансионе: 9.00–10.00 – копание нор, 10.15–11.00 – порча подушек, 11.05–12.00 – проверка мусорного бака и так далее. Я привез собаку в воскресенье вечером и оставил номер своего мобильного телефона. Казалось, Марли никогда не расслаблялся полностью, даже находясь у доктора Джея, а тем более в пансионе, поэтому я всегда немного беспокоился. После каждой такой поездки он возвращался домой мрачным. Он до крови натирал морду о решетку, а оказавшись дома, падал на пол в углу и крепко спал часами, будто находясь вдали от дома, он только тем и занимался, что безостановочно метался по клетке.

Утром во вторник, когда я находился в центре Филадельфии, неожиданно раздался телефонный звонок.

– Не могли бы вы поговорить с доктором таким-то? – спросила сотрудница пансиона.

Это был очередной ветеринар, чье имя я слышал впервые. Через несколько секунд меня соединили с доктором.

– У нас проблемы с Марли, – сказала врач. Мое сердце сжалось.

– Проблемы? – переспросил я.

Ветеринар сказала, что в желудок Марли, помимо еды и воды, попал воздух, и в результате возникло растяжение и заворот желудка. Поскольку ни газы, ни другое содержимое не могли выйти оттуда, его живот раздулся до состояния, опасного для жизни. Это называется гастроэктазия. Почти во всех случаях требуется хирургическое вмешательство, сказала она, и, если не сделать операцию в течение нескольких часов, пес может умереть.

Она также сообщила, что вставила ему зонд, выпустила большую часть скопившихся газов, и вздутие сократилось. А потом, передвигая зонд в его желудке, она облегчила состояние Марли, поэтому теперь ему дали снотворное, и он безмятежно спит.

– Это ведь хорошо, правда? – осторожно спросил я.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
– Это временное улучшение, – ответила врач. – Мы вывели его из критического состояния, но когда желудок у собаки так перекручивается, почти с полной уверенностью можно говорить, что рано или поздно это повторится.

– Насколько полной? – уточнил я.

– Я бы сказала, что шансы на отсутствие рецидива равны одному проценту, – сказала она.

Один процент? Ради бога, его шансы поступить в Гарвард и то выше!

– Один процент? Всего?

– Мне жаль, – сочувственно произнесла она. – Он в крайне тяжелом состоянии.

Если у него снова произойдет заворот желудка, а она сказала об этом как о факте, не подлежащем сомнению, есть два выхода. Первый – решиться на операцию. Врач сказала, что придется сделать разрез и с помощью шва прикрепить желудок к стенке полости, чтобы предотвратить рецидив.

– Операция обойдется вам приблизительно в 2000 долларов. – Я поперхнулся при этих словах. – И должна предупредить: это серьезное хирургическое вмешательство, которое собака преклонного возраста может не перенести. Восстановительный процесс будет долгим и тяжелым. Иногда такие старые собаки, как Марли, не выживают, – объяснила она. – Если бы ему было четыре-пять лет, то сказала бы, что операция в любом случае необходима, – добавила ветеринар. – Но, учитывая его возраст, вам лучше еще раз спросить себя: хотите ли вы подвергать пса такому риску.

– Не хотел бы, если можно ему помочь иначе, – сказал я. – Какой второй вариант?

– Второй вариант, – отозвалась она, немного поколебавшись, – усыпить.

– Ох, – только и смог вымолвить я.

Я с трудом переваривал информацию. Еще пять минут назад разгуливал по городу, думая, что Марли спокойно отдыхает в собачьем пансионе. А теперь должен решить, жить собаке или умереть. Прежде я не слышал об этом заболевании. Только потом узнал, что оно распространено у многих пород собак с широкой грудной клеткой, внешне напоминающих лабрадора. Собаки, которые в несколько глотков сметали с мисок всю порцию, как Марли, тоже оказывались в группе риска. Некоторые хозяева считали, что вздутие живота у их питомцев происходит из-за стресса, вызванного пребыванием в пансионе, но позже я поговорил с профессором ветеринарной медицины, и он сказал, что его исследования не установили прямой взаимосвязи стресса и заворота желудка. Однако ветеринар, говорившая со мной по телефону, признала: возбуждение Марли из-за присутствия других собак могло усугубить его состояние. Он по-прежнему съедал свой корм, сильно пыхтел и обильно сдабривал все слюной. Врач сказала, что он действительно мог наглотаться воздуха и слюны, и его желудок начал расширяться, а там недалеко и до заворота.

– А мы можем оставить все как есть и подождать? – спросил я. – Может, заворота не будет?

– Именно этим мы сейчас и занимаемся – ждем и наблюдаем за его состоянием, – сказала ветеринар. Она повторила про его шансы в один процент и добавила: – Если произойдет заворот, вы должны быстро принять решение. Мы не можем заставлять его страдать.

– Мне нужно поговорить с женой, – произнес я. – Я вам перезвоню.

Во время телефонного разговора с Дженни она вместе с детьми находилась на прогулочном катере. Я слышал шум работающих двигателей и голос гида, который разносился по громкоговорителю. Слышимость была отвратительная, а связь постоянно прерывалась. Я кричал, пытаюсь рассказать жене, с каким выбором мы столкнулись. Но она улавливала только обрывки фраз: Марли... критическое состояние... желудок... операция... усыпить.

А потом на другом конце повисла тишина.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

– Алло! – крикнул я. – Ты еще на связи?

– Я здесь, – сказала Дженни и снова умолкла. Мы оба знали, что этот день придет, просто не думали, что он наступит именно сегодня, когда ее и детей нет в городе и они даже не смогут попрощаться, а я находился в служебной командировке в полутора часах езды от дома.

К концу разговора, состоящего из криков и многозначительных пауз, мы решили, что время у нас еще есть. Ветеринар была права. Марли слишком слаб. Подвергнуть его болезненной операции ради того, чтобы оттянуть неизбежное, было бы жестоко. Конечно, высокую стоимость операции мы тоже не могли сбросить со счетов. Казалось, аморально, почти безнравственно тратить столько денег на старую собаку, приблизившуюся к финалу своего жизненного пути, в то время как множество бродячих собак усыпляют каждый день, а многие дети не получают достойную медицинскую помощь из-за отсутствия средств. Если время Марли пришло, значит, так тому и быть, и теперь мы должны дать ему уйти достойно и без страданий. Мы оба знали, что это решение правильное, но ни один из нас не был готов расстаться с Марли.

Я позвонил ветеринару и сообщил ей о нашем решении.

– Его зубы сгнили, он оглох, а его лапы настолько ослаблены, что он с трудом преодолевает две ступеньки крыльца, – рассказывал я ей, словно ей требовалось подтверждение. – У него проблемы с выбором места для стула.

Ветеринар, которую звали доктор Хопкинсон, согласилась со мной.

– Думаю, его час настал, – сказала она.

– Наверное, – ответил я.

Однако я не хотел, чтобы она усыпила его, не созвонившись прежде со мной. Я хотел находиться рядом с ним, если это возможно.

– И я все еще надеюсь на чудо с вероятностью в один процент, – добавил я.

– Давайте созвонимся через час, – предложила она.

Через час голос доктора Хопкинсон звучал чуть более оптимистично. Марли все еще держался, правда, ему внутривенно ввели физраствор. Она подняла его шансы до пяти процентов.

– Не хочу слишком обнадеживать вас, – сказала мне доктор Хопкинсон. – Он очень слаб.

На следующее утро голос врача звучал уже увереннее.

– Ночь прошла спокойно, – сообщила она.

Когда я перезвонил в полдень, врач уже убрала капельницу и накормила Марли рисом с мясом.

– Он совсем изголодался, – сообщила она. Во время следующего звонка он уже мог стоять.

– Хорошие новости! – поделилась доктор. – Один из наших санитаров только что вывел Марли погулять, и он пописал и покакал.

Я так обрадовался, словно Марли выиграл премию в «Лучшем шоу». Потом она добавила:

– Думаю, он чувствует себя намного лучше. Только что он чмокнул меня своим мокрым носом.

Да, это был наш Марли!

– Еще вчера мне казалось, что такое невозможно, – продолжала врач, – но, похоже,

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
завтра вы сможете его забрать.

Что я и сделал после работы на следующий вечер. Выглядел Марли кошмарно – кожа да кости, влажные, молочного цвета глаза, как будто он побывал на том свете и только что вернулся обратно. Впрочем, надо полагать, именно так дело и обстояло. Однако, после того как оплатил счет на восемь сотен долларов, я выглядел, наверное, не лучше. Когда поблагодарил доктора за ее хорошую работу, она ответила:

– Весь персонал любил Марли. Каждый из нас переживал за него.

Я подвел к машине своего удивительного пса, чьи шансы выжить составляли один к девяноста девяти, и сказал:

– Давай я отвезу тебя домой, там твое место.

Он остановился, горестно посматривая на заднее сиденье. Марли знал, что оно недоступно, как Олимп, и даже не пытался запрыгнуть. Я позвал на помощь одного из сотрудников пансиона, и мы вдвоем бережно подняли Марли и посадили в машину. Я повез его домой, с коробкой лекарств в придачу. Перед отъездом врач дала мне строгие указания. Марли запрещалась большая порция за один прием, то же относилось и к питью. Дни, когда он играл в подводную лодку в своей миске, уже миновали. С этого момента мы должны были давать ему небольшие порции и примерно по полчашки воды четыре раза в день. Таким образом, надеясь доктор, Марли удастся поддерживать спокойствие в своем желудке и избежать его вздутия. Еще Марли навсегда запрещалось пребывание в пансионе рядом с активными лающими собаками. Я, как и доктор Хопкинсон, был уверен, что именно тот фактор довел его до такого состояния.

* * *

Тем вечером, вернувшись домой, я расстелил на полу гостиной спальный мешок. Марли нельзя карабкаться по ступеням, а у меня не было желания оставлять беспомощного пса в одиночестве.

Я знал, что он всю ночь будет пытаться одолеть эти ступени, если не сможет находиться рядом со мной.

– Марли, мы устраиваем вечеринку с ночевкой! – объявил я, ложась рядом с ним. Я гладил его туловище – от головы до хвоста, пока на его спине не образовались комочки шерсти. Я вытирал слизь из уголков его глаз и чесал его за ухом, что ему очень нравилось. Дженни с детьми приедет утром, и она побалуует его маленькими порциями вареной говядины и риса. Тринадцать лет Марли был рядом с нами, и вот наконец он дождался того, чтобы перейти на человеческую пищу. Не объедки, а полноценная еда прямо с плиты, приготовленная специально для него. Дети обнимут пса, не подозревая, как скоро его с нами уже не будет.

Завтра в доме снова зазвучат их громкие голоса. Но сегодня мы были вдвоем: я и Марли. Лежа рядом с ним и чувствуя на своем лице его дыхание, не мог не вспомнить нашу первую ночь тринадцать лет назад, когда принес домой крохотного щенка, который скулил и звал свою мать. Вспомнилось, как перетащил его коробку в спальню, и мы уснули, а я опустил руку, чтобы ему не было страшно. По прошествии тринадцати лет мы все еще вместе. Я вспоминал время, когда он был щенком и молодым псом: разодранные диваны и обгрызенные матрасы, веселые прогулки вдоль Берегового канала, танцы под музыку, страсть к глотанию предметов (в том числе чеков моей зарплаты) и сладкие мгновения взаимной симпатии. Каким же прекрасным и верным товарищем был Марли все эти годы и какими чудесными они казались мне сейчас!

– Ты до смерти напугал меня, старина, – прошептал я, когда он растянулся возле меня и сунул морду мне под мышку, чтобы я продолжал его гладить. – Как же здорово, что ты вернулся.

Мы так и заснули, лежа рядышком на полу; он устроился на краешке моего спальника, моя рука обнимала его спину. Один раз за ночь Марли разбудил меня. Его плечи вздрогнули, лапы дернулись, и он тявкнул, словно щенок. Ему что-то приснилось, решил я. Снилось, что он опять молод и силен и этот день никогда не кончится.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
Глава 26

Одолжить время

В течение следующих нескольких недель Марли полностью восстановился. Озорная искорка опять зажглась в его глазах, а нос снова стал мокрым и холодным. Он поправился. Несмотря на все тяготы, через которые ему пришлось пройти, он выглядел совершенно здоровым. Он с удовольствием дремал целыми днями, выбрав себе место за стеклянной дверью, где можно погреться на солнце. На своей новой низкокалорийной диете, разбитой на маленькие порции, он был постоянно голодным и стал выпрашивать и воровать еду еще бессовестнее, чем раньше. Как-то раз вечером я засек Марли одного на кухне: он стоял на задних лапах, положив передние на кухонный стол, и поедал хлопья с тарелки. Как он смог проделать подобное при своих слабых бедрах, для меня остается загадкой. К чертям немошь, если хочется есть! Я был так растроган этим неожиданным приливом сил, что мне захотелось обнять пса.

Испуг, пережитый нами в то лето, должен был насторожить нас с Дженни, но мы быстро свыклись с приятной мыслью, что этот кризис – единичное явление и теперь угроза жизни нашей собаки миновала. Мы хотели, чтобы Марли жил вечно. Вопреки всем своим слабостям он по-прежнему существовал довольно беззаботно. Каждое утро после завтрака пес направлялся в гостиную, взбирался на диван, терся головой и пастью об обивку, попутно взбивая подушки. Потом разворачивался и проходил по дивану в обратном направлении, чтобы почесать другой бок. Затем он спрыгивал на пол и ложился на спину, чтобы почесать и ее. Ему нравилось сидеть и с вождением вылизывать ковровин, словно он был полит самой вкусной подливкой на свете. В ежедневные обязанности Марли входило: обляять молочника, навестить курочек, проверить птичью кормушку и изучить краны в ванной в поисках капелек воды, которые можно слизнуть. По нескольку раз в день он совал свой нос, поднимая крышку, в мусорное ведро на кухне, чтобы посмотреть, какими «подарками» можно поживиться. Он ежедневно вел себя, как подобает лабрадору-бегуну, пытался носиться по комнатам и при этом барабанил своим хвостом по стенам и мебели, и мне, как прежде, иногда приходилось разжимать его челюсти и доставать из пасти всевозможные предметы обихода: картофельные очистки, обертки от булочек, использованные бумажные салфетки и зубные нити. Даже в старости некоторые привычки неподвластны времени.

Через два года после событий 11 сентября, ранней осенью 2003 года, я отправился через всю Пенсильванию в небольшой шахтерский городок Шенксвилль, неподалеку от которого в то зловещее утро разбился самолет, следовавший рейсом № 93. Выдвигалась версия, что террористы, угнавшие самолет, собирались направить авиалайнер на Белый дом или Капитолий, но пассажиры, бросившиеся в кабину летчика, развернули лайнер и тем самым спасли огромное количество жизней. По прошествии двух лет главный редактор поручил мне написать материал о влиянии тех событий на психику американцев.

Я провел весь день на месте катастрофы, возле сооруженного на скорую руку памятника. Побеседовал со многими посетителями мемориала, взял интервью у местных жителей, которые помнили события тех дней. Поговорил с женщиной, чья дочь разбилась в автомобильной аварии; мать пришла сюда, чтобы разделить свое горе с другими пострадавшими. Я переписал много надписей, оставленных на асфальте у стоянки. Но все еще не мог нащупать личного подхода. Что я мог добавить к рассказу об этой ужасной трагедии, чего не сказали до меня? Я поехал в город, чтобы пообедать и перечитать свои записи. Написать колонку – это все равно что построить башню из кирпичиков: надо по крупицам собрать информацию, каждую цитату, каждое впечатление. Сначала нужно заложить крепкий фундамент, настолько прочный, чтобы он смог выдержать твои философские рассуждения, а потом возводить само здание. В моей записной книжке накопилось много увесистых кирпичей, но мне не хватало цемента, чтобы скрепить их. Я понятия не имел, что с этим делать.

Покончив с мясным рулетом и холодным чаем, я намеревался отправиться в отель, но вдруг, повинувшись внезапному порыву, развернулся и поехал на место трагедии, которое находилось в нескольких километрах от города. Солнце уже садилось, и последние посетители покидали мемориал. Я долго сидел там в одиночестве, пока закат превращался в сумерки, а сумерки в ночь. С холмов подул холодный ветер, и я плотнее запахнул плащ. Над головой на ветру развевался огромный американский флаг, освещенный последними отблесками заходящего солнца. Вот тогда мне передалось особое состояние этого святого места, и я проникся трагизмом события, которое произошло в небе над этим пустынным полем. Посмотрел на место крушения

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru самолета, потом перевел взгляд на флаг и почувствовал, как на глаза наворакиваются слезы. Впервые в жизни я не пожалел времени, чтобы пересчитать полоски на флаге. Семь красных и шесть белых. Я пересчитал все пятьдесят звездочек на синем фоне. Теперь флаг значил для нас гораздо больше. Новому поколению этот символ будет служить напоминанием о мужестве и принесенной жертве. И понял, о чем мне нужно писать.

Сунув руки в карманы, я направился к автостоянке. Долго стоял там в темноте и многое успел прочувствовать. Я гордился своими согражданами, которые пожертвовали собой ради спасения других людей. С другой стороны, испытывал неловкость: ведь в отличие от них я был жив, и ужасы тех дней не коснулись лично меня. Я, муж, отец и писатель, мог продолжать жить. Вот тогда-то, в ночном одиночестве, я ощутил конечность жизни и, как следствие, ее ценность. Мы принимаем ее как должное, но она хрупка, нестабильна, изменчива и может оборваться в любой момент. И понял то, что казалось очевидным, но о чем никто из нас почти не задумывается. А ведь в жизни нужно ценить каждую минуту, каждый час, каждый день.

Я почувствовал еще кое-что. Меня поразила широта человеческой души, способная вместить в себя и масштабную трагедию, и личную боль. Я имел в виду своего умирающего пса: даже перед лицом колоссальной человеческой боли здесь, на месте крушения самолета, я переживал за Марли.

Нашему псу словно дали взаймы некоторое время для жизни. Второй кризис мог случиться в любой день, и, когда это произойдет, я не смогу сопротивляться неизбежности. Делать операцию в его возрасте было бы жестоко, и мы с Дженни решились бы на такой шаг скорее ради себя, чем ради него. Мы любили этого сумасбродного пса, несмотря ни на что – или, возможно, за все, что он сделал. Однако оба понимали, что приближалось время и нужно отпустить его. Я сел в машину и вернулся в свой номер.

* * *

На следующее утро, написав материал, позвонил из отеля домой. Дженни сказала:

- Хочу, чтобы ты знал: Марли очень соскучился по тебе.
- Только Марли? – спросил я. – А как насчет остальных?
- Конечно, мы все скучаем, – засмеялась она. – Я хотела сказать, что Марли действительно скучает по тебе. Он сводит нас с ума.

По словам Дженни, прошлой ночью Марли, не найдя меня, всерьез разволновался: он обнюхал весь дом, не пропустив ни одной комнаты, проверил за дверями и в шкафах. Ему даже удалось вскарабкаться наверх, но, увидев, что меня там нет, он спустился и продолжил поиски по второму кругу.

- Он очень расстроился, – добавила Дженни.

Пес даже сумел спуститься в подвал по крутой лестнице со скользкими ступенями, где находилась мастерская. Обычно Марли подолгу сидел там со мной, пока я столярничал, и опилки сыпались на него, словно пушистые снежинки. А когда он спустился туда, то не смог самостоятельно выбраться и стоял там, визжа и скуля, пока Дженни и дети не пришли к нему на помощь. Им пришлось взять его под лапы и аккуратно вытаскивать из подвала.

Когда наступила ночь, пес, вместо того чтобы уснуть возле нашей кровати, улегся на лестничном пролете: так он мог видеть все спальни и входную дверь на тот случай, если я выйду откуда-нибудь или вернусь домой поздно ночью. Утром Дженни спустилась вниз, чтобы приготовить завтрак. Через несколько часов она забеспокоилась, потому что Марли до сих пор не появился, так как он обычно спешил на завтрак, а потом, поев, направлялся к входной двери и стучал по ней хвостом, подавая знак, чтобы мы выпустили его на прогулку. Дженни застала его спящим у кровати с моей стороны. А потом она поняла, почему он лег именно там. Когда она вставала, случайно сдвинула свои подушки на мою сторону. А когда кровать застелили, казалось, что лежали не подушки, а я. Поскольку зрение Марли оставляло желать лучшего, он, вероятно, принял кучу подушек за своего хозяина.

- Он был абсолютно уверен, что там спишь ты, – сказала Дженни. – Я видела, как

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru он туда смотрел! Он точно думал, что ты спишь!

Мы посмеялись, а потом Дженни добавила:

– Ты должен вознаградить его за такую верность.

Так я и сделал. Преданность всегда была важной чертой моего пса.

* * *

После возвращения из Шенксвиля прошла неделя, и вот начался кризис, которого мы так боялись. Я одевался в спальне, как вдруг услышал громкий стук, за которым последовал крик Конора:

– Помогите, Марли упал с лестницы!

Я подбежал и увидел Марли у основания лестницы, где он отчаянно пытался подняться на лапы. Мы с Дженни принялись ощупывать его, осторожно растерли его лапы, проверили ребра и помассировали спину. Вроде бы ничего не сломано. Марли со стоном встал и ушел, даже не хромая. Конор стал свидетелем происшествия. Марли начал спускаться по ступенькам, но, преодолев всего пару из них, понял, что вся семья осталась наверху, и попытался развернуться. Однако лапы отказали, и он полетел вниз, пересчитав все ступеньки.

– О, ему еще повезло! – заметил я. – Подобное падение могло закончиться летальным исходом.

– Не могу поверить, что все обошлось, – сказала Дженни. – Видимо, у него, как у кошки, девять жизней.

Но в том-то и проблема, что не обошлось. Через несколько минут Марли потерял способность двигаться, а когда я вернулся домой с работы, он совсем не мог пошевелиться. Казалось, у него болело все сразу и над его телом поработал искусный маньяк-убийца. Однако больше всего его подкосила травма левой передней лапы: она перестала подчиняться ему. Когда я растирал ее, пес не скулил, и мне показалось, что он просто растянул сухожилие. Как только он меня увидел, то безуспешно попытался встать. С учетом ослабленных задних лап у Марли осталась только одна рабочая конечность – для любого четвероногого существа это было просто ужасно. Он попытался балансировать на трех лапах, но задние конечности подкосились, и пес упал на пол. Дженни дала ему аспирин и приложила ледяной компресс к передней лапе. Марли, не теряя присущей ему игривости даже в такой непростой момент, попытался проглотить кубики льда.

В половине одиннадцатого вечера его состояние не улучшилось, а кроме того, он не мочился с часу дня, то есть уже около десяти часов. Я не представлял, как вынести его на улицу и затащить обратно. И все же решил попытаться. Широко расставив ноги и обхватив пса руками, я поставил его на задние лапы. Раскачиваясь, мы вместе побрели к парадной двери, и мне приходилось постоянно поддерживать его. Но на крыльце Марли замер. Шел сильный дождь, и ступеньки крыльца были мокрыми и скользкими. Он с тревогой посмотрел на них.

– Давай же, – попросил я. – Сходи быстро в туалет, и пойдем обратно.

Марли явно моя затея пришлась не по душе, а я не мог убедить его сделать свои дела прямо на крыльце. Старую собаку новому фокусу не обучишь. Он зашел в дом и посмотрел на меня так печально, словно извинялся за то, что не может выполнить мою просьбу.

– Мы попробуем еще раз попозже.

Словно вняв моим словам, он с трудом оперся на три рабочие лапы и опорожнил весь мочевой пузырь в прихожей. На полу расплылась большая лужа. Впервые с тех пор, как я принес его маленьким щенком, Марли написал в доме.

На следующее утро Марли стало лучше, хотя он все еще прихрамывал, как инвалид. Мы выгуляли его, и он облегчился без проблем. На счет «три» мы с Дженни втащили его на ступеньки крыльца.

– У меня такое ощущение, – сказал я, – что Марли никогда больше не сможет

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru самостоятельно подняться по лестнице. Ему придется научиться спать и вообще жить на нижнем этаже.

На следующий день я работал дома, сидя на втором этаже. Я писал на своем ноутбуке и вдруг услышал возню на лестнице. Перестал печатать и прислушался. Звук был на удивление знакомым и напоминал громкий топот, словно в гостиной скакал подкованный жеребец. Посмотрев на дверь спальни, я затаил дыхание. Через несколько секунд просунулась голова Марли, и он медленно зашел в комнату. Когда он меня заметил, в его глазах загорелся огонек. Ах, вот ты где! Пес склонил голову мне на колени, прося почесать его за ухом. Что ж, он заслужил такую награду.

– Марли, ты сделал это! – воскликнул я. – Черт возьми! Поверить не могу, что ты взобрался!

Позже, когда я сидел с ним на полу и почесывал ему шею, он повернул голову и весело схватил меня за запястье. Хороший знак – привычки игривого щенка все еще были живы в нем. Знал, как тяжело ему взбираться по лестнице. А ведь прошлой ночью мой пес заглянул в глаза смерти, и я уже готовился к худшему. Но сегодня Марли снова сопел, двигал лапой и пытался заигрывать со мной. Стоило мне подумать, что его долгая, счастливая жизнь закончилась, он вернулся.

Я поднял его голову и заставил посмотреть мне в глаза.

– Когда придет время, ты мне скажешь, ладно? – проговорил я, скорее утверждая, чем спрашивая. Мне не хотелось еще раз самому принимать решение. – Ты ведь предупредишь меня, правда?

Глава 27

Прощание

В тот год холода наступили рано. Дни стали совсем короткими, пронизывающий ветер раскачивал голые ветви деревьев. Мы укрылись в нашем уютном доме. Я заготовил приличный запас дров и сложил их в поленницу возле заднего крыльца. Дженни готовила вкусные супы и пекла хлеб, а дети снова просиживали у окна в нетерпеливом ожидании, когда же выпадет снег. Я тоже жил с предвкушением первого снегопада, но с некоторым страхом, переживет ли Марли еще одну зиму. Минувшая зима далась ему нелегко, к тому же он еще больше одряхлел. Я не знал, сможет ли он передвигаться по снегу и скользким дорогам. До меня постепенно начало доходить, почему пожилые люди перебираются жить на юг, во Флориду и Аризону.

Однажды воскресным вечером в середине декабря за окном завывал ветер. Дети уже сделали домашние задания и играли на музыкальных инструментах, а Дженни приготовила попкорн и объявила вечер семейного кино. Дети бросились выбирать фильм, а я решил пойти за дровами и свистнул Марли, чтобы он сопровождал меня. Пока набирал поленья, пес лег на покрытую инеем траву. В морду ему дул холодный ветер, и Марли нюхал его своим мокрым носом, словно хотел понять, когда же наступит весна. Я хлопнул в ладоши и помахал руками, чтобы привлечь его внимание, и он с большим трудом, опираясь лишь на передние лапы, поднялся по ступеням крыльца.

Пока дети решали, какой фильм посмотреть, я растопил камин. От него сразу повеяло теплом, и Марли поспешил занять свое любимое место напротив очага. Я лег на пол, устроившись в метре от него, положил под голову подушку и наблюдал больше за огнем, чем за сюжетом фильма. Марли не хотелось вставать с теплого места, но соблазн был слишком велик. Ему нравилось, когда перед ним лежал беззащитный человек. Кто в таком случае считался вожаком? Марли! Пес постучал хвостом по полу, и вскоре я заметил, как он подползает ко мне, подтягивая задние лапы. Через несколько секунд он уже прижимался ко мне. Но стоило мне потянуться, чтобы погладить пса, последовала мгновенная реакция: он приподнялся, отряхнулся, осыпая меня шерстью, и смотрел мне в лицо, оскалив свои огромные челюсти. Я засмеялся, и он принял мой смех как знак одобрения. Прежде чем до меня произошло происходящее, он навалился на меня всей своей массой, обхватив передними лапами мою грудь.

– Ого! – вскрикнул я под тяжестью его веса. – лобовая атака лабрадора!

Дети завизжали от восторга, а Марли все еще не мог поверить собственному счастью. Я даже не пытался сбросить его с себя. Он облизал мне лицо и ткнулся

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru носом в мою шею. Под тяжестью пса я с трудом дышал, и через несколько минут мне пришлось наполовину высвободиться из его объятий. Большую часть фильма мы лежали в таком положении: голова, плечо и одна лапа пса лежали на моей груди, а сам он прижался ко мне. В этой позе он и заснул, а я все продолжал гладить его по голове.

Тогда я никому не признался, что сознательно старался не испортить общения. Знал, что подобных моментов осталось не так много. В долгой, яркой жизни Марли наступили сумерки. И сейчас, оглядываясь в прошлое, понимаю: тот вечер у камина действительно оказался прощальным для нашего пса.

Через четыре дня мы погрузили наши вещи в минивэн и отправились на семейные каникулы в Диснейленд во Флориде. Впервые в своей жизни наши дети готовились встретить Рождество за пределами дома и, конечно же, были счастливы. Накануне отъезда Дженни отвезла Марли в ветеринарную клинику, в отделение специального ухода, где он должен пробыть неделю под круглосуточным наблюдением врачей и где его не беспокоили бы другие собаки. После его чудесного спасения прошлым летом сотрудники клиники были рады обеспечить ему прекрасные условия содержания совершенно бесплатно.

Дженни вернулась домой, и мы продолжили сборы, но в доме было как-то пусто без Марли. У наших ног не лежала огромная собака, которая мешала бы нам. Никто не пытался тайком улизнуть из дома, когда мы относили сумку в гараж. Свобода – это прекрасно, но дом без Марли казался гулким и пустым, даже когда шалили дети.

На следующее утро, до наступления рассвета, все сели в минивэн и тронулись на юг. Шутки по поводу поездки в Диснейленд были любимым занятием многих родителей. Я и сам не раз повторял: «За такие деньги мы могли бы всей семьей съездить в Париж!» Тем не менее наша семья, включая активного противника поездки в моем лице, отлично провела время. Нас не коснулась ни одна из всех возможных неприятностей: болезней, вспышек гнева из-за усталости, потерянных билетов, драк между детьми. Это были прекрасные семейные каникулы, и большую часть обратного пути на север мы вспоминали каждый аттракцион, каждое блюдо, каждый момент нашей поездки.

Когда нам оставалось всего лишь четыре часа езды до дома, зазвонил мой телефон. Это была медсестра ветеринарной лечебницы. Она сказала, что Марли стал апатичным, а его лапы почти неподвижны. Казалось, он испытывал дискомфорт. Ветеринару требуется наше согласие, чтобы ввести ему дополнительную дозу стероидов и обезболивающего. Конечно, сказал я. Сделайте все, чтобы ему было хорошо, завтра же заберем его.

На следующий день, 29 декабря, когда Дженни приехала за Марли, он выглядел немного усталым, но не казался больным. Как нас и предупреждали, его лапы стали еще слабее. Доктор рекомендовал давать Марли лекарства от артрита. Один из сотрудников помог Дженни уложить Марли в минивэн. Через полчаса после приезда домой у него начались рвотные позывы – он пытался отрыгнуть комок слизи в горле. Дженни выпустила его в сад, а он просто опустился на мерзлую землю и замер. В панике она позвонила мне на работу:

– Я не могу втащить его обратно! – кричала она. – Он лежит там, на холоде, и не может встать!

Я тотчас бросился домой, но через сорок пять минут, когда приехал, ей все же удалось поднять его и затолкнуть в дом. Пес растянулся в гостиной, и было видно: у него явно что-то болело, и он был не в себе.

За тринадцать лет ни разу не было случая, чтобы, входя в дом, я остался без приветствия Марли. Он припадал к моим ногам, трясся, вытягивался, сопел, барабанил по мне хвостом, будто я только что вернулся со Столетней войны. Но сегодня этого не произошло. Его глаза следили за мной, когда вошел в комнату, но пес даже не шелохнулся. Я опустился на колени и почесал пса за ухом. Никакой реакции. Он не попытался схватить меня за запястье, не хотел играть, не поднял головы. Его взгляд был устремлен вдаль, а хвост безжизненно лежал на полу.

Дженни оставила в ветеринарной лечебнице два сообщения и ждала, когда доктор позвонит, но стало ясно, что пора вызывать «Скорую». Я позвонил третий раз. Через несколько минут Марли поднялся на трясущиеся лапы и попытался срыгнуть, но

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru у него опять ничего не вышло. Тут я и заметил, что его живот стал гораздо больше обычного размера и сделался упругим на ощупь. У меня сердце ушло в пятки: я знал, что это означало. Снова позвонил в клинику и сказал, что у Марли вздулся живот. Секретарь попросила меня подождать минутку, а потом сообщила:

– Врач велела, чтобы вы привезли его.

На этот раз мы с Дженни даже не стали советоваться, так как поняли: пробил час Марли. Мы обняли детей и сказали им, что Марли стало плохо и его нужно отвезти в больницу, где врачи постараются вылечить нашего пса. Я оделся и заглянул в комнату: Дженни с детьми окружили лежащего на полу Марли, а ему, похоже, было уже все равно. Каждый из них хотел приласкать его, и у каждого осталось лишь несколько минут, чтобы побыть с псом наедине. Дети верили, что собака, которая была частью их жизни, скоро вернется и будет такой же, как прежде.

– Поправляйся, Марли, – пропищала Колин.

С помощью Дженни я затащил Марли в машину. Жена обняла пса в последний раз, и мы тронулись. Я пообещал позвонить, как только узнаю что-то новое. Марли лежал на полу возле заднего сиденья, положив морду на кожух кардана; одной рукой я держал руль, а другую протягивал назад, чтобы почесывать его голову и плечи.

– Ох, Марли, – повторял я.

На автостоянке ветлечебницы я помог псу выбраться из машины. Он обнюхал дерево, возле которого оставляли свои метки другие собаки. Любопытство не покидало его, несмотря на ужасное самочувствие. Я не торопил пса, ведь с большой вероятностью он делал это последний раз в своей жизни. Затем осторожно потянул поводок и повел его в клинику. Когда Марли вошел, то решил, что проделал достаточно большое путешествие, и осторожно приземлился на кафельный пол. После напрасных попыток заставить Марли подняться санитары положили его на носилки и увезли в смотровую.

Через несколько минут ветеринар, молодая женщина, которую я видел впервые, привела меня в смотровую и показала два рентгеновских снимка на белой доске. Я заметил, что желудок Марли увеличился почти вдвое. Врач указала на два темных пятна размером с кулак в том месте, где желудок переходит в кишечник. Это означало, что там произошел заворот. Она пообещала, что даст ему успокоительное, вставит в его желудок зонд и постарается выпустить газы, вызывавшие вздутие. Как и в прошлый раз, она хотела с помощью зонда устранить причину недуга Марли.

– Это займет много времени, – сказала она, – но я постараюсь помочь.

Итак, снова разыгрывалась лотерея с одним процентом, в которую блестяще сыграла летом доктор Хопкинсон. Если способ сработал один раз, он мог сработать и во второй. Я молчал, про себя надеясь на лучшее.

– Хорошо, – согласился я. – Пожалуйста, пусть это будет ваша лучшая операция.

Через полчаса вышла врач с мрачным лицом. Она трижды попыталась открыть кишечник, но все безрезультатно. Она дала Марли еще успокоительного, надеясь, что лекарство поможет расслабить мышцы живота. Когда и это не подействовало, в отчаянной попытке она вставила катетер между ребрами, но и эта процедура ни к чему не привела.

– При таком стечении обстоятельств единственный выход – это операция. – Она замолчала, словно оценивая, готов ли я слушать ее дальше. – Однако самое гуманное – усыпить его.

Нам с Дженни приходилось принимать подобное решение пять месяцев назад, и тогда мы сделали нелегкий выбор. Моя поездка в Шенксвилль только упрочила решимость не обрекать Марли на страдания. Однако, когда подумал об этом здесь, в клинике, во мне все содрогнулось.

Врач поняла мои чувства и еще раз сказала, какими осложнениями чреваты операции на собаках столь почтенного возраста, как Марли. Ее также сильно беспокоил сгусток крови, который вышел через катетер, – симптом заболевания стенок желудка.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

– Кто знает, что мы там обнаружим, если начнем операцию, – произнесла она.

Я сказал, что мне надо отлучиться, чтобы посоветоваться с женой. На автостоянке я позвонил Дженни и рассказал, что врач перепробовала все средства без всякого результата. Повисло молчание. Наконец она сказала:

– Я люблю тебя, Джон.

– Я тоже люблю тебя, Дженни, – ответил я.

Вернулся в клинику и спросил врача, можно ли мне побыть с Марли несколько минут наедине.

– Посидите с ним, сколько вам нужно, – разрешила она, предупредив, что ему ввели большую дозу успокоительного.

Я вошел и увидел своего пса, лежащего без сознания на носилках, на его предплечье закрепили капельницу. Опустился на колени и теребил пальцами его шерсть, как он любил. Погладил его. Приподнял оба вислых уха – каждое из них доставляло ему множество беспокойства все эти годы и обошлось нам в огромную сумму. Я приподнял его губу и посмотрел на крупные, стертые зубы. Поднял переднюю лапу и подержал ее между ладонями. Потом прижался лбом к его голове и долго сидел в такой позе, будто мысленно посылал ему сообщение. Мне хотелось, чтобы он понял многие вещи.

– Помнишь те гадости, которые мы про тебя говорили? – шептал я ему. – Что от тебя одна головная боль? Не верь этим словам. Не верь им ни на секунду, Марли.

Мне хотелось многое сказать ему, не только это. Было кое-что, о чем ни я, ни другие люди никогда не говорили ему. Но я хотел, чтобы он услышал это, прежде чем уйдет.

– Марли, – сказал я, – ты великолепный пес.

* * *

Врач встретила меня в вестибюле.

– Я готов, – произнес я.

Мой голос дрожал. А я-то думал, что уже давно подготовил себя к этому моменту. Понимая, что если скажу еще хоть что-нибудь, то расплачусь, просто кивал головой и подписывал необходимые бланки. Когда с документами было покончено, мы подошли к Марли. Я снова опустился на колени перед ним и положил руки ему на голову. Врач в это время готовила шприц.

– С вами все в порядке? – спросила она и, когда я кивнул, сделала укол. Челюсти Марли слегка дрогнули. Врач пощупала его пульс и сказала, что сердцебиение замедлилось, но не прекратилось. Он был крупной собакой. Через минуту после второго укола врач произнесла:

– Его больше нет.

Она оставила нас наедине, и я осторожно поднял его веко. Она была права: Марли с нами больше не было.

Я подошел к кассирше и оплатил счет. Она предложила на выбор: групповое кремирование за 75 долларов или индивидуальное, с возвратом урны с пеплом, за 170 долларов. Нет, заберу его домой, возразил я. Через несколько минут ветеринар с помощником вывезли тележку с большим черным пластиковым пакетом и помогли мне переложить его на заднее сиденье машины. Доктор пожала мне руку и сказала, что сожалеет о моей потере и сделала все, что зависело от нее. Наверное, пришло его время, ответил я, и поблагодарил ее.

По дороге домой я плакал. Такого со мной никогда еще не бывало, даже на похоронах родственников и знакомых. Приехав, я оставил Марли в машине и вошел в дом, где меня ждала Дженни. Дети уже спали, и мы решили, что расскажем им обо всем утром. Мы обнялись и заплакали. Я пытался описать ей состояние Марли,

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru говорил, что, когда наступил конец, он уже крепко спал и не почувствовал ни паники, ни боли. Но мне было трудно подобрать нужные слова. Позже мы вместе переложили большой черный пакет из машины в садовую тележку, которую на ночь оставили в гараже.

Глава 28

Под вишнями

В ту ночь мне не спалось. За час до рассвета я встал и тихо, чтобы не разбудить Дженни, оделся. На кухне выпил стакан воды – кофе мог подождать – и вышел на улицу, в слякоть и изморось. Взял лопату и кирку и двинулся на то место, где росли ели, которые облюбовал Марли минувшей зимой. Здесь я решил похоронить пса.

Температура была около нуля, и земля, к счастью, еще не промерзла. Быстро прокопав тонкий слой почвы, я наткнулся на тяжелую плотную глину вперемешку с камнями. Вспомнил, что сюда рабочие ссыпали грунт, когда копали яму для подвала. Через пятнадцать минут снял куртку и прервался, чтобы передохнуть. Через полчаса я был весь мокрый от пота, но углубился всего на полметра. Спустя сорок пять минут докопал до грунтовых вод. Мутная холодная вода быстро наполнила яму почти наполовину. Я сходил за ведром и начал вычерпывать воду, но она не убывала. Я не мог похоронить Марли в этом ледяном болоте. Ни за что!

Несмотря на усталость – мое сердце билось так, словно я пробежал марафон, – стал обследовать свой участок, чтобы подыскать более достойное место. И обратил внимание на две большие дикие вишни на опушке леса. Под их раскидистой кроной в серой рассветной мгле мне показалось, что стою в храме под открытым небом. Это были те самые деревья, в которые мы с Марли едва не врезались во время нашей памятной поездки на санках, и вслух сказал: «Вот отличное место». Здесь не было глины, а земля оказалась довольно сухой – просто мечта садовника. Вскоре я уже выкопал овальную яму, 60 на 90 сантиметров по периметру и 120 – вглубь. Зашел в дом и увидел, как проснувшиеся дети хлюпают носами. Дженни им все рассказала.

Я был очень растроган, когда увидел слезы на глазах у детей. Впервые в своей жизни они столкнулись со смертью. Конечно, Марли – всего лишь собака, а собаки приходят и уходят в течение человеческой жизни. Порой это случается просто потому, что они становятся ненужными. При каждой моей попытке поговорить с детьми о Марли у меня наворачивались слезы. И тогда я сказал, что они могут поплакать, потому что у совместного пути собаки и человека всегда грустный конец, ведь жизнь собаки короче. Я сказал им, что Марли спал, когда ему сделали укол, и он ничего не почувствовал. Он просто ушел в мир иной. Колин расстроилась из-за того, что ей не дали с ним по-настоящему попрощаться; она думала, что он вернется домой. Я сказал, что попрощался за всех нас. Конор, наш будущий писатель, показал мне кое-что – он сделал это для Марли, чтобы положить вместе с псом в могилу. Это был рисунок большого красного сердца с надписью: «Для Марли: надеюсь, что ты знал, как я любил тебя всю жизнь. Ты всегда был рядом, когда был мне нужен. При жизни и после смерти – я всегда буду любить тебя. Твой брат Конор Ричард Грогэн». А потом Колин нарисовала девочку с большой желтой собакой и с помощью брата написала: «Я никогда тебя не забуду».

Я вышел из дома и повез тело Марли на тележке. По дороге сорвал несколько еловых лап и положил их на дно ямы. Поднял тяжелое тело и бережно опустил его в могилу. Спрыгнув в яму, открыл мешок, чтобы посмотреть на Марли в последний раз, и уложил его так, как он любил спать у камина: свернувшись клубком, голова на боку. «Ладно, старина, вот и все», – вздохнул я, закрыл мешок и пошел в дом за Дженни и детьми.

Когда мы собрались у могилы, я положил рядом с головой Марли записки Конор и Колин. Патрик перочинным ножиком срезал пять пахучих еловых веточек – по одной для каждого. Мы по очереди бросили их в яму, молча постояли минуту, а затем, будто много раз это репетировали, сказали все вместе: «Марли, мы любим тебя». Я взял лопату и бросил вниз первый ком земли. Раздался неприятный звук удара о пластик. Дженни заплакала. Я продолжал закапывать могилу. Дети молчали.

Когда яма была наполовину заполнена, я сделал перерыв, и мы вернулись в дом. Все сели за кухонный стол и начали вспоминать Марли. В какой-то миг наши глаза наполнялись слезами, а уже через минуту мы улыбались. Дженни рассказала, как во время съемок фильма «Последняя пробежка на базу» Марли бесился, если кто-нибудь из киногруппы брал малыша Конора на руки. Я рассказывал обо всех поводах, которые пес сгрыз, и о том, как он однажды помочился прямо на ногу соседа. Мы

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru вспоминали все его погромы и ради любопытства подсчитали, во что нам обошлось восстановление. Теперь мы могли посмеяться над этим. Чтобы поднять детям настроение, я сказал им то, во что сам едва верил.

– Душа Марли сейчас в собачьем раю, – произнес я. – Он свободен и бегает по просторному золотистому лугу. Его лапы снова в порядке. Сердце нашего пса вновь бьется, у него отличное зрение и все зубы целы. Он в прекрасной форме и целыми днями носится за кроликами.

– И там множество стеклянных дверей, через которые он может прыгать, – добавила Дженни.

Все представили, как наш глупый пес продолжает свои забавы на небесах, и засмеялись.

Мне было пора собираться на работу. Я пошел к могиле Марли и засыпал ее до конца, аккуратно утрамбовывая рыхлую землю ногой. Сверху положил два больших валуна, которые притащил из леса. Затем вернулся в дом, принял горячий душ и отправился в офис.

* * *

Первые дни после смерти Марли мы не могли о нем говорить. На любимые темы разговоров о собаке теперь был наложен строгий запрет. Мы пытались вернуться к обычной жизни, а воспоминания о нашем псе препятствовали этому. Колин, например, не могла слышать его имени и смотреть на его фотографии. Она начинала плакать, сжимала кулачки и сердито твердила: «Не хочу о нем говорить!»

Я вернулся к повседневному ритму жизни: приезжал на работу, писал свою колонку, возвращался домой. В течение тринадцати лет Марли каждый вечер встречал меня у дверей. А теперь, когда входил в дом, мое сердце болезненно сжималось. Да и сам дом казался каким-то пустым, не похожим на настоящий. Дженни с маниакальным упорством пылесосила комнаты, стараясь очистить их от шерсти, которая за последние два года жизни Марли проникла повсюду. Так, медленно, но верно следы присутствия старой собаки в нашем доме исчезали. Однажды утром, надевая ботинки, я заметил на стельке шерсть Марли. Видимо, она налипла, когда ходил в носках по полу. Я погладил этот клочок двумя пальцами и улыбнулся, а потом показал Дженни со словами: «Не так-то просто нам будет с ним расстаться». Жена улыбнулась и вечером в спальне призналась (хотя всю неделю избегала разговоров на эту тему):

– Я скучаю по нему. Правда, очень-очень скучаю. Мне больно думать о нем...

– Понимаю, – ответил я. – Я тоже по нему скучаю.

Мне захотелось написать о Марли прощальную статью, но опасался, что мои чувства превратятся в слезливое сентиментальное излияние. Поэтому я сосредоточился на темах не столь дорогих моему сердцу. Тем не менее я постоянно носил с собой диктофон, и если в голову приходила интересная мысль, то записывал ее. Мне не хотелось показывать Марли как идеальную реинкарнацию Лэсси, да и вряд ли бы у меня это получилось. А ведь многие рисуют в своем воображении идеальный образ своих ушедших питомцев и делают из них нереально благородных животных, которые при жизни на уши вставляли ради своих хозяев – ну разве что не готовили яичницу на завтрак. Нет, я хотел быть честным. Марли действительно был огромным смешным недотепой, и он ничего не смыслил в командах, которым я пытался его обучить. По правде говоря, он с успехом мог бы стать наихудшей собакой на свете. И все же с самого начала пес интуитивно понимал, что значит быть лучшим другом человека.

Первую неделю после смерти Марли я по несколько раз приходил на его могилу. Отчасти хотел убедиться, что по ночам его не беспокоят дикие животные. Могилка оставалась нетронутой, только земля немного осела, и я подумал, что надо бы весной добавить еще пару тележек земли. Но главное – мне хотелось поддерживать с псом внутреннюю связь. Стоя там, я вспоминал эпизоды из его жизни. Меня озадачило, насколько глубоким оказалось мое горе из-за смерти Марли: я переживал гораздо сильнее, чем когда умирали мои знакомые. Естественно, сравнивать смерть человека и собаки было бы кощунством, но, честное слово, кроме членов моей семьи, мало кто был мне настолько беспредельно предан. Втайне от всех я достал из бардачка поводок Марли, оставленный здесь после последней поездки в клинику, и спрятал его в одном из ящиков шкафа под стопкой нижнего белья. Теперь каждое утро я мог прикоснуться к нему.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru

Всю неделю меня преследовало чувство ноющей боли внутри. Это реальная физическая боль, смахивающая на желудочные колики. Я стал апатичным, вялым. Даже не было сил, чтобы переключиться – поиграть на гитаре, вырезать что-то из дерева, почитать. Я был обескуражен, не зная, чем себя занять. В конце концов просто стал раньше ложиться спать и к десяти часам вечера уже был под одеялом.

На Новый год нас пригласили соседи. Друзья выразили нам свои соболезнования, но все старались сделать разговор легким и увлекательным. И все-таки мне удалось поговорить на волновавшую меня тему. За ужином к нам подсели наши добрые друзья Сара и Дэйв Пэндел, супружеская пара, оба ландшафтные дизайнеры. Они переехали в Пенсильванию из Калифорнии. Супруги купили старый заброшенный сарай, перестроили его и теперь жили там. Мы долго говорили о собаках, а также о любви к ним и чувствах, одолевающих после смерти любимого животного. Дэйв и Сара пять лет назад усыпили свою любимую австралийскую овчарку Нелли и похоронили ее на холме возле своего дома. Дэйв совсем не был склонен к сентиментальности – стоик, выросший в семье невозмутимых пенсильванских голландцев, однако он очень тяжело перенес смерть Нелли. Он рассказывал, как бродил по густому лесу за домом, пока не нашел для ее могилы идеальный камень в виде сердца. Резчику лишь оставалось вырезать на нем надпись «Нелли». Прошло уже столько лет, а они все еще оплакивали смерть своего пса. Как сказала Сара, вытирая слезы: «Иногда на жизненном пути встречается такая собака, которая поселяется в твоём сердце, и ее невозможно забыть».

В следующий уик-энд я долго гулял по лесу и к утру понедельника, когда вернулся на работу, уже был готов к тому, чтобы рассказать о собаке, поселившейся в моем сердце, которую никогда не забуду.

Я начал статью с описания своей прогулки к подножию холма на рассвете с лопатой в руках. И рассказал, как мне было непривычно выходить на улицу без Марли, ведь он сопровождал меня повсюду на протяжении тринадцати лет своей жизни. «А теперь в одиночку рыл могилу для своего пса», – писал я.

И процитировал своего отца: когда я сообщил ему о том, что Марли пришлось усыпить, он сделал псу лучший за всю его жизнь комплимент: «Другого такого, как Марли, уже не будет».

Я долго размышлял над тем, как передать его портрет, и вот что у меня в итоге получилось: «Никто не называл его замечательной и даже просто хорошей собакой. Он был свободен, словно привидение, и силен, как бык. Радостно преодолевал жизненные передряги, нередко превращаясь в сокрушительную природную стихию. Он был единственной известной мне собакой, которую выгнали с собачьей площадки». И дальше: «Марли портил диваны, разбивал стекла, ходил в туалет где ни попадя, подбирал использованные консервные банки и прочий хлам. Что касается его разума, скажу одно: он гонялся бы за собственным хвостом до последнего дня, пребывая в убеждении, что находится на пороге великого собачьего открытия». Но недостатки не были сутью моего пса, и я описал его интуицию и способность к сопереживанию, его нежное обращение с детьми и его простодушие.

Мне хотелось рассказать о том, как глубоко Марли затронул чувствительные струны в наших душах. Именно он преподавал нам самые важные в жизни уроки. «Человек многому может научиться у собаки, даже у такой странной, как наша, – писал я. – Марли учил нас весело и радостно проживать каждый день и всегда следовать зову своего сердца. Он научил нас ценить простые вещи: прогулка в лесу, первый снег, краткий сон солнечным зимним днем. Когда Марли постарел и здоровье его пошатнулось, он научил меня не терять оптимизма и не пасовать перед трудностями. Но главный его подвиг заключается в том, что он показал мне, что такое настоящая дружба, самоотверженность и подлинная верность».

Марли стал наставником. Я понял это только тогда, когда осознал его смерть. Он – учитель и пример для подражания. Да и могла ли собака, особенно такая неадекватная, дикая и неуправляемая, как наша, рассказать людям об истинных жизненных ценностях? Уверен, что да, могла. Верность. Смелость. Преданность. Простота. Радость. Благодаря Марли мы смогли понять вещи, которые в действительности оказались всего лишь мишурой. Собака не нуждается в престижном автомобиле, большом доме или дизайнерской одежде. Для Марли наш социальный статус не имел никакого значения. Зато он умел радоваться обычной палке на берегу океана. Собака оценивает других не по цвету кожи, вероисповеданию или

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru принадлежности к какому-либо классу, а по внутренним качествам. Для собаки все равно, беден ты или богат, образован или безграмотен, умен или глуп. Подари собаке свое сердце, и она ответит тебе взаимностью. На самом деле все просто, и только мы, люди, более мудрые и сложные существа, вечно создаем проблемы, просчитывая, что имеет смысл, а что нет. Пока я писал прощальную статью о Марли, я понял: истина всегда была рядом с нами, от нас только требовалось открыть глаза.

И помог мне это осознать мой шумный пыхтящий пес с чудовищными манерами и чистым сердцем.

Я закончил свою статью, отдал ее редактору и отправился домой с чувством облегчения и радости бытия, будто с моих плеч свалилось тяжелое бремя.

Глава 29

Клуб плохих собак

Когда я пришел на работу на следующее утро, на телефоне мигала красная лампочка, сигналившая об оставленном сообщении. Я набрал код доступа и впервые в своей жизни услышал: «Ящик голосовой почты переполнен. Пожалуйста, удалите все ненужные сообщения».

Я полез в свою электронную почту. Там та же история. Пришло невероятное количество сообщений. Надо отметить, что просмотр утренней почты был для меня своеобразным ритуалом, способом (хотя не всегда объективным) оценить резонанс, вызванный вчерашней публикацией. Пять-десять откликов означало, что послание не тронуло читателя, а несколько десятков писем оповещало об успехе. Но в то утро меня буквально засыпали сообщениями, темы которых звучали примерно так: «Мои искренние соболезнования», «О вашей потере» или просто «Марли».

Любители животных – это особый тип людей, с благородной душой, эмпатичных, возможно, немного склонных к сентиментальности, но с чистым и отзывчивым сердцем. Большинство среди тех, кто писал или звонил мне, просто выражали свои соболезнования. Они хотели сказать, что тоже пережили подобную потерю и понимают мое состояние. У многих читателей были старые собаки, и они так же, как и мы в свое время, жили в страхе перед неизбежным концом.

Одна пара писала: «Мы хорошо вас понимаем, приносим искренние соболезнования в связи с вашей утратой Марли и скорбим по нашей любимой Расти. Мы всегда будем по ним скучать, и никто их не заменит». Читательница Джойс благодарила: «Спасибо вам за то, что напомнили нам о нашем Дункане, который покоится на заднем дворе». Некая Деби прислала следующее письмо: «Наша семья понимает, что вы чувствуете. Прошлым летом мы усыпили своего 13-летнего золотистого ретривера Чуя. Многие из недостатков, которые имелись у вашей собаки, были и у него. Но когда в свой последний день он не смог даже встать, чтобы выйти на улицу, поняли, что не позволим ему больше страдать. Мы похоронили его на заднем дворе под красным кленом, который всегда будет напоминать о нем».

Моника, сотрудница рекрутингового агентства и по совместительству хозяйка лабрадора по кличке Кэти, написала: «Примите мои соболезнования. Я плачу вместе с вами. Моей девочке Кэти всего два года, а я постоянно думаю: «Моника, ну зачем ты позволила этому прекрасному созданию похитить твое сердце?» А вот письмо Кармелы: «Марли, вероятно, был замечательным псом, если семья так любила его. Только собачники в состоянии понять безоговорочную любовь, которую дарят эти животные, и ужасную боль, которая приходит, когда они покидают нас». Элейн: «Нашим любимцам природой отпущено слишком мало времени, и большую часть его они живут в ожидании, когда мы вернемся домой. Удивительно, сколько любви и радости они приносят в нашу жизнь и как сильно это сближает нас». Нэнси: «Собаки – одно из чудес света, они безмерно обогащают нашу жизнь!» Мари Пэт: «Я и сегодня скучаю по звуку колокольчиков на ошейнике Макса, которые звенели, когда он ходил по дому и проверял, все ли в порядке. Какое-то время тишина просто сводила с ума, особенно по ночам». Конни: «Любовь к собаке – самое удивительное состояние, не так ли? Это чувство заставляет нас понять, что наши отношения с другими людьми скучны, как политическая хроника».

Когда спустя несколько дней поток откликов наконец иссяк, я пересчитал их. Почти восемь сотен человек, в основном любители животных, откликнулись на мою колонку. Это было невероятным всплеском чувств, который помог мне прийти в себя после смерти Марли. Я прочитал все письма, прослушал все сообщения голосовой почты,

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru ответил, кому смог, и только тогда почувствовал себя лучше. Словно вступил в качестве полноправного члена в виртуальную группу поддержки. Публичное выражение моего личного горя превратилось в сеанс психотерапии. Оказалось, что любители собак не считают зазорным поделиться настоящей, пронзительной болью. Особенно если речь заходит о вещах, которые другим кажутся чем-то незначительным, – о смерти старой зловонной собаки.

Люди писали и звонили и по другой причине: им хотелось выразить несогласие с одним из тезисов моей статьи. Я утверждал, что Марли был самым невоспитанным псом на свете. «Извините, – говорилось в типичном ответе, – но ваша собака не могла быть самой ужасной в мире, потому что самой ужасной была моя собака». И в доказательство они детально описывали аморальное поведение своих питомцев. Я узнал о порванных шторах, украденном женском белье, съеденных именных тортах, поломанных деталях салона машины, невероятных побегах из дома, а также о проглоченных обручальных кольцах с бриллиантами. На этом фоне тяга Марли к золотым цепочкам показалась весьма примитивной. Моя папка «Входящие» напоминала ток-шоу «Плохие собаки и люди, которые их любят», где добровольные жертвы по очереди рассказывали не о достоинствах своих собак, а об их недостатках. Любопытный факт: героями большинства ужасных историй оказывались крупные чудаковатые лабрадоры, похожие на моего пса. Вопреки всему мы не были одиноки.

Некая Элисса рассказала, как ее лабрадор Мо постоянно убежал, когда хозяйева уходили и запирали его в доме. Его излюбленный способ – выбить оконное стекло. В конце концов Элисса и ее муж наглухо закрыли ставнями все окна нижнего этажа. Однако им не пришло в голову проделать то же самое на втором этаже. «Однажды муж вернулся домой и увидел, что одно из окон на верхнем этаже разбито. Он панически боялся отправиться на поиски пса, опасаясь худшего», – писала она. Но «внезапно Мо с виноватым видом показался из-за угла дома. Он знал о своей провинности, но мы были настолько поражены тем, каким чудом ему удалось уцелеть, что даже не ругали его. Скорее всего, после прыжка он приземлился на куст, который смягчил удар».

Лабрадор по кличке Ларри проглотил лифчик своей хозяйки, а через десять дней отрыгнул его в целости и сохранности. Джипси, еще один лабрадор и любитель приключений, съел жалюзи. Джейсон, помесь лабрадора и ирландского сеттера, быстро освоился с полутораметровым шлангом от пылесоса, «арматурой и другими подобными вещами», – рассказал Майк, хозяин собаки. «Помимо этого, Джейсон выгрыз дыру размером 60 на 90 сантиметров в пластиковой стене и задними лапами процарапал в ковре метровую борозду, вытягиваясь на своем обычном месте под окном, – написал Майк и добавил: – Но я любил этого пса».

Фебу, нечистокровного лабрадора, выгнали из двух собачьих приютов и запретили собаке там появляться, писала хозяйка Эми. «Оказалось, она была лидером стаи и освободила не только себя, но и еще двух собак. А потом они всю ночь пировали запасами продуктов приюта». Хейден, 40-килограммовый лабрадор, по словам хозяйки Кэролин, поедал все, до чего дотягивались его челюсти. Его рацион «обогатили» целая коробка замороженной рыбы, пара замшевых летних туфель и тубик суперклея, правда, не за один прием. Она добавила: «Тем не менее его звездный час пробил, когда он сорвал дверную раму в гараже. Я по глупости привязала к ней пса, чтобы он погрелся на солнышке».

Тим поделился воспоминаниями о своем палевом лабрадоре по кличке Ральф; тот был таким же воришкой в кухне, как и Марли, только поумнее. Как-то раз перед выходом из дома Тим положил большую плитку шоколада на холодильник, подальше от края, чтобы Ральф не мог дотянуться до нее. Но пес открыл лапами ящики серванта и, опираясь на них, как на ступеньки, взобрался наверх, после чего смог достать плитку. Несмотря на количество съеденного шоколада, у Ральфа не возникло никаких признаков недомогания. «А однажды, – писал Тим, – Ральф открыл холодильник и опустошил все наши запасы, за исключением того, что лежало в банках».

Нэнси вырезала и сохранила мою статью, потому что Марли очень напоминал ее лабрадора Грейси. «Я положила статью на стол и на минуту отвернулась, чтобы убрать ножницы, – написала она. – Грейси тотчас слизнула газетную вырезку».

Вот это да! Мне становилось все лучше и лучше. Марли больше не казался таким уж ужасным. Как бы то ни было, у него было много общего с членами Клуба плохих собак. Я распечатал несколько писем и показал их Дженни. Она прочитала их и расхохоталась – впервые после смерти Марли. Мои новые друзья из Тайного общества

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru хозяев сумасбродных собак помогли мне куда больше, чем они полагали.

* * *

Дни складывались в недели. Закончилась зима и наступила весна. На могиле Марли выросли бледно-желтые нарциссы, а сверху ее осыпали белоснежные лепестки вишни. Постепенно жизнь без нашего пса вошла в колею. Бывали дни, когда я даже не вспоминал о нем, но вдруг я замечал какую-нибудь незначительную деталь – шерстинку на моем свитере, стук поводка в моем ящике, когда доставал новую пару носков, – и мыслями снова возвращался к Марли. Со временем все плохое стиралось в памяти и оставались только приятные воспоминания. Давно забытые картины возникали с такой четкостью, будто прокручивал видеопленку. Вот Лиза, раненая девочка, выйдя из больницы, склоняется над ним и целует его в морду. Вот вся съемочная группа возится с ним. Вот почтальон, который каждый день оставляет ему скромный гостинец под дверь. А вот он держит манго передними лапами и гложет мякоть. Или тычется носом в детские подгузники, а морда у него одурманенная, как у наркомана, или клянчит успокоительное, словно это кусочки нежного мяса. Мимолетные вспышки, которые едва ли заслуживают места в памяти, тем не менее осели в ней и теперь появляются на моем воображаемом экране в самых неподходящих местах и в самое неудобное время. Большинство из них вызывали во мне улыбку, но порой я, прикусив губу, умолкал во время разговора.

Один из подобных моментов всплыл в моей памяти во время планерки. Передо мной снова возник Вест-Палм-Бич, Марли был еще щенком, а мы с Дженни – счастливыми молодоженами. Был прохладный зимний день. Мы прогуливались, взявшись за руки, вдоль Берегового канала, а Марли бежал впереди, увлекая нас за собой. Я позволил ему запрыгнуть на бетонный волнорез шириной примерно 60 сантиметров и высотой почти метр. «Джон, он может упасть», – предупредила Дженни. Я спросил: «Неужели ты считаешь его настолько глупым, что он способен прыгнуть вниз с края пропасти?».

Спустя десять секунд он именно так и поступил, с громким шлепком плюхнувшись в воду. Чтобы вытащить его на берег, нам пришлось срочно организовывать спасательную операцию.

Через несколько дней, когда я ехал брать интервью, в памяти ожила еще одна сцена, опять-таки из той поры, когда у нас с Дженни еще не было детей. Мы решили провести романтический уик-энд и сняли бунгало на острове Санибель. Невеста, жених и Марли. Я совершенно забыл о том уик-энде, но воспоминание неожиданно напомнило о себе, причем так ярко, словно это происходило вчера. Вот мы колесим через весь штат, а Марли втискивается между нами в машине, время от времени случайно передвигая носом рычаг переключения передач в нейтральное положение. А после проведенного на пляже дня мы искупали его в ванне, и все вокруг было забрызгано мыльной пеной, песком и водой. А потом мы с Дженни занимались любовью на прохладных хлопчатобумажных простынях, в открытые окна дул океанский бриз, а наш пес барабанил по матрацу своим, как у выдры, хвостом.

Марли был центральным персонажем в самых счастливых главах истории нашей совместной жизни. В них описывались наша любовь и взаимоотношения, наши карьерные взлеты и рождение детей – иными словами, все успехи, разочарования и открытия. Он вошел в нашу жизнь в ту пору, когда мы пытались представить себе, как нам удастся сохранить свою свободу в браке и реализовать себя. Он присоединился к нам в период, когда мы столкнулись с проблемами, знакомыми любой паре, – нередко болезненным процессом слияния двух разных прошлых в одно общее будущее. Он стал крепкой нитью в узоре на канве совместной жизни. Точно так же, как мы помогли ему подняться до уровня домашнего любимца, он помог нам повзрослеть – стать супружеской парой, родителями, любителями животных. Несмотря на все разочарования и неоправдавшиеся ожидания, Марли преподнес нам бесценный подарок. Он научил нас искусству безграничной любви. Умению дарить и принимать ее. А там, где живет любовь, все остальное приложится.

* * *

На следующее лето после смерти Марли мы соорудили бассейн, и я не мог отделаться от мыслей, как бы он понравился нашему неутомимому водоплавающему псу. (Разумеется, он моментально процарапал бы прокладку и забил фильтр своей шерстью.) Дженни не переставала удивляться, насколько просто стало поддерживать дом в чистоте в отсутствие собаки. А я признался, что мне нравится ходить босиком по газону, не волнуясь о том, куда наступить. Наш садик выглядел гораздо лучше, ведь раньше по нему носился взад-вперед огромный охотник с могучими

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru лапами, преследующий кроликов. Нет сомнений, жизнь без собаки и легче, и необыкновенно проще. Мы могли все вместе уехать на выходные, не ломая голову, куда бы пристроить пса. Можно было пойти пообедать, не опасаясь за свое добро. Дети могли спокойно есть за столом, и никому не приходилось следить за тем, чтобы пес не залез к ним в тарелку. А когда уходили, мусорное ведро не нужно было убирать на кухонный шкаф. Мы могли спокойно наслаждаться вспышками молний за окном. Особенно радовала свобода передвижения по дому без гигантского желтого магнита, притянутого к моим пяткам.

Но без собаки мы не чувствовали себя полноценной семьей.

* * *

Однажды в конце лета я спустился позавтракать, и Дженни передала мне раскрытую газету.

– Ты не поверишь, – сказала она.

Раз в неделю наша местная газета публиковала фото и давала описание какой-нибудь собаки из приюта для бродячих животных. Там указывалось имя собаки и содержалась краткая характеристика «от первого лица», будто животное само описывает свои лучшие качества. Это была уловка, с помощью которой сотрудники приюта старались выставить собаку очаровательной и милой. Мы всегда находили эти собачьи резюме довольно забавными, поскольку это была явная попытка придать лоска этим никому не нужным животным, от которых однажды уже отказались их хозяева.

В тот день на меня со страниц газеты смотрела морда, которую мгновенно узнал. Наш Марли. По крайней мере эта собака была его точной копией. Огромный кобель-лабрадор, чья голова напоминала наковальню, с морщинистым лбом и вислыми ушами, забавно оттопыренными назад под углом. Пес смотрел прямо в объектив, наверняка он дрожал от нетерпения сбить фотографа с ног и попытаться проглотить его камеру. Под фото стояла подпись: «Счастливчик». Я вслух прочитал объявление о продаже. «Я полон сил. Мне будет хорошо у спокойных хозяев, пока я учусь контролировать свою энергию. Моя жизнь была нелегкой, поэтому моя новая семья должна проявить терпение и научить меня собачьим манерам».

– О боже, – воскликнул я. – Это он! Он восстал из мертвых!

– Реинкарнация, – подтвердила Дженни.

Сходство Счастливчика и Марли было поразительным. Полон сил? Проблемы с контролем энергии? Обучать собачьим манерам? Нам отлично знакомы эти эвфемизмы, потому что сами их использовали. Наш умственно отсталый пес вернулся, снова молодой и сильный и еще более дикий. Мы оба стояли над газетой, не проронив ни слова.

– Думаю, можно сходить посмотреть на него, – наконец сказал я.

– Да, ради смеха, – добавила Дженни.

– Правильно. Просто из любопытства.

– Это никому не повредит.

– Конечно, – согласился я.

– Что ж, – сказала Дженни, – почему бы и нет?

– Что мы теряем? – подытожил я.

От автора

Один в поле не воин, поэтому мне хотелось бы сказать слова благодарности многим людям, ведь их поддержка помогла мне осуществить замысел этой книги. Прежде всего хотелось бы выразить глубокую признательность своему агенту, талантливой и неутомимой Лори Эбкемайер из компании DeFiore; она поверила в мою историю и мои способности даже раньше меня самого. Убежден, если бы не ее энтузиазм и полезные рекомендации, эта книга так и осталась бы лишь в моем воображении. Спасибо, Лори. Ты поверенный в моих делах, мой адвокат, мой друг.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru Искренне благодарю своего замечательного редактора Мауро Ди Прета; ее справедливые и разумные замечания помогли сделать эту книгу лучше, и всегда веселую Джоэль Юдин, отвечавшую за процесс подготовки рукописи. Мне также хочется поблагодарить Майкла Моррисона, Лизу Гэллахер, Сила Балленджера, Анну Марию Элесси, Кристину Танигава, Ричарда Акуана и всех-всех сотрудников издательства HarperCollins за то, что они полюбили Марли и помогли воплотить мою мечту.

Я ощущаю себя должником редакторов газеты Philadelphia Inquirer: они вызволили меня из добровольной ссылки из газетного бизнеса, без которого не мыслю своей жизни, и преподнесли мне бесценный подарок в виде авторской колонки в одной из ведущих американских газет.

Не хватает слов, чтобы выразить свою благодарность Анне Квиндлен, чьи энтузиазм и поддержка стали для меня опорой до такой степени, что трудно себе представить.

Благодарю от всего сердца Джона Каца, который давал мне ценные советы и постоянно находился на связи; его книги вдохновили меня, особенно «Год собаки: Двенадцать месяцев, четыре собаки и я» (A Dog Year: Twelve Months, Four Dogs, and Me).

Спасибо Джиму Тольпину, невероятно занятому юристу, который всегда находил время дать мне бесплатные и мудрые советы. Спасибо Питу и Морин Келли, их поддержка вдохновляла меня. Никогда не забуду ваш великолепный коттедж с видом на озеро Гурон. Благодарю Рэя и Джо Энн Смит за то, что они оказывались рядом, когда особенно нуждался в них, а также Тимоти Р. Смита за прекрасную музыку, которая заставила меня плакать. Спасибо Землекопу Дэну за постоянные поставки копченого мяса. Благодарю моих братьев, Мариджо, Тимоти и Майкла Грогэн, за поддержку. Спасибо Марии Родейл за искреннее доверие и помощь в обретении душевного равновесия. Спасибо всем моим друзьям и коллегам, которых слишком много, чтобы здесь упомянуть каждого, за их доброту, поддержку и добрые пожелания... Спасибо вам.

Я не смог бы осуществить этот проект даже в воображении, если бы не моя мама Рут Мари Ховард Грогэн, которая в детстве научила меня радоваться от души рассказанной сказке и поделилась своим даром со мной. Вспоминаю с грустью и отдаю должное самому верному своему почитателю, своему отцу Ричарду Фрэнку Грогэну, который скончался 23 декабря 2004 года, когда эта книга готовилась к печати. Он так и не успел прочесть мое сочинение, но однажды вечером, когда здоровье уже подводило его, я сел рядом и прочитал ему вслух несколько глав. Он слушал меня и улыбался. Никогда не забуду эту улыбку.

Я многим обязан замечательной и терпеливой жене Дженни и своим детям Патрику, Конору и Колин, которые позволили мне выставить их на всеобщее обозрение и поделиться самыми интимными подробностями нашей семейной жизни.

И наконец (да, еще раз), хочу поблагодарить своего незадачливого четвероногого друга, без которого немыслима эта книга. Он был бы рад узнать, что благодаря выходу книги он сполна рассчитался с нами за все порванные матрацы, разрушенные стены и ценные проглоченные предметы.

* * *

Примечания

1

Боб Марли – ямайский музыкант, гитарист, вокалист, композитор. Хотя со времени его смерти (1981) прошло много лет, он остается самым известным исполнителем в стиле регги. – Здесь и далее примеч. ред.

2

Боб Седжер – рок-музыкант, популярный в 1960–1970-е гг.

3

Джон Мелленкамп – американский рок-музыкант, который начинал свою карьеру под

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
именем Джонни Кугар.

4

Ки-Уэст – самый южный город континентальных штатов США.

5

Гари Ларсон – один из выдающихся карикатуристов Америки 1980–1990-х гг.

6

Эндометриоз – гинекологическое заболевание, при котором клетки эндометрия (внутреннего слоя стенки матки) разрастаются за пределами этого слоя, вызывая воспалительный процесс, сопровождающийся болями. Развивается у женщин репродуктивного возраста.

7

Welcome wagon – организация, помогающая иммигрантам или переселенцам устроиться на новом месте; сотрудники организации рассказывают новоприбывшим о районе, вручают подарки, образцы товаров, продающихся в местных магазинах.

8

Ар-деко – влиятельное течение в изобразительном и декоративном искусстве первой половины XX в., зародившееся во Франции в 1920-х гг.

9

Джеймс Харрис, 3-й граф Малмсбери (1807–1889) – видный консервативный политик. Он занимал должности министра иностранных дел (1852, 1858–1859), лорда-хранителя Малой печати (1866–1868, 1874–1876) и лидера палаты лордов (1868).

10

Лесси – вымышленная собака породы колли, персонаж многих фильмов, сериалов и книг.

11

Жизнерадостность (фр.).

12

Саркома Капоши – заболевание, связанное с вирусом герпеса; чаще встречается у людей, зараженных вирусом иммунодефицита человека.

13

Вот и малыш! (исп.)

14

Том Петти – американский рок-музыкант.

15

Дональд Джон Трамп – 45-й президент Соединенных Штатов Америки с 20 января 2017 г. До избрания на пост президента США был известен как предприниматель и медиамагнат.

16

Рефлюкс – обратный ток содержимого полых органов по сравнению с нормальным его движением.

Марли и я жизнь с самой ужасной собакой в мире. Джон Грогэн buckshee.petimer.ru
17
«Мы – чемпионы». – Ред.

18
Grateful Dead (в переводе с англ.: «Благодарные мертвецы») – американская рок-группа с фронтменом Джерри Гарсией, основанная в 1965 г. в Сан-Франциско.

19
Гарри Гудини – американский иллюзионист.

20
Восприятие ребенка основано на игре слов: слово «карандаш» (англ. pencil) созвучно с названием штата Пенсильвания.

21
Святой Грааль – в средневековых кельтских и нормандских легендах одно из орудий Страстей – чаша, из которой Иисус Христос вкушал на Тайной вечере и в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь из ран распятого на кресте Спасителя.

22
Лутц – прыжок в фигурном катании.

23 Гражданская война в США – 1861–1865 гг. между Союзом 20 нерабовладельческих штатов и 4 пограничных штатов Севера с одной стороны и Конфедерацией 11 рабовладельческих штатов Юга – с другой.

Спасибо, что читали книгу на форуме Бакши [buckshee-Спорт](http://buckshee-sport.ru), авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни. Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/>
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, спортивное питание, косметика, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!

сайт <http://petimer.com/>